

Н. Д. ФИНКЕЛЬБЕРГ

Арабский язык

Курс теории перевода

Москва
 АСТ
Восток
Запад
2004

УДК 811.411.2125
ББК 81.2Араб-2
Ф 59

Финкельберг Н. Д.
Ф 59 **Арабский язык. Курс теории перевода.** — М.: Восток –
Запад, 2004. — 232 с.

ISBN 5-478-00021-3

Предлагаемый курс лекций отражает представления о тех сторонах арабского языка и тех особенностях арабского менталитета, которые являются релевантными для русского переводчика.

В свете межкультурной коммуникации впервые рассматриваются особенности переводческой деятельности в условиях арабско-русской комбинации языков и лингвосоциокультурные аспекты частного переводоведения. Теоретические положения, подкрепленные конкретными примерами из переводческой практики, создают научную базу данных для эвристической деятельности сознания переводчика.

Для преподавателей и студентов специальных вузов, изучающих теорию перевода, а также для научных работников, занимающихся этнопсихолингвистикой и лингвокультурологией.

УДК 811.411.2125
ББК 81.2Араб-2

ISBN 5-478-00021-3

© Н. Д. Финкельберг, 2004
© «Восток – Запад», 2004

Edited with the trial version of
Foxit Advanced PDF Editor

To remove this notice, visit:
www.foxitsoftware.com/shopping

Предисловие

Середина прошлого столетия была отмечена резким увеличением контактов между Арабским Востоком и Россией. Появилась острая потребность в подготовке профессиональных переводчиков. Это, в свою очередь, потребовало, с одной стороны, разрабатывать методику обучения будущих переводчиков, а с другой — переходить от академической системы обучения арабскому языку как языку классической арабской литературы к обучению тому арабскому языку, которым пользуется современное арабское лингвосоциокультурное сообщество в различных сферах общения, а не только в сфере письменного общения. Чтобы удовлетворить эти требования в тех жестких условиях, которые создала жизнь и в которых оказались арабские переводчики в 60-х и 70-х годах XX века, потребовались самоотверженные совместные усилия арабистов, которые целенаправленно изучали опыт переводческого сопоставления арабского и русского языков, анализировали типовые переводческие ошибки, осваивали достижения общей теории перевода и частных лингвистических теорий перевода, писали и корректировали учебную литературу по переводу. Со временем обучение переводу в специализированных высших учебных заведениях становилось все более эффективным с точки зрения тех практических умений и навыков, которые получали их выпускники. Одновременно с этим укреплялась научная база данных об особенностях процессов арабско-русского и русско-арабского переводов, вырабатывались основы частной лингвистической теории перевода для арабско-русской комбинации языков.

Предлагаемый курс лекций отражает представления о тех сторонах арабского языка и тех особенностях арабского менталитета, которые являются релевантными для русского переводчика.

По мнению автора, курс полезен для тех, кто собирается заниматься переводческой деятельностью и хочет углубить теоретические знания, приобретенные в курсе общего перевода, познакомившись с основами частной теории перевода для арабско-русской комбинации языков. Курс призван дать обучаемым инструментарий, который поможет им анализировать особенности речевого и коммуникативного поведения арабского коммуниканта в условиях межкультурного общения, с тем чтобы определять стратегию и тактику принятия своих переводческих решений, опираясь на научную базу данных.

Эта книга может оказаться полезной для преподавателя, который собирается читать или читает аналогичный курс. Кроме того, она может быть использована студентами, изучающими аналогичный курс в ВУЗе, для подготовки к занятиям или к экзаменам.

Курс может быть полезен и для тех, кто планирует заниматься научной деятельностью, исследовать в сопоставительном плане ментально-лингвальные процессы, комплексы и дискурсы, особенно если в сферу научных интересов исследователя попадает сопоставление европейских и восточных лингвосоциокультурных сообществ.

Автор надеется, что к курсу проявят интерес ученые, занимающиеся этнопсихолингвистикой и лингвокультурологией, найдя в нем фактический материал, до сих пор еще не входивший в научный обиход.

Введение

Настоящий курс частной теории перевода арабского языка представляет собой первую попытку последовательно применить системный подход при рассмотрении переводоведческой проблематики в рамках арабско-русской комбинации языков.

В современной системной парадигме перевод рассматривается через призму основных системологических принципов и категорий. Основными *принципами* являются представления о целостности объектов мира, о соотношении целого и его частей, о взаимодействии объекта со средой, об общих закономерностях функционирования и развития систем. Основными *категориями* являются понятия система и надсистема, материальные и идеальные системы, элемент системы, отношение, функция, структура и т. д.

Системная концепция перевода есть результат интеграции накопленного знания и коррекции многих прежних положений теории перевода в свете новых научных данных. В рамках этой концепции перевод выделяется в качестве целостного объекта на фоне иных объектов действительности, с которыми перевод связывают определенные внешние системные характеристики — совместная деятельность людей, знаковое (языковое и неязыковое) взаимодействие, одноязычная и двуязычная коммуникация.

Системный подход предусматривает возможность множественности описания объекта при допустимости различных его членений, однако исходным пунктом изучения объекта должна стать его целочастная характеристика в системе целого, установление его *внешних* связей с системами, для которых его система является подсистемой. В рамках этого требования перевод может быть квалифицирован как *вид* двуязычной коммуникации, которая, в свою очередь, является *родом* языковой коммуникации, входящей

в ранге подкласса в коммуникацию вообще как класс объектов»¹. Специфическая качественная определенность перевода состоит в том, что перевод есть «знаковое, языковое, двуязычное, опосредованное взаимодействие социальных субъектов»².

На основе системного подхода определяются и *внутренние характеристики* перевода. К ним относятся *состав элементов, их свойства и связи*.

Согласно системологическим постулатам, внутренние системные характеристики объекта взаимообусловлены его внешними характеристиками: «с одной стороны, функция и свойства объекта, будучи заданными надсистемой, в свою очередь сами задают состав элементов объекта, которые должны обладать определенными свойствами, характеризующими их предрасположенность к вступлению в определенные связи, т. е. к выполнению определенных функций; с другой стороны, то или иное изменение состава элементов объекта или его свойств, ведущее к тому или иному изменению связей между ними, влияет на изменение функции и свойств объекта как целого»³. Так, если надсистема совместной деятельности разноязычных коммуникантов требует жесткого ограничения во времени, переводчик, осуществляя двусторонний перевод, будет использовать прием речевой компрессии, сокращая тем самым время звучания текста перевода. При зрительно-письменном переводе, в условиях отсутствия требования надсистемы ограничить объем переводного текста, тот же исходный текст будет переведен с большей степенью эквивалентности. Но, если вместо компрессии переводчик ограничится кратким изложением целей адресанта, т. е. кардинально изменит функции и свойства объекта, то перевод как объект перестанет существовать, а его место займет иной вид двуязычной коммуникации — пересказ или реферат.

¹ Пыриков Е. Г. Коммуникативные аспекты перевода и терминология (Методическое пособие). М., 1992. С. 42.

² Там же.

³ Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978. С. 368.

Выход в системную парадигму переводоведения был продиктован всей логикой развития теории перевода и органической связью, которая существует между различными науками в ходе поступательного развития научной мысли, сколь бы ни были велики эти различия. Как известно, системный подход оказался особенно результативным в науках, для которых характерен объект исследования, данный не в прямом наблюдении, с неясными субстанциональными, структурными и функциональными характеристиками. Переводоведение принадлежит именно к таким наукам, поэтому последовательная разработка теоретических проблем перевода в рамках системной парадигмы, которая вобрала все достигнутое в рамках лингвистической, психолингвистической и деятельностно-коммуникативной концепций, имеет большое будущее.

В качестве *основной стратегической задачи* курса поставлена задача обеспечить (насколько это позволяет нынешний уровень научного знания предмета) понимание будущими переводчиками особенностей кодирования информации в арабском тексте. Эта задача решается комплексным рассмотрением в лекциях собственно лингвистических, лингвосоциокультурных и психолингвистических проблем арабско-русского перевода.

Структура курса включает несколько блоков рассматриваемых проблем.

Первый блок состоит из двух лекций по проблематике частной теории арабского перевода (лекции 1 и 2). Цель этих лекций — напомнить обучаемым основные положения современной парадигмы переводоведения и ознакомить с состоянием частной теории перевода арабского языка (далее — ЧТПАЯ).

Второй блок касается языкового и речевого аспектов ЧТПАЯ. Последовательность лекций отражает алгоритм анализа исходного текста (первой фазы переводческой деятельности). Блок открывается лекциями об особенностях арабской номинации — уровень знака (лекции 3–6), за которыми идет лекция об особенностях референции — уровень выражения (лекция 7), и завершается блок лекцией об особенностях описания целостного образа ситуации — уровень сообщения (лекция 8).

Третий блок посвящен проблемам текстологического аспекта ЧТПАЯ. В него включены шесть лекций. Лекции этого блока касаются некоторых вопросов категориальных качеств арабского текста (связность и цельность, темпоральность и эмоционально-оценочное качество — лекции 10–13), а также вопросов стиля (лекция 14). Завершает блок лекция об особенностях перевода арабских нарративных и аффективных текстов (лекция 15). В этой завершающей лекции, кроме общей стилистической характеристики нарративных и аффективных текстов, дается описание последовательных действий и операций во время практической работы переводчика с данными конкретными типами текстов на предпереводческом этапе и во время обеих фаз перевода.

Последний блок состоит из двух лекций. Лекция 16 знакомит обучающихся с основными типами справочной литературы, необходимой в работе переводчика, и с приемами работы со словарями — толковыми, двуязычными и специальными. В лекции 17 речь идет об особенностях арабского менталитета, с которыми сталкивается русский переводчик в условиях прямого контакта разнокультурных коммуникантов.

Завершает курс список контрольных вопросов по содержанию лекций, краткий словарь переводоведческих терминов и списки рекомендуемой научной литературы и словарей.

Следует, очевидно, добавить, что концепция, которая предлагается в рамках данного курса, прошла апробацию на переводческих факультетах Военного университета и Московского государственного лингвистического университета.

Предлагаемый текст курса не является распечаткой фонозаписей лекций. Он содержит лишь основу, опираясь на которую лектор читает свои лекции, что-то добавляя или сокращая в соответствии с программой конкретного ВУЗа.

ЛЕКЦИЯ 1

ПРОБЛЕМАТИКА ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА (I)

Общая и частные теории перевода. Лингвистические частные теории перевода. Три группы проблем в частных лингвистических теориях перевода. Лингвистические проблемы в частной теории перевода арабского языка.

Словом **перевод** может обозначаться *деятельность* переводчика по осуществлению специфического вида межкузыковой коммуникации и *текст*, созданный переводчиком в результате этой деятельности. Объектом теории перевода являются переводческая деятельность (ее лингвистические, психолингвистические и социокультурные детерминанты) и текст как результат этой деятельности (различия исходного и переводного текстов с точки зрения понимания смысла и возможного достижения тождественных реакций у разноязычных получателей текста оригинала и текста перевода).

Обе составляющих объекта единой теории, которые для удобства описания назовем **объект Д** (далее — **ОД**) и **объект Т** (далее — **ОТ**), представляют собой системные образования со своими элементами и структурными отношениями между элементами, функциями элементов внутри системы и самой системы в рамках надсистемы. Такой надсистемой для перевода (**ОД**) является совместная деятельность людей в двуязычном коллективе. Тогда перевод (**ОД**) может быть квалифицирован как особый «вид двуязычной коммуникации, которая в свою очередь является *родом* языковой коммуникации, входящей в ранге *подкласса* в коммуникацию вообще как *класс* объектов»¹.

Системная парадигма позволяет рассматривать **ОД** и **ОТ** через призму основных системологических принципов и категорий, т. е. через призму представлений о целостности объектов мира, о со-

¹ Пыриков Е. Г. Коммуникативные аспекты перевода и терминология. М., 1992. С. 42.

отношении целого и его частей, о взаимодействии объекта со средой, о закономерностях функционирования и развития систем. Такой взгляд на перевод дает возможность понять особенности данной науки и увидеть перспективные направления ее развития.

Абсолютное большинство элементов и ОД и ОТ находятся вне видимости, будучи скрыты в сознании участников двуязычной коммуникации. Следовательно, исследовать процессы, происходящие в «черном ящике» сознания, пока приходится только по результатам деятельности переводчика. Если в рамках теорий точных наук все рассуждения доказательны, а их результаты неоспоримы и окончательны, то в теории перевода рассуждения носят не доказательный, а правдоподобный характер. Если в рамках теорий точных наук всякое утверждение расценивается как истинное или ложное, то в теории перевода утверждение расценивается лишь как более правдоподобная или менее правдоподобная догадка. В современной науке такие теории называют конструктивными. В основе разработки конструктивных наук лежит принцип двухступенчатости, т. е. принцип сочетания наблюдения с постулированием абстрактных научных понятий (первая ступень) и проверка объяснительной силы сформулированной гипотезы на практике (вторая ступень).

В этом смысле объект конструктивных наук есть явление исторического характера и ему свойственна изменчивость, а предмет конструктивной науки (сведения об объекте) лишен нормативности.

Как писал Эйнштейн, «в нашем стремлении понять реальность мы отчасти подобны человеку, который хочет понять механизм закрытых часов. Он видит циферблат и движущиеся стрелки, далее слышит тиканье, но он не имеет средств открыть их корпус. Если он остроумен, он может нарисовать себе некую картину механизма, которая отвечала бы всему, что он наблюдает, но он никогда не может быть вполне уверен в том, что его картина единственная, которая могла бы объяснить его наблюдения... Но он, конечно, уверен в том, что по мере того, как возрастает его знание, его картина реальности становится все проще и проще и будет объяснять все более широкий ряд его чувственных восприятий»¹.

¹ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. I. М., 1996. С. 677.

Теория перевода как всякая наука располагает своими методами исследования ОД и ОТ. К ним относятся: метод дедуктивных творческих построений; метод переводческого эксперимента; сопоставительный анализ текстов; опрос информантов-переводчиков и самонаблюдение за собственной переводческой деятельностью; литературоведческий анализ сопоставления художественно-эстетического воздействия текстов оригинала и перевода; точные методы (например, при исследовании синхронного перевода); привлечение данных истории и этнографии; метод сопоставительного изучения общих содержательных категорий типа «движение», «нахождение в пространстве», «обладание» и пр.; сопоставительное изучение темпоральных, оценочных и других качеств текстов и т. д.

Процесс перевода отличается большим разнообразием. Он может отличаться по тому, кто выступает в роли переводчика — человек или машина; по условиям работы переводчика-человека — устные или письменные виды перевода; по жанровым характеристикам текстов, которые подлежат переводу; наконец, по тому, с какими конкретными двумя языками работает переводчик. Тем не менее во всех вариантах перевода присутствуют общие признаки, отличающие двуязычную коммуникацию с участием посредника от одноязычной. В связи с этим принято различать **общую теорию перевода** и **частные теории перевода**.

Общая теория перевода призвана изучать сущностно важные признаки двуязычной коммуникации с участием посредника, моделируя процесс перевода в его типических и повторяющихся проявлениях, а также формулируя базовые понятия науки.

Частные теории перевода учитывают наиболее существенные различия, которые вносит в процесс перевода отмеченное выше его разнообразие. Может акцентироваться один из элементов системы. Так, различают теорию машинного перевода, теорию устного перевода, теорию художественного перевода, теорию военного перевода и т. д. Кроме того, в частных теориях перевода выделяются теории по основанию конкретной пары контактирующих языков: теория перевода французского языка, теория перевода арабского языка и т. п. Могут акцентироваться два и более эле-

ментов системы. Так, различают теорию художественного перевода определенного языка, теорию военного перевода данного языка, теорию устного военного перевода данного языка и т. п.

Постоянная взаимосвязь общей и частных теорий перевода ведет к взаимному обогащению науки о переводе.

Наиболее важными частными теориями перевода являются те, в которых акцент исследования делается на конкретную пару контактирующих языков, так называемые частные лингвистические теории перевода (далее — ЧЛТП). Это понятно, так как процесс перевода материализуется в языковых формах и именно материальная, эксплицитная их данность позволяет ближе всего подойти к имплицитным элементам системы и особенностям ее функционирования, скрытых от непосредственного наблюдения.

В проблематике частных лингвистических теорий перевода выделяются три группы проблем: **собственно лингвистические, лингвосоциокультурные и психолингвистические.**

Задачи исследования собственно лингвистических проблем теории перевода в определенном смысле схожи с задачами, которые решаются в сравнительно-сопоставительном языкознании, но отличаются тем, что сопоставление грамматических, лексических и стилистических особенностей рассматривается не на уровне языка как системы, а на уровне речевых реализаций. Эти проблемы разрабатываются частнолингвистическими теориями перевода для любых комбинаций языков, но в большей степени теми, объектом изучения которых является двуязычная коммуникация представителей языковых этносов, говорящих на родственных языках и имеющих много общего в историческом, культурном и других аспектах своего развития. В речемыслительной деятельности таких разноязычных коммуникантов больше общего, интернационального, чем отличного и частного национального.

Несколько иначе обстоит дело с разработкой в ЧЛТП психолингвистических проблем теории перевода. Как свидетельствует переводческая практика, в речемыслительной деятельности разноязычных коммуникантов обнаруживаются различия не только на собственно лингвистическом уровне, но и на уровне довербальной работы

сознания. Эти различия идут от более глубоких уровней сознания, а их обнаружение, понимание и систематизация связаны с такими фундаментальными вопросами, как отношение между языком и мышлением, национальный и интернациональный элементы в характере сознания и мышления, национальные и интернациональные нравственные ценности и т. д. Другими словами, психолингвистические различия разноязычных текстов связаны с национальными особенностями мирозерцания и мировосприятия у носителей контактирующих языков. Естественно, что чем выше контрастность этих качеств у разноязычных этносов, тем ярче проступают в иностранном тексте «неязыковые» различия в формировании и выражении смысла и тем важнее разработка этих теоретических проблем перевода, так как с ними связаны наибольшие трудности расшифровки и перекодирования смысла исходного текста. Неудивительно, что интерес к психолингвистической проблематике в первую очередь стали проявлять разработчики тех ЧЛТП, которые занимаются так называемыми восточными языками, в том числе с арабско-русской, китайско-русской, кхмерско-русской и некоторыми другими комбинациями языков.

Лингвосоциокультурные проблемы связаны с реалиями жизни разноязычных этносов и их отражениями в языке. Важность разработки лингвосоциокультурных проблем давно и прочно была осознана во всех ЧЛТП вне зависимости от того, насколько близки лингвокультурные характеристики контактирующих разноязычных этносов. Речь идет лишь о степени разработки — она глубже и успешнее отмечена для тех пар языков, которые имеют давние переводческие контакты.

В настоящей лекции рассмотрим в проблематике ЧТПАЯ собственно лингвистические проблемы и степень их разработки на сегодняшний день.

Собственно лингвистическая проблематика ЧТПАЯ. В переводческом изучении сопоставляемых знаковых форм арабского и русского языков приоритетными являются:

а) сопоставительное изучение функционирования в речи номинативных единиц (слов, словосочетаний, фразеологизмов, терминов);

б) сопоставительное изучение основных семантических категорий, функционально-семантических полей и категориальных ситуаций («качеств текста»);

в) сопоставительное изучение функционально-стилистических параметров текста.

А. Говоря о сопоставительном переводческом изучении функционирования арабских номинативных единиц, следует прежде всего упомянуть имя академика Игнатия Юлиановича Крачковского, блестящего представителя старой востоковедной школы русских арабистов, для которой были свойственны многоаспектность научных интересов, большое внимание к источниковедению и литературоведению. Он не только продолжил славные традиции этой школы, но и положил начало некоторым новым направлениям в арабистике¹. В частности задолго до появления теории перевода как самостоятельной науки, которое датируется серединой прошлого века, Игнатий Юлианович Крачковский в ряде своих работ, посвященных анализу чужих переводов², в своих собственных переводах³, а также редактируя работы

¹ Подробно о жизни и научных работах И. Ю. Крачковского рассказывает замечательная книга А. А. Долининой «Невольник долга». (СПб., 1994).

² Классический анализ такого перевода — статья «Арабский перевод «Илиады»», посвященная результатам работы переводчика Сулеймана аль-Бустани. См.: Крачковский И. Ю. Арабский перевод «Илиады». // Избр. Соч. Т. 111. М.—Л., 1956., С. 335–349; см. также помещенные в этом же томе статьи: «Ризкаллах Хассун (1825–1880), переводчик басен Крылова на арабский язык»; «Сулейман аль-Бустани»; «Русские писатели в арабской литературе»; «Горький и арабская литература»; «Чехов в арабской литературе»; «Басни Крылова в арабских переводах» и др.

³ Приведем один пример, на наш взгляд, ярко показывающий, как взыскательно относился Крачковский-переводчик к слову, работая над переводом Корана. Как известно, в одном из бейтов Суры о скоте перечисляются десять заповедей ислама. Одна из заповедей требует от детей по отношению к родителям *احسان*. В словаре Х. К. Баранова это слово толкуется как: 1) *благоденствие, милость*; 2) *милостыня*. В словаре О. Аттая (1913), рассчитанном специально на чтение арабских религиозных текстов, — как *благоденствие*. Однако, опираясь на комментарий к Корану, в которых эта заповедь объясняется не просто как требование хорошего отношения, но и как требование активного выражения этого отношения, а также учитывая кау-

молых переводчиков-арабистов в издательстве «Всемирная литература»¹, ратовал за необходимость видеть особенности арабской номинации и искал пути к сохранению оттенков значения арабского слова при переводе художественных текстов на русский язык. Анализируя лексические небрежности и погрешности в работах арабов над переводом произведений А. П. Чехова, А. М. Горького, И. А. Крылова, Крачковский отмечал не только ошибки денотативного характера (например, когда русское слово *калека* переведено как *человек ничтожный*), но и неточности в передаче прагматического, оценочного значения слова (например, потерю «выражения представления античной древности» в переводах Абдаллаха Келзи (он же Федор Иванович Кельзи, лектор Петербургского университета и переводчик), который слово *Фортуна* в басне И. А. Крылова переводил словом *سعادة* *счастье*, а фразу: *смотри, ты Крезом стал* как *смотри, уже наполнился мешок*²). В современной научной терминологии такой подход называется компонентным анализом.

На работах И. Ю. Крачковского выросло несколько поколений отечественных арабистов, и такое бережное отношение к арабскому слову сохраняется как в научных работах³, так и в совре-

зативность словообразовательной модели масдара IV породы и противопоставляя слово *احسان* его антониму *اساءة* *злодеяние*, Игнатий Юлианович дает очень точное новообразование — *добродеяние*, т.е. дети обязаны не просто хорошо относиться к своим родителям, не снисходительно благодетельствовать им, но активно делать добро. Таким образом, с помощью нового найденного слова им был уточнен смысл заповеди, сохранен оттенок каузативности, утраченный в слове *благоденствие*, в котором фиксируется прежде всего результат действия, а не само действие.

¹ В первый круг таких переводчиков вошли И. П. Кузьмин, М. А. Салы, В. А. Эберман, Р. Л. Эрлих. См.: Долинина А. А. Указ. соч. С. 180.

² Крачковский И. Ю. Басни Крылова в арабских переводах. Избр. соч. Т. 111. С. 319.

³ См.: Белкин В. М. Арабская лексикология. М., 1975; Долинина А. А. Арабски на тему Эткинда. // Взаимодействие литератур Европы и Азии и проблемы перевода. СПб., 1999; Вартанов Ю. П. Проблемы теории и практики литературного перевода с арабского. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. СПб., 1992; Финкельберг Н. Д. Исследование структур-

менных переводах художественных арабских текстов¹ и при составлении арабско-русских словарей².

Работе над словом уделялось большое внимание и авторами учебников по переводу³, которые, разрабатывая специальные комментарии и тематические словарики постоянных соответствий, проделывали большую работу над параллельными текстами и привлекали богатый опыт практических переводчиков, в том числе и свой собственный.

Ситуация, сложившаяся на Ближнем Востоке в последней трети прошлого века, потребовала от арабских переводчиков сопоставительного знания военной терминологии. Вполне естественно, что центром по разработке этой проблемы в научном и практическом плане стал Военный институт иностранных языков (Военный университет), где работа в этом направлении ведется вплоть до настоящего времени⁴.

Б. Особое значение для теории перевода имеет разработка проблемы лексических «полей», которые, по определению С. Ульмана, являются «промежуточным уровнем между отдельным словом и словарем в целом, представляют собой тесно объединенные разделы

ных отношений в семантической системе арабских имен. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1975 и др.

¹ См. поэтические переводы А. А. Долининой, прозаические переводы К. О. Юнусова, В. Н. Кирпиченко, О. Б. Фроловой, Г. Лебедева и многих других.

² О словарях см. лекции 25 и 26 настоящего курса.

³ См.: Шитов Б. А. Учебник по военному переводу арабского языка. М.; Финкельберг Н. Д., Майбуров Н. А. Учебник общественно-политического перевода. Ч. I и II. М., 1986 и др.

⁴ См.: Данилов И. С. О военной терминологии в арабских странах // Иностранные языки. 1965, №1, с. 227–230; Губанов Ю. П. Структурно-семантическая характеристика арабской военной терминологии (на материале военной терминологии Сирии и Египта). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1974; Терещенко В. В. Лексико-грамматические особенности образования многокомпонентных военных и военно-технических терминов в арабском языке (в сопоставлении с русским языком). Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 2001, а также ряд научных статей, учебников и словарей по военному переводу.

словаря, где определенная сфера опыта разделяется особым образом, который может варьироваться от языка к языку или от одного исторического периода к другому»¹.

В современном языкознании выделяют: семантические, или предметно-понятийные поля (поле «движения», поле «звука» и т. п.); грамматические поля (поле субъективной модальности, поле залога, поле темпоральности и т. п.), ассоциативные поля (группы слов-ассоциатов) и некоторые другие.

Для переводчика важно знать в сопоставительном плане не только состав полей, но и особенно важно иметь представление о национальной специфике их функционирования в речи. Так, если по составу арабское и русское поля движения очень похожи, то в речи русские гораздо чаще, чем арабы, указывают на конкретный способ передвижения. Это же касается поля звука и многих других предметно-понятийных полей.

В рамках текста обнаруживаются национальные особенности различия и системно-текстового характера. Внешними проявлениями системности текстовой семантики являются: тематическая организация текста, взаимосвязи лексико-семантических единиц, а также системные функциональные категории (качества) текста. Совокупным высшим качеством является качество коммуникативности. Частные категории (качества) включают: *системные* (информативность, слитность — дискретность, ретроспекция — проспекция, ритм и др.); *функциональные* (художественность — нехудожественность, образность — необразность, обобщенность — конкретность и др.); *системно-языковые* (предикативность, номинация, субъективная модальность, каузативность, темпоральность и др.).

В настоящее время ЧТПАЯ уже располагает некоторыми, к сожалению, пока малочисленными, исследованиями в этой области.

¹ Ullman S. Semantics and introduction into the science of meaning. Oxford, 1972. P. 370.

ти¹, а также предложенными методиками проведения полевых исследований².

В. Изучение национальных особенностей функционально-стилистических параметров текста в ЧТПАЯ только-только начинается. Это объясняется как объективными, так и субъективными обстоятельствами. Объективные обстоятельства — недостаток разработанности этой темы в арабском языкознании, в том числе и в отечественной арабистике, хотя появление некоторых научных и научно-дидактических работ говорят о появившемся интересе к этим проблемам³. Объективными обстоятельствами можно счи-

¹ См.: Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций в их естественной классификации // Типология итеративных конструкций. Л., 1989. С. 5–53; Храковский В.С. Исчисляющая классификация условных конструкций в арабском литературном языке // XIII Объед. науч. сессия посвященная памяти проф. Б. М. Гранде: Тез. докл. М., 1992. С. 63–65; Майбуров Н.А. Пассивные конструкции в арабском языке, их семантическая интерпретация и способы перевода на русский язык. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1983; Шитов Б.А. Связь предложений в письменном монологическом тексте арабского литературного языка (в сопоставлении с русским). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1985; Финкельберг Н.Д. Краткий словарь слов, отмеченных ассоциативной связью по сходству или противоположности значений // Семантические особенности арабской речи. Учебное пособие по общественно-политическому переводу. М., 1984. С. 71–253; Финкельберг Н.Д. Семантические доминанты арабского литературного языка и аспектуальные характеристики глагола // Сб. статей. №28. М., 1992; Финкельберг Н.Д. Об арабской метафоре // Сб. статей. № 29–30. М., 1993; Рахтеенко В.А. Система сложноподчиненных предложений с придаточными обстоятельственными в современном арабском литературном языке в сопоставлении с русским. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1985.

² См.: Финкельберг Н.Д. Исследование структурных отношений в семантической системе арабских имен. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1975.

³ См.: Игнатъев А.С. Особенности ритмико-синтаксической стратификации организации современной арабской ораторской речи (на материале социально-политического красноречия в Египте). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1980; Игнатъев А.С. Обучение использованию фигур стилистического синтаксиса в публичных выступлениях на арабском языке. Учебно-методические рекомендации по использованию фонограмм публичных выступлений на арабском языке. М., 1982; Спир-

тать и многоаспектность стилевой тематики для любого языка, и отсутствие проверенных методик исследования, и необходимость выхода в литературоведение. Субъективным обстоятельством является требование сочетания в лице одного исследователя высочайшей переводческой компетенции, отличной научной подготовки, глубокого знания арабской и русской литературы и того, что называют «чувством языка». Таким исследователем сегодня можно назвать, к сожалению, только одного человека — доктора филологических наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Анну Аркадьевну Долинину, чья статья «Арабски на тему Эткинда» упоминалась выше.

Нельзя не упомянуть диссертацию О. Е. Чухланцева¹, материал которой может быть использован при разработке функционально-стилистических проблем в ЧТПАЯ, а также появление некоторых методик исследования, предоставляющих достаточно корректные результаты².

Подводя итог краткого изложения собственно лингвистической проблематики в ЧТПАЯ, следует отметить, что на лингвистическом уровне функционирования системы переводческой деятельности является только то, как выражена мысль. Но, как известно, при вербальном общении отправитель (адресант) материализует в языковых знаках, организованных по определенным правилам (текст), свою коммуникативную цель: передать получателю (адресату) информацию о событиях и фактах; заставить адресата выполнить тот или иной поступок; сообщить о своих чувствах; вызвать у адресата определенные эмоции и т.д. В результате совместная речемыслительная деятель-

кин А.Л. Лингвистическая характеристика арабской публицистической письменной речи. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1981.

¹ Чухланцев О.Е. Функционально-стилистическая стратификация и экспрессивно-стилистические ресурсы арабского языка (в сопоставлении с русским языком). Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1994.

² См.: Финкельберг Н.Д. Стилистические аспекты частного переводоведения (методика — эксперимент — результат) // Сб. статей. №29–30. М., 1993.

ность адресанта и адресата, которая включала три основных компонента: нейрофизическую деятельность мозговых центров (перебрацию), объективацию мыслительной деятельности в языковых фактах (фонацию) и восприятие переданной информации (аудицию), решается некоторая неречевая задача. Например, если адресанту нужно жилье (мотив) и он решил арендовать квартиру (цель), то он вступает в речевой контакт с хозяином квартиры и материализует свою мысль в определенном тексте. Адресат (хозяин квартиры), уяснив из текста желание адресанта, соглашается сдать квартиру, если это согласуется с его собственными намерениями (его цель), за которыми скрывается определенный его личный мотив (например, ему нужны деньги или квартира в данный момент ему не нужна и т. д.). Таким образом, благодаря опосредованной языковой коммуникации достигается (а может и не быть достигнуто) удовлетворение потребностей обоих коммуникантов, решается неречевая задача коммуникации. Поэтому естественно, что, если бы теория перевода ограничилась рассмотрением только результатов фонации, она не выполнила бы своей задачи — исследовать в качестве объекта особый вид двуязычной коммуникации.

Дело в том, что акт любой речевой коммуникации осуществляется в лингвосоциокультурном контексте, который детерминирует речевые поступки коммуникантов не только в собственно языковом, но и в социальном, культурном и психологическом аспектах. Это предполагает наличие у адресанта и адресата определенных сопрягаемых качеств, компетенций языкового и неязыкового характера. Только в этом случае адресат получит доступ не только к тому, как оформлена мысль, но и почему она оформлена так, а не иначе, и зачем адресант вступил в коммуникацию. И только в этом случае будут созданы необходимые условия для вербального решения неречевой задачи. Рассмотрению этих проблем будет посвящена следующая лекция.

ЛЕКЦИЯ 2

ПРОБЛЕМАТИКА ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА (2)

*Лингвосоциокультурные и психолингвистические проблемы в ЧТПАЯ.
Перспективы развития ЧТПАЯ.*

Прежде чем говорить о лингвосоциокультурных и психолингвистических проблемах в ЧТПАЯ, необходимо остановиться на тех качествах (компетенциях) языкового и неязыкового характера, которыми должны обладать участники акта речевой коммуникации и без сопряжения которых невозможно установить взаимопонимание между ними.

Рассмотрим формирование этих качеств в динамике становления «мыслящего говорящего человека» (*homo sapiens sapiens*).

Каждый ребенок рождается с определенной генетической программой физического и интеллектуального развития, но реализуется эта программа уже в определенных условиях окружающего его объективного мира. Знакомство с этим миром и формирование первых представлений начинается у ребенка с **довербального опыта** и с **довербального общения**.

Развиваясь в определенной социальной и языковой среде, ребенок начинает постепенно использовать знаковые языковые средства общения, и со временем **знаковое языковое общение** выходит на первое место в формировании личности будущего взрослого человека. **Речевой опыт общения** с параллельно приобретаемым в определенных материальных условиях жизни деятельного социума **вневербальным опытом** начинают, с одной стороны, приобщать ребенка к концептуальным ценностям данного языкового коллектива, а с другой стороны, способствуют постепенному овладению им языковой системой. Происходит формирование важнейших подсистем системы «мыслящего говорящего».

щего человека»: концептуальной компетенции, языковой компетенции и языковой коммуникативной компетенции.

Концептуальная компетенция есть «непрерывно конструируемая система информации (мнений, знаний), которой располагает индивид о действительном и возможном мире»¹. В основе концептуальной системы лежит довербальный и невербальный опыт человека. Однако по мере овладения языком человек обогащает свою концептуальную компетенцию именно благодаря вербальному опыту. Вероятно предположить, что обогащение концептуальной системы находится в прямо пропорциональной зависимости от количества понятий, накопленных в вербальном опыте языкового этноса (т. е. в филогенезе) и в собственном вербальном опыте языкового индивида (т. е. в онтогенезе).

Языковая компетенция есть присвоенное (интериоризованное) субъектом знание о языке, в том числе знание знаковых моделей, которые в превращенной форме более или менее адекватно отражают фрагменты концептуальной системы. В естественных условиях становления языкового субъекта приобретение им языковой компетенции происходит в процессе общения с другими людьми, говорящими на том же языке, т. е. одновременно с формированием его языковой коммуникативной компетенции.

Языковая коммуникативная компетенция есть интериоризованная субъектом на основе личного коммуникативного опыта целостная совокупность, состоящая из языковой компетенции и социокультурных норм речевого поведения, характерных для данного языкового этноса. В формировании этой подсистемы аккумулируются довербальный, невербальный и вербальный опыт субъекта.

Помимо этих качеств, в сознании языкового субъекта складывается система психосемантических установок, регулирующих его речемыслительную деятельность на уровне смыслообразования и словыражения в виде предложения предпочтительных операций.

¹ Павилёнас Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. С. 280.

Система психосемантических установок есть глубоко имплицитированная система, связанная одновременно с психикой языкового субъекта и с семантикой языковых и речевых форм, которая существенно детерминирует отражательную деятельность сознания, с одной стороны, и операции по материализации результатов отражательной и когнитивной деятельности в языковых и речевых формах, с другой стороны. Действие этой системы обнаруживается на всех этапах речемыслительной деятельности (фазы ориентировки, планирования, исполнения и контроля).

Таким образом, монолингв, общаясь с другими представителями своего языкового коллектива, располагает качествами, которые в самых общих чертах сходны с качествами его собеседников, поскольку генетические программы всех представителей одного этноса развиваются в сходных лингвосоциокультурных и природных условиях. Социальное и индивидуальное начала интегрируются в процессе развития человека в его менталитет, в котором значительную долю имеет общенациональное качество. Эксплицитированным проявлением менталитета человека в обществе являются его поступки, в том числе и речевые.

Теперь вернемся к переводчику. Профессиональная функция переводчика состоит в том, чтобы обеспечить решение неречевой задачи, определенным образом организовав совместную речемыслительную деятельность разноязычных адресанта и адресата, т. е. двух монолингвов, обладающих большими или меньшими различиями во всех вышеперечисленных качествах (невербальный опыт, когнитивная компетенция, языковая компетенция, языковая коммуникативная компетенция, система психосемантических установок). Это означает, что *переводчик должен совмещать в своем сознании качества двух монолингвов — естественного и искусственного.*

Качества естественного монолингва сформированы в сознании переводчика как представителя родной для него лингвосоциокультурной и природной среды, в которой он вырос. Формирование этих качеств происходило по схеме, изложенной выше.

Кроме того, он должен усвоить определенный необходимый объем качеств сознания монолингва, выросшего в той лингвосоциокультурной и природной среде, к которой принадлежит иноязычный монолингв. Формирование этих свойств у будущего переводчика происходит не в естественных, а в специально создаваемых условиях, что дает основание говорить о формировании качеств искусственного монолингва.

Естественный и искусственный монолингвы различаются прежде всего *по условиям* формирования качеств и *по характеру* качеств в сопоставительном плане.

По условиям формирования качеств становление искусственного монолингва отличается от становления естественного монолингва: 1) по порядку формирования качеств; 2) по внешним условиям, в которых происходит их формирование, и 3) по возрастным параметрам этих монолингвов.

1) Если, как было отмечено выше, сознание естественного монолингва начинает формироваться с приобретения довербального опыта и довербального общения с последующим переходом на речевое общение и лишь позже естественный монолингв овладевает языком как системой, причем параллельно происходит интуитивное овладение им системой психосемантических установок, то формирование в сознании переводчика качеств искусственного монолингва начинается с овладения языковой системой иностранного языка, и лишь на этой базе он начинает приобретать опыт речевого общения на иностранном языке.

2) Если формирование естественного монолингва происходит в среде обитания этноса, пользующегося для организации своей совместной деятельности тем же языком, то при формировании качеств искусственного монолингва переводчик находится в среде обитания этноса, пользующегося для коммуникации другим языком, родным для переводчика.

3) Если, наконец, естественный монолингв формируется с момента своего рождения и в основном приобретает языковую коммуникативную компетенцию в детском возрасте, то переводчик как искусственный монолингв начинает формироваться обычно

уже во взрослом состоянии, когда у него не только сформирован собственный менталитет, но и значительно ослабли природные способности к овладению языком.

По характеру качеств, сформировавшихся в сознании естественного и искусственного монолингвов, очевидны следующие их различия.

1) Концептуальная система переводчика, в сознании которого присутствуют мнения и знания о действительном и возможном мире двух монолингвов, всегда богаче, чем концептуальная система одного из них. Однако в его концептуальной системе теоретически могут отсутствовать (а практически и отсутствуют) те специфические знания, мнения и понятия, которые сформировались в сознании иностранного коммуниканта, представителя иной лингвосоциокультурной общности людей, и которыми переводчик — искусственный монолингв еще не смог овладеть.

2) Языковая компетенция искусственного монолингва мало отличается от языковой компетенции естественного монолингва. Так, в ряде случаев русский переводчик лучше ориентируется в грамматике арабского литературного языка, чем носитель арабского языка.

3) Языковая коммуникативная компетенция искусственного монолингва как конструкт, зависящий от невербального и вербального коммуникативного опыта, у переводчика может в лучшем случае только приближаться к языковой коммуникативной компетенции иностранного естественного монолингва.

4) Система психосемантических установок формируется у естественного монолингва более на сенсорном, чувственном, чем на рациональном уровне, поэтому переводчик — искусственный монолингв усваивает чужую систему с большим трудом. При этом чем больше отличается эта система от родной переводчику сенсорной системы, тем сильнее эта последняя оказывает сопротивление на пути усвоения будущим переводчиком нового психосемантического регулятора речевого действия.

Однако переводчик в своем сознании не просто объединяет качества сознания двух разноязычных монолингвов, естественного и искусственного, так как для того, чтобы стать переводчиком, недостаточно быть простым билингвом. Переводчик, помимо приобретения качеств искусственного монолингва, должен приобрести еще одно качество — переводческую компетенцию.

Переводческая компетенция включает в себя: рецептивное знание исходного текста; репродуктивное владение языком перевода; идиоматическое владение иностранным языком; знание элементов двух соприкасающихся в процессе перевода культур в широком смысле слова «культура»; знание технологии межъязыкового перекодирования; умение выбирать стратегию и тактику переводческих решений в зависимости от вида перевода (устный, письменный, синхронный и т. д.); жизненный опыт переводчика в качестве фонового знания¹.

Теперь в свете всего сказанного перейдем к рассмотрению лингвосоциокультурной и психолингвистической проблематики ЧТПАЯ.

Лингвосоциокультурная проблематика включает в себя: а) проблему реальных, в которых отражаются различия, связанные со

¹ «Переводческая компетенция представляет собой сложную многомерную категорию, включающую все те квалификационные характеристики, которые позволяют переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации: особое переводческое владение двумя языками (как минимум рецептивное знание исходного языка и репродуктивное владение языком перевода), при котором языки проецируются друг на друга; способность к «переводческой» интерпретации исходного текста (т. е. к видению его глазами носителя другого языка и другой культуры); владение технологией перевода (т. е. совокупностью процедур, обеспечивающих адекватное воспроизведение оригинала, включая модификации, необходимые для преодоления «культурного барьера»); знание норм языка перевода; знание переводческих норм, определяющих выбор стратегии перевода; знание норм данного стиля и жанра текста; определенный минимум «фоновых знаний», необходимых для адекватной интерпретации исходного текста, и в частности то, что называется «знанием предмета», необходимым для успешного перевода в рамках специализации переводчика». (Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 28).

средой обитания, материальной культурой, производственной деятельностью, социально-бытовыми традициями, нравственными ценностями и пр.; б) проблему диалогии и другие вопросы, связанные с языковой ситуацией в стране обитания иноязычного этноса; в) проблему регионализмов.

А. Проблема реальных в ЧТПАЯ еще только начинает разрабатываться¹, хотя важность сопоставительного знания реальных для переводчика трудно переоценить. Вот какие примеры переводческих ошибок приводит А. А. Долинина. Н. Стефанович так начинает перевод одного лирического стихотворения:

И снова дождь! Опять, стекая с крыш,
Ты монотонно каплями стучишь...
И ящерица ловкая сквозь грязь
Легко скользит, куда-то торопясь.

А. А. Долинина пишет: «В воображении возникает элегическая картина в конце лета, где-то на даче, под Москвой или под Петербургом. Но оказывается, что Н. Стефанович так переводит Имру-улькайса, знаменитого бедуинского поэта VI века, жителя пустынь, для которого дождь — величайшее благо, поэт любит его и на самом деле говорит следующее:

Огромная туча с обтрепанными обвислыми краями накрыла землю и из нее хлещет проливной дождь.

Тебе виден колышек [от палатки], когда дождь ослабевает, а когда он усилится, то и колышка не видно.

¹ См.: Шагаль В. Э. Межкультурное общение и взаимопонимание с арабами // Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. Материалы научной конференции 5-8 октября 1998 г. М., 1998. С. 135-137; Шамраев Н. А. Приемы передачи арабских реалий на русский язык // Языки Азии и Африки: традиции, современное состояние и перспективы исследований. С. 144-147; Шамраев Н. А. Лингвострановедческие основы классификации и лексикографического описания реалий арабского языка (в сопоставлении с русским языком). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1997; Долинина А. А. Арабски на тему Эткинда // Взаимовлияние литератур Европы и Азии и проблемы перевода. СПб., 1999. С. 119-134.

Ты видишь, как ящерица легко и ловко подгибает лапки, чтобы не запачкаться.

Стоит ли задавать вопрос, где переводчик слышал монотонный стук капель и какие крыши у бедуинских палаток?

Другой переводчик древней арабской поэзии А. Ревич нашел в пустыне болото (!):

Рассыпалась гора, трясина под пятой [12].

В подлиннике (стихотворение аль-Мухальхила, VI в.):

Накренилась под нами земля и сдвинулись с места ее опоры [93].

У того же А. Ревича ямка с сохранившейся в ней дождевой водой превращается в «запруду речную» [17] — это в пустыне-то! Мало того, по его представлению, очевидно, древние бедуины занимались пчеловодством:

Волнуется стая, как рой встревоженных пчел,

Когда разоряют их дом на зеленом кургане [16] — пасеку, что ли?

В подлиннике (поэт аш-Шанфара, VI в.):

[Стая похожа] на встревоженный рой, пчел которого вспугнули палочки, укрепленные высоко забравшимся собирателем меда [458].

Разумеется, картина без комментариев непонятна. Конечно, никаких ульев у бедуинов нет, речь идет о диких пчелах, которые селились в расщелинах скал. Тот, кто желал полакомиться медом, взбирался на скалу и вставлял в расщелину полые бамбуковые трубочки с узкими дощечками внутри, по которым мед стекал в подставленный сосуд.

Если верить А. Ревичу, то бедуины жили не в палатках, а в каменных домах, от которых остались «развалины» [25], или «руины» [32, 94] (в арабском тексте — «стершиеся следы»), мылись они в «целительной бане» [28], на которую в подлиннике и намек нет, а на стоянке занимались групповым сексом: *«Там для красавиц верблюдицу я заколол, После чего их самих оседлал на привале»* [26].

В подлиннике:

В тот день я заколол для девушек свою верховую верблюдицу.

И как удивительно! Они понесли на себе ее седло¹.

Переводоведческое исследование реалий — сегодня одно из перспективных направлений в ЧТПАЯ.

Б. Проблемы диглоссии и других вопросов, связанных с языковой ситуацией в арабских странах, целенаправленно в ЧТПАЯ еще не разрабатывались. Пока можно отметить лишь появление некоторых работ, в которых затрагивается вопрос вкрапления диалекта в определенных условиях речевой деятельности арабов (см., например, работы О. Е. Чухланцева и А. С. Игнатьева).

В. В лучшем положении находится разработка регионализмов², особенно в военном подязыке³. Однако это направление также нуждается в дальнейшей разработке.

Психолингвистическая проблематика — новое направление в ЧТПАЯ. Важность и актуальность разработки психолингвистических проблем связаны со следующими обстоятельствами.

Отражение объективной реальности в сознании человека в виде образа этой реальности, чувственная реакция на факты объективной реальности связаны с тем мировидением, которое у него складывается под влиянием деятельностного опыта невербального и вербального общения. Поскольку «язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения в одно великое, исторически живое целое»⁴, в менталитетах людей, принадлежащих к одному языковому этносу, обнаруживаются определенные общие черты работы сознания, которые находят отражение в речемыслительной деятельности, а также в речевом поведении. Усвоить речевое повеление иноязычного монолингва невозможно без понимания особен-

¹ Долинина А. А. Указ соч. С. 121–122.

² См.: Осипов В. Д. Типы арабских регионализмов // Сб. статей. № 11. М., 1975. С. 51–57; Шахраев Н. А. Указ. автореф. диссертации.

³ См. работы по военной терминологии, указанные в лекции 1.

⁴ Ушинский К. Д. Избр. педагогические сочинения. М., 1945. С. 206.

ностей этой работы, материализующихся в языковых и речевых знаках. Нельзя овладеть иностранным языком, используя только память.

Для успеха своей речемыслительной деятельности человек должен усвоить язык не как сумму конечного числа элементов¹, которые удобно выделять, описывать, наглядно представлять и т. д., а усвоить язык как *реально существующую системность психолингвистического характера*, которая отражает особенности коммуникативной мыслящей личности носителя этого языка.

Психолингвистическая системность любого языка находит свое непосредственное отражение в системе психосемантических установок (далее — СПСУ). СПСУ — глубинная подсистема, действующая в сознании человека и формирующаяся в неразрывной связи с формированием других подсистем его сознания. В СПСУ аккумулируются: 1) *воздействие среды*, физической, исторической и культурной, в которой развивался и развивается языковой этнос; 2) *работа сознания людей*, принадлежащих к данному этносу, в том числе работа сознания во множественных актах речевой коммуникации; 3) *особенности языковой системы*. В актах речевой коммуникации национальная специфика СПСУ предстает как национальная специфика смыслообразования и смыслопонимания, не объяснимая непосредственно нормативными правилами языковой системы.

СПСУ действует: а) *на границе* трех сущностно различных составляющих акта речевой коммуникации (действительность — мышление — язык и его речевые реализации); б) *в виде* «недоопределенных правил»; в) *регулируя* деятельность монолингва на всех этапах его речемыслительной деятельности. Такими этапами являются: этап перекодирования внешних относительно человека явлений действительности в сенсорные нервные импульсы, которые интегрируются в довербальный образ ситуации; этап форми-

¹ Дж. Миллер подсчитал, что человеку только для того, чтобы прослушать употребляемые в его языковом коллективе предложения, потребовалось бы жить в 1000 раз дольше, чем он живет.

рования развернутой программы будущего речевого поступка, коммуникативного образа ситуации и этап перекодирования коммуникативного образа ситуации в идущее вовне сообщение, текст.

Знание СПСУ (как и языковая и языковая коммуникативная компетенции) не является врожденной способностью человека. Но, в отличие от языковой и языковой коммуникативной компетенций, СПСУ усваивается в большей степени не на рациональном, а на сенсорном уровне сознания, поскольку она связана одновременно с психикой человека и с семантикой языковых и речевых форм. С другой стороны, СПСУ, хотя по своей сути она является не лингвистической, а психосемантической субстанцией, наиболее последовательно эксплицируется в языковых и речевых формах. Поэтому, усваивая вербализованные образы, возникшие в филогенезе и закрепленные в дискурсе, монолингв интуитивно присваивает определенную часть СПСУ, которая актуализировалась в создании этих образов другими представителями его этноса, и интуитивно начинает использовать те же психосемантические установки как матрицу для создания образов в собственной речемыслительной деятельности.

Конкретная СПСУ может определять модель создания образов с большей или меньшей детализацией признаков реальной ситуации или идеального объекта (бинарная оппозиция *интеграция — дифференциация*), с большей или меньшей степенью чувственных ассоциаций при формировании образа (бинарная оппозиция *чувственность — рациональность*), давать установку на сохранение или изменчивость ранее имеющегося опыта (бинарная оппозиция *устойчивость — изменчивость*) и т. д.

Номенклатура психосемантических установок, вероятно, должна быть отнесена к универсалиям в той степени, в какой универсальна работа человеческого мозга вообще и речемыслительная деятельность в частности.

Что же касается национальных различий систем СПСУ, то они обнаруживаются в *своеобразии конфигураций бинарных оппози-*

ций. Например, если сильная установка на интеграцию в одной СПСУ сталкивается с сильной установкой на дифференциацию в другой, можно говорить о том, что в первой СПСУ (в первом языке) по сравнению со второй СПСУ (вторым языком) интеграция доминирует над дифференциацией по силе влияния на работу сознания монолингва. Это влияние может проявляться на некоторых или на всех этапах его речемыслительной деятельности.

Сильные психосемантические установки, отмеченные для одного языка по сопоставлению с аналогичной, но слабой установкой другого, будем называть **семантической доминантой** этого языка относительно другого языка.

Чем ближе друг к другу оказываются три фактора, лежащие в основе формирования СПСУ (среда обитания, работа сознания, язык), тем меньше обнаруживается так называемых «неязыковых» различий в смыслообразовании и смыслопонимании в актах двуязычной коммуникации, тем сложнее нащупать национальные различия в контактирующих СПСУ и тем меньший интерес привлекает к себе данная проблема. Русско-арабский переводческий контакт, напротив, превратил это направление исследований в важное и актуальное как в теоретическом, так и в практическом плане.

На сегодняшний день в системе психосемантических установок, актуализирующихся в текстах на арабском литературном языке (далее — АЛЯ), выявлены три семантические доминанты относительно СПСУ, которая актуализируется в русских текстах:

— семантическая доминанта *чувственного восприятия* (далее — СДЧВ);

— доминанта *высокой семантической интеграции* (далее — ДВСИ);

— доминанта *семантической устойчивости* (далее — ДСУ)¹.

В качестве иллюстрации рассмотрим отражение действия СДЧВ на различных участках речемыслительной деятельности

¹ Финкельберг Н. Д. Теория семантических доминант (на материале арабского литературного языка). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. М., 1994.

арабофона. Эта доминанта формирует предметно-образное мироощущение, «детское» восприятие мира, в том числе и мира языковых форм.

В *системе языка* отмечается сильное влияние СДЧВ. Оно проявляется в фонематической образности корне- и словообразования, в четкой связи между производящей и производной основами (графическая четкость и этимологическая выводимость), в мотивированности лексических значений (в значении слова сохраняется связь через, по выражению В. М. Белкина, «семантически неподвижный корень» с образом исходного вещного объекта именования).

В *речи* влияние СДЧВ в различной степени обнаруживается: при обозначении отдельных элементов ситуации; при обозначении ситуации в целом; на синтаксическом уровне структуры арабского текста и в оценочной деятельности.

При обозначении отдельных элементов ситуации арабофоны чаще, чем русские, используют слова и словосочетания конкретного значения. Например, в тексте *أنقذنا من الحرج قدوم خادم القطار* (букв.: *Спасло нас от неприятного положения появление слуги поезда*) *служой поезда*, т. е. *поездным слугой* называется человек, который в русском языке именуется словом *проводник*. Согласитесь, что *поездной слуга* более конкретно и прямо обозначает элемент ситуации, чем многозначное слово *проводник*, чье значение этимологически не выводится из семантики словообразовательной модели.

При обозначении ситуации в целом в арабском тексте также прослеживается стремление отправителя текста отразить ситуацию в зримых, «живописных» формах. Например, арабский журналист, который вернулся в гостиничный номер после того, как, заблудившись, несколько часов бродил ночью по январской Москве, так описал свое состояние: *توقف شفتائي وأسنانني عن حركة* (букв.: *Останавливаются мои губы и мои зубы от какого-либо движения*). Образ и состояние околеченевшего от холода человека в таком описании предстает перед получателем как наглядная картинка, иллюстрирующая ситуацию с помощью выде-

ления внешних признаков (довербальный этап речемыслительной деятельности) и обозначая выделенные признаки словами предметного значения (этап перекодирования образа в языковых знаках). Причем следует отметить, что такой способ описания ситуации не фразеологичен. Египетский журналист использует для описания ситуации не готовое клише (ср. с русскими оборотами *стучать зубами от холода*, *промерзнуть до костей*), но авторски «рисует картинку».

Действие СДЧВ обнаруживается и на синтаксическом уровне арабского текста. Прежде всего это проявляется в большом числе предикативных групп. В результате синтаксический рисунок арабского текста во многом напоминает синтаксический рисунок сказки, которую рассказывают детям. Текст дробится на отдельные короткие грамматически завершённые кадры. Например, нижеприведенный отрывок из очерка о душевнобольной женщине содержит шесть предикативных групп (разделены знаком ×).

و قالت المرأة × و عمرها حوالي ٣٦ سنة × أنها تشاهد في ركن من الغرفة رجلا قصير القامة «قزم» × و شعر لحيته طويل × و يصل الى رقبته × و يظهر لها لمدة ثوان × ثم يخفي («أكتبر»)

(букв.: *И сказала эта женщина, и возраст ее около 37 лет, что она видит в углу этой комнаты человека короткого роста — «карлика», и волосы его бороды длинные, и достигают они его двух коленей, и показывается он для нее на протяжении нескольких секунд, затем скрывается*).

В адекватном русском переводе этого отрывка число предикативных групп вдвое меньше:

Эта тридцатисемилетняя женщина рассказывает, «что в одном из углов комнаты появляется человек карликового роста с длинной до колен бородой. Он показывается на несколько секунд и пропадает».

В оценочной деятельности арабских авторов влияние СДЧВ обнаруживается в предпочтениях, которые в текстах отдаются оценкам, связанным с физическими сторонами мира действительности — *большой, яркий, ароматный*, и реже используются оценки, вторичные по

своей природе, чье появление связано с обработкой чувственных впечатлений в интеллектуальной сфере сознания по шкале «хороший — плохой» (ср. в русском языке: *большой*, но *громоздкий*; *яркий цвет*, но *ядовитый цвет* и т. п.). В связи с этой особенностью один и тот же арабский эпитет в различных ситуациях может характеризовать определяемое понятие как с положительной, так и с отрицательной стороны. Например: ثابت — может быть употреблено в коннотативно положительно оцениваемых ситуациях (المنهج الثابت *последовательный курс*) и в коннотативно отрицательно оцениваемых ситуациях (المصادر الثابتة *ограниченные ресурсы*).

Более подробно о влиянии СДЧВ и других семантических доминант пойдет речь в последующих лекциях. Данное направление исследований в ЧТПАЯ еще только начинает разрабатываться. Методика исследования нуждается в новых экспериментальных методах.

Завершая рассмотрение проблематики ЧТПАЯ, следует кратко остановиться на следующих двух моментах: разработка теорий для отдельных видов перевода арабского языка и разработка прикладных проблем ЧТПАЯ.

Проблемы теорий отдельных видов перевода еще ждут своих исследователей. Можно надеяться, что со временем появятся: теория устного перевода арабского языка, теория синхронного перевода арабского языка, теория художественного перевода арабского языка и т. д.

В прикладных проблемах ЧТПАЯ выделяются: разработка методик обучения переводу, создание учебной литературы по переводу и создание переводческих словарей. Эти проблемы многие годы разрабатываются в отечественных ВУЗах, результаты этих разработок воплотились в учебной литературе по переводу (см. литературу, указанную в лекции 1). Вопрос создания переводческого словаря будет освещен в одной из специальных лекций настоящего курса.

ЛЕКЦИЯ 3

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОЙ НОМИНАЦИИ И ПЕРЕВОД (1)

Смысл и содержание. Каналы интерпретации смысла иностранного текста. Значение слова — содержательное понятие национального характера. Пути формирования у переводчика объективного представления о значении арабской номинативной единицы.

Процесс перевода есть деятельность переводчика по сопряжению речемыслительной деятельности двух разноязычных монолингвов — **адресанта и адресата** — в акте речевой коммуникации.

Речемыслительная деятельность любого коммуниканта включает в себя: 1) **мотив** — то, ради чего человек вступает в коммуникацию; 2) **цель** — субъективно осознаваемый им конечный результат, на достижение которого направлена деятельность, включая и промежуточные цели, подчиненные главной цели; 3) **действия** — субъективно осознаваемые поступки, речевые и неречевые (например, мимика и жесты), рассчитанные на достижение осознаваемой цели; 4) **операции** — субъективно не осознаваемые речевые и неречевые поступки, совершаемые автоматически, но в прежнем опыте бытовавшие как действия. Однако в процессе перевода деятельность переводчика имеет ряд сущностных отличий от деятельности адресанта и адресата.

Во-первых, в акте двуязычной коммуникации адресант (Источник) и адресат (Реципиент) удовлетворяют собственную потребность в общении, тогда как переводчик удовлетворяет потребность в общении других людей. В результате этого сознание переводчика приходит в особое состояние, не свойственное обычному человеку. Его деятельность — это *особый, вынужденный вид речевой деятельности*. Переводчику приходится добиваться не своих целей, а прежде всего целей адресанта, которые приходят к нему в превращенной, знаковой форме, и целей адресата, который хочет понять, что сказал или написал иноязычный адресант. Осуществив эти цели, переводчик выполнит свою главную функцию

нальную цель — обеспечит междоязычную и межкультурную коммуникацию разноязычных монолингвов. Помимо этого, переводчик может получить дополнительный, *социальный заказ*, выполняя который, ему приходится учитывать цели и интересы заказчика перевода. Наконец переводчик может в процессе перевода преследовать и какие-то собственные цели субъективного характера.

Во-вторых, деятельность как адресанта, так и адресата состоит из *одной фазы*. Для адресанта — это деятельность по замещению деятельностно-психических сущностей предметными знаками (акустическими или графическими), расположенными в определенной последовательности, другими словами, материализация мысли в виде текста оригинала. Для адресата — это деятельность по воссозданию на основе восприятия текста — а также информации, которая поступает по другим каналам, о чем речь пойдет ниже, — деятельностно-психических сущностей, сопряженных с деятельностно-психическими сущностями адресанта. В отличие от однофазовой деятельности адресанта и адресата деятельность переводчика состоит из *двух фаз*: а) из смыслового восприятия исходного текста и воссоздания в своем сознании деятельностно-психических сущностей, сопряженных с закодированными в этом тексте деятельностно-психическими сущностями, и б) из замещения воссозданных сущностей знаками и знаковыми последовательностями языка перевода при создании текста перевода.

В-третьих, и в первой и во второй фазах своей деятельности переводчик не просто сменяет роль адресата (1-я фаза) на роль адресанта (2-я фаза).

Переводчик-адресат внимательнее, чем обычный адресат, относится к тому, *как* выражена мысль в исходном тексте. Кроме того, уже на этом этапе своей деятельности он осуществляет действия, совершенно не свойственные обычному адресату, — частично приступает к сопоставительному анализу, готовясь ко второй фазе (перекодированию информации).

Переводчик-адресант синтезирует текст перевода в условиях меньшей свободы выбора изобразительных средств по сравнению с той степенью свободы, которой располагает обычный адресант. Сво-

боду выбора переводчика ограничивает то, что мысль Источника уже была выражена последним определенным образом и этот образ в большинстве случаев обладает коммуникативной значимостью, а следовательно, подлежит воссозданию в тексте перевода.

Так, человек за обедом, ощутив недостаток соли в супе (реальная ситуация), хочет исправить этот недостаток (мотив). Заметим, что эта же реальная ситуация при некоторых обстоятельствах может не привести к речевому поступку. Например, в гостях воспитанный человек не станет обращать общее внимание на кулинарные промахи хозяйки. Но продолжим. Человек видит, что солонка стоит на другом конце стола и ему следует обратиться за помощью (цель). Эту цель он может объективировать в различных речевых формах: *Димочка, передай, пожалуйста, соль!*; *Пожалуй, мне нужно подсолить. Дима!*; *Дим, дай-ка соль!*; *Господи, опять недосолено!* и т. д. Очевидно, что за формой, в которой материализовалась мысль адресанта, скрывается дополнительная информация о самом адресанте (культура поведения, настроение и т. п.) и об отношениях его с присутствующими за столом (дружеские, официальные, натянутые и т. д.). К этому примеру мы еще вернемся в последующих лекциях, пока же отметим, что если адресант относительно свободен в выборе формы выражения своей мысли, то переводчик-адресант обязан, проанализировав форму выражения мысли в оригинале, принять решение о том, насколько коммуникативно значима эта форма и, следовательно, насколько важно воспроизвести ее в тексте перевода.

Итак, в процессе вербального общения появлению текста предшествует превращение ситуации (реальной или идеальной) в некий обобщенный образ, формирующийся в сознании Источника благодаря нейрофизиологической деятельности его мозговых центров. Отраженный образ ситуации не имеет материальной линейности, т. е. *симультанен*, и недоступен восприятию других людей, т. е. *индивидуален*. Если у Источника появляется мотив и цель включить в свою биодинамическую мозговую деятельность некоего Реципиента, организовать совместную деятельность, он должен материализовать *довербальный образ ситуации* (далее — ДОС) в новую, превра-

щенную форму — придать ему *языковое* выражение. Он должен превратить ДОС в линейно развернутую, т. е. *сукцессивную*, цепочку знаков, обладающих *социально осознаваемыми*, а значит, понимаемыми Реципиентом значениями, в *коммуникативный образ ситуации* (далее — КОС) и придать этому образу материальную (звуковую или графическую) форму, форму *текста*.

По мере превращения довербального образа ситуации в коммуникативный образ ситуации и текст происходит уменьшение индивидуального начала в речемыслительной деятельности человека и увеличивается доля социального, поскольку, материализуя свою мысль, Источник вступает во взаимодействие с системой языка во всей сложности составляющих ее подсистем: фонетической, морфологической, словообразовательной, синтаксической и семантической.

Единицы языка и речи, обладая знаковостью, т. е. внутренней способностью объединять в сознании человека образы существующих объектов окружающего мира (материальных и идеальных) с образами конкретных знаков, обладают *значением*. В значении знака заключено «то обобщение действительности, которое кристаллизовано, фиксировано в чувственном носителе его — обычно в слове или словосочетании. Это идеальная духовная форма кристаллизации общественного опыта, общественной практики человечества. Круг представлений данного общества, наука, язык существуют как системы соответствующих значений»¹. «Значение — это социально-кодированная форма общественного опыта»².

Используя языковые и речевые знаки, Источник действует в рамках «присвоенного» им знания о значениях используемых знаков. При этом Источник не может выйти в своем индивидуальном знании за пределы социально осознаваемого значения знака. В противном случае нарушается понимание его мысли собеседником и Источник вынужден будет уточнять свои намерения: *Я же этого не говорил!*, *Я же не то хотел сказать!*, *Именно это я и имел в виду!* и т. п.

¹ Леонтьев А. Н. М., 1981. С. 297.

² Леонтьев А. А. Деятельность и сознание // ВФ, 1972, №12. С. 136.

Таким образом, текст является не только превращенной формой сознания, но и в известной степени *отчужденной* его *формой*.

Текст дает возможность Реципиенту получить доступ к деятельностно-психическим сущностям не через *суммирование* значений составляющих текст единиц, а через *осознание сверхсуммарной сущности* — смысла. Смысл есть имплицированный конструкт, создаваемый под действием разнотелностных факторов: психосемантической близости коммуникантов, степени сложности предмета речи, важности акта речевого поступка для одного из коммуникантов, условий осуществления акта коммуникации, языковых ресурсов и языковой коммуникативной компетенции коммуникантов и т. д. Смысл создается не в отмеренных словах, а между ними, в создающемся между ними напряженном пространстве, осознаваемом коммуникантами. Смысл не слышится и не читается, а переживается. Он создается из осознания содержания текста в конкретной ситуации речевого общения. Тем не менее, в основе синтеза смысла лежат значения языковых форм. Вот почему переводчик, приобретая языковую компетенцию как искусственный монолингв, должен прежде всего понять особенности **номинации**, которые отличают систему иностранного языка.

Как известно, в акте наречения фиксируются те связи, которые человек обнаруживает между предметами и явлениями окружающего мира, с одной стороны, и возможностями языковой системы — с другой. Воспринимая окружающий мир, человек из области чувственного сознания (восприятие и воображение) через схематизированные операции синтеза переходит в область рационального сознания (сопоставление, оценка) и в результате решает исключительно трудную задачу — систематизацию в знаке того, что непосредственно представлено в чувствах.

Минимальной единицей номинации, самостоятельной по значению и по форме, является слово. Помимо слова, единицей номинации может стать словосочетание, фразеологизм и предложение. В число «элементных номинаций» может быть также включена морфема и словообразовательная модель.

Лежащий в основе именованного внешнего объекта материального или идеального мира (**реалия**) и представление о нем (**денотат**) в ходе оценочно-сопоставительных операций предстает в виде понятия о денотате (**сигнификат**), которое закрепляется за определенным языковым знаком. В сигнификат таким образом оказываются включенными: **лексическое значение** (обыденное понятие об объекте), **грамматическое значение** (представление о части речи и о словообразовательной модели) и **прагматическое значение** (эмоциональные, стилистические, ассоциативно-образные и другие подобные значения, в которых отражается оценочная деятельность человека). Способы объединения и разъединения значений в структуре слова обусловлены семантической системой языка в целом и, по мнению многих исследователей, относятся к основным отличительным признакам каждого языка.

Таким образом, в процессе именованного складываются, накапливаются и приобретают нормативность специфические особенности вербального мышления конкретного языкового этноса. В слове отражается «народное стихийное познание мира»¹, знание об определенных фрагментах и сторонах окружающей действительности и особенности форм отражения этой действительности (обобщение и абстракция).

Поскольку в систему наименования включается специфический, характерный для жизнеобитания и трудовой деятельности данного языкового коллектива предметный мир (так называемое экстенциональное значение) в момент чувственного восприятия и воображения и мир системы языка данного этноса (так называемое интенциональное значение) на этапе рациональных операций по сопоставлению и оценке, то понятие о денотате — сигнификат — приобретает национальный характер, несмотря на то, что законы собственно мышления и логики первичны и не зависят от строя языка. Другими словами, происходит соединение обоих видов мыслительных форм — логического (общечеловеческого) и семантического (национального).

¹ Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971. С. 123.

Итак, процесс номинации начинается с объекта, который принадлежит миру, внешнему для языковой системы, а заканчивается появлением объекта, который принадлежит миру языковой системы. Точнее говоря, появляются два объекта, результирующих процесс наречения, — материальный (номинативная единица) и идеальный (мысленный конструкт, сигнификат), в котором интегрируются внеязыковые представления (образ объекта именованного), языковые представления (образ языкового знака) и дополнительные оценки, которые дает человек объекту именованного (прагматические значения). Номинативные единицы (предметные, реальные объекты) суть символы, которые вызывают в сознании носителя языка стереометрический образ сигнификата (мысленный объект) и относятся «к содержательным понятиям, как библиотечная картотека — к содержанию зарегистрированных в них книг»¹.

Для того чтобы приблизиться к пониманию содержательного понятия, репрезентируемого иностранным словом, переводчик должен стремиться к тому, чтобы в его сознании сформировался образ, подобный образу, который вызывается этим словом в сознании носителя иностранного языка.

Для успеха этой сложной работы сознания переводчику требуется: 1) понять национальные особенности механизма номинации; 2) овладеть знаниями системы вокабуляра иностранного языка и 3) приобрести знания и умения перекодирования иностранных сигнификатов средствами родного языка.

1. Особенности исторического процесса номинации в АЛЯ. В механизме номинации находят свое отражение, во-первых, особенности восприятия объекта именованного, а во-вторых, национальные особенности кодирования образа объекта именованного в языковом знаке. В восприятии отражается отношение человека к предмету, в кодировании — отношение человека к системе языка. Оба отношения имеют национальную специфику и связаны одновременно с психикой человека и с языковой системой, хотя в первом случае влияние языковой системы носит опосредованный ха-

¹ Касиельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М., 1965. С. 24.

рактер. Номинативные процессы в языке происходят непрерывно, но с разной степенью интенсивности. Так, для арабского литературного языка выделяются четыре крупных синхронных среза развития вокабуляра: домусульманский словарь общинно-племенного строя (конец VII — начало VIII в.); расширение словаря, связанное с зарождением, развитием и процветанием средневековой арабоязычной цивилизации (до XII в.); период застоя и сокращения диапазона применения АЛЯ (XIII — XVIII вв.) и начало современного периода (с середины XIX в.)¹. Последний период связан с расширением межкультурных связей арабоязычного этноса с западным миром, с приобщением к современной науке, технике и искусству, а также с внутренними процессами развития арабского общества, в том числе с развитием средств массовой коммуникации, народного образования и созданием новой арабской литературы во всем разнообразии современных жанров. В результате арабский литературный язык получил мощный стимул развития, что отразилось прежде всего на активизации номинативных процессов из-за появления новых понятий.

Как известно, новое понятие может привести к появлению либо новой словоформы (**первичная номинация**), либо к использованию для именованного нового понятия формы, уже имеющейся в вокабуляре (**вторичная номинация**). Первичная номинация осуществляется или за счет иностранных заимствований, или за счет заполнения имеющихся в языковой системе словообразовательных лакун, или создания комбинированной языковой формы (словосочетание, фразеологизм). Вторичная номинация есть результат смыслового развития понятия, ранее материализовавшегося в знаке, на основе интеграции образа нового понятия и образа знака. Для современного АЛЯ вторичная номинация является более результативной. Кроме того, многие заимствованные словоформы со временем активно заменяются знаками, в которых произошла вторичная номинация.

Подробнее об особенностях формирования сигнификатов в АЛЯ, а также об особенностях кодирования сигнификатов в языковых знаках арабского языка речь пойдет в лекции 4.

¹ См.: Белкин В. М. Арабская лексикология. М., 1975. С. 37 и далее.

2. Пути приобретения системного знания арабского вокабуляра. Переводчику, помимо понимания действия механизма номинации в АЛЯ, необходимо овладеть системным знанием арабского вокабуляра. Наиболее эффективным способом приобретения этого знания является конструирование им в своем сознании и памяти совокупности языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Такие совокупности принято называть семантическими полями¹.

Семантическое поле представляет собой систему языковых форм (прежде всего слов), которые выражают некое понятие с различной степенью выделения отдельных его признаков. В наиболее обобщенном виде это понятие закреплено за одним словом, которое занимает в поле центральное место. Например, слово طريق *дорога* — является доминирующим в семантическом поле с инвариантом: *имеющая пространственные параметры материальная или идеальная субстанция, следуя которой субъект действия достигает некоторой материальной или идеальной цели*. Чем дальше от центра располагаются другие слова, входящие в состав поля, тем слабее в их собственной семантической системе присутствует данное понятие и тем сильнее присутствие в их системах понятий, формирующих соседние или пересекающиеся с первым полем другие семантические поля. Например, в том же семантическом поле слова سبيل — وسيلة — طريقة занимают периферию поля и входят в состав пограничного дейктического поля. Признаки, по которым отдельные слова конкретизируют инвариант данного семантического поля, могут иметь предметный, понятийный или функционально-стилистический характер. Так,

¹ Методика выявления и описания семантического поля арабских имен, а также уточнения семантики арабского слова как элемента системы была предложена в 1975 г. См.: Финкельберг Н. Д. Исследование структурных отношений в семантической системе арабских имен. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1975. также См.: Краткий словарь слов, отмеченных ассоциативной связью по сходству или противоположности значения // Финкельберг Н. Д. Общественно-политический перевод. Семантические особенности арабской речи. М., 1984. С. 71–253.

словом أوتستراد называется дорога для автомобильного движения без поперечных наземных пересездов (предметные признаки). Слово درب того же семантического поля содержит в сигнификате признак трудной проходимости или новизны, неизвестности, т. е. также таящей в себе трудности преодоления (понятийный признак). Слово هدى характеризуется особыми функционально-стилистическими признаками (возможность употребления в религиозных текстах), а также понятийными признаками (правильность выбранного пути).

Знание слова как элемента семантического поля, а также знание возможно большего числа других элементов, входящих в данное поле, позволяют переводчику-адресату правильное сорентироваться в намерениях арабского адресанта и следовательно более точно в дальнейшем конструировать для себя смысл текста, в котором это слово было употреблено. Это же знание позволит переводчику-адресанту правильно выбрать арабское слово при переводе русского текста, не допустив потери, приращения или искажения смысла. При нынешнем состоянии арабской лексикографии русские переводчики, работающие с арабскими текстами, вынуждены составлять собственные тезаурусные словарики.

3. Перекодирование сигнификатов арабских номинативных единиц при переводе на русский язык. Национальные особенности арабской номинации приводят к тому, что арабское слово исключительно редко имеет постоянное соответствие в русском вокабуляре. Такие соответствия имеют только однозначные термины, в том случае, когда эта однозначность отмечена и для соответствующего русского слова, например, для некоторых терминов (نك; цинк, شوخ, ель и т. п.). А поскольку абсолютное большинство слов как арабского, так и русского вокабуляров многозначны, то правилом является то, что одно арабское слово вне контекста может соответствовать нескольким русским словам или словосочетаниям. Причем это соответствие весьма условно, так как русское слово тоже многозначно и далеко не все его значения принимаются во внимание, когда слово используется в качестве соответствия для арабской лексемы. Именно поэтому нельзя автоматически превращать арабско-русский словарь в русско-арабский.

Тем не менее как известно из переводческой практики многие номинативные единицы одного языка имеют частотные соответствия в другом языке, даже если это и далеко не полные соответствия. Чаще всего это слова, доминирующие в своем семантическом поле: طريق *дорога*, مشكلة *проблема*, شعبي *народный*, قفز *прыгнуть* и т. д. Еще чаще это касается не отдельных слов, а номинативных единиц следующих после слова языковых уровней — словосочетаний и предложений: الأسرة طبيب *домашний врач*; أسبوعية غسالة *приходящая прачка*; البن الصافي السريع الذوبان *быстрорастворимый кофе*; سياسة *политика* الانفراج *открытых дверей*; جهاز لاسلكي فردي *переносная радиостанция*; العصى من العصية ولا تلد الحية إلا حية *Яблоко от яблони недалеко падает* и т. д. Переводчик обычно хранит в памяти и в личных словариках большое число таких псевдосоответствий не только из-за того, что ему приходится часто ими пользоваться при переводе напрямую, но и потому, что именно такие слова позволяют быстрее осознать узкий контекст высказывания. Заниматься же настоящим перекодированием арабского сигнификата переводчику предстоит не в языке, а в речи, где актуализируется не вся многозначность арабской номинативной единицы, а лишь какая-то ее часть. Более того, поняв смысл высказывания, переводчик иногда бывает вынужден отстраниться от слова. Но и в этом случае «прежде чем подняться над словом, надо сначала, как минимум, овладеть его смыслом, а сделать это без постоянных занятий именно лексикой родного и иностранного языка — невозможно. Воистину, «в начале было слово»»¹.

Арабскому переводчику необходимо следить за появлением новых номинативных единиц, как в арабском языке, так и в русском, и фиксировать найденные соответствия между ними, отмечая все факты первичной или вторичной номинации: مناقمة *тендер*; تخصيص *приватизация* и т. п.

¹ Палажченко П. Все познается в сравнении, или Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М., 2000. С. 10.

ЛЕКЦИЯ 4

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОЙ НОМИНАЦИИ И ПЕРЕВОД (2)

Особенности номинации в АЛЯ на разных этапах развития языка. Явления аллотезы и метатезы. Связь прямого и переносного значений в арабском слове. Особенности коннотативных значений, содержащихся в сигнификатах арабских слов, в сопоставлении с русскими словами.

Для того чтобы сделать более понятным особенности механизма арабской номинации, начнем с особенностей кодирования в арабском слове образа объекта именования, т. е. с того момента, когда человек обращается к системе языка, чтобы связать мыслительный образ с конкретными языковыми знаками.

Если сравнить периоды в развитии арабского вокабуляра, когда процессы номинации были особенно продуктивными, — период, завершение которого отразил текст Корана, и период, начавшийся с XIX века, — то очевидным различием между ними является различие между первичной и вторичной номинациями. Для первого периода были характерны оба вида номинации, для второго — преимущественно вторичная номинация.

В классическом периоде развития АЛЯ сложилась **корневая номинативная база** для последующего словопроизводства. Основной корневой состав современного АЛЯ отражен уже в первых памятниках раннеклассического периода и представлен в доисламской поэзии, Коране, а также в ранних административных документах¹.

Главной тенденцией корнеобразования того периода было расширение первичных двухсложных корней до трехсложных. По мнению известного отечественного арабиста С. С. Майзеля,

¹ См.: Белов А. Г. Историческая морфология арабского языка. М., 1994. С. 19 и далее; Белкин В. М. Указ. соч. С. 36 и далее.

число трехсогласных корней в современном АЛЯ составляет 82% от общего числа арабского корнеслова¹.

Арабскому корню соответствуют постоянное исходное значение (المعنى الأصلي) и общее интегрированное понятие, которое объединяет словоформы, образованные от данного корня, в единое семантическое поле. Таким образом, концептуальным ядром поля, основой семантической производности оказывается концепт, не данный в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в физическом) — инвариант корня. Инвариант корня есть некое симультанное представление о простейшем означаемом, не членимым на составляющие элементы и глобальным по своей природе. Различие между инвариантом корня и значением слова состоит в качественном различии их означаемых. Слово репрезентирует понятие, корень указывает на понятийную область. Например, слова, образованные от корня {ع ل م}, репрезентируют с различной степенью уточнения одну общую идею знания, узнания: علم знание; наука, теория; علماء ученые мужи; алимы (знатоки мусульманского права); استعمال образование; тренировка; доктрина; إعلام уведомление, извещение; информация и т. д.

Инвариантом двухсогласного корня является некий единый семантический заряд высокой степени интеграции, который сохраняется в инвариантах трехсогласных корней, образованных от данного двухсогласного. Например, корни {ق ب س}, {ق ب ض} и {ق ب ن} объединены общей идеей захвата, которая в рамках трехсогласного корня получает различную конкретизацию: قبس приобретать знания, учиться; заимствовать; قبض брать в руки, держать; владеть; сжимать; принимать; получать (например, жалованье); схватывать; арестовывать; тяготить, удручать; قبل принимать, встречать; принимать на веру, верить; соглашаться; терпеть, смиряться;

¹ Майель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983. С. 78.

подчиняться, поддаваться; قبن взвешивать безменом; прикидывать на руке вес. Чередование третьего согласного развивает общую семантическую идею, заключенную в инварианте двухсогласного корня. Как известно, использование чередования согласных в корне в семантических целях называется аллутезой.

Другим распространенным приемом арабского корнеобразования в тот период был прием перестановки согласных в трехсогласном корне. Вопросы комбинаторики согласных корня традиционно было предметом пристального внимания арабских лингвистов — Ибн Джинни, Абу аль-Хусейна Ахмада ибн Фариса, Абу Бакра Мухаммада ибн аль-Хасана ибн Дурайда и многих других. Так аль-Фарис (ум. около 1005 г.) доказывал, что слова с тремя одинаковыми согласными корня, для которых возможны три комбинации, являются синонимами. Таковы, по его мнению, слова حليم, جميل, تучный, дородный. Интерес к этому вопросу сохраняется и в современной арабской литературе. Например, Абдалла ас-Сани пишет о «наибольшем смысле» (المعنى الأكبر), который объединяет различные сочетания корневых согласных {ق و ل} живость, проворство, легкость движения (خفة و حركة):

{ق و ل} — القول говорение (легкие движения губ и языка);

{ق ل و} — القلو дикий осел (животное, отличающееся подвижностью и быстрым бегом);

{و ق ل} — الوقل каменный козел (животное, легко перепрыгивающее через препятствия);

{ل و ق} — اللوق размягчение движением рук;

{و ل ق} — الولوق скорость¹.

Таким образом, в языковой номинативной системе образовались две сетки высокоинтегрированных понятий — сетка инвариантов двухсогласных корней и сетка инвариантов трехсогласных корней. Причем, как легко заметить, уровень абстракции в этих конструктах превышает уровень обобщения, привычно допустимый для носителя русского языка.

¹ Цит. по: Рыбалкин В. С. Арабская лексикографическая традиция. Киев, 1990. С. 78.

Хотя эти процессы происходили в отдаленные времена, с точки зрения семантики важно, что отмеченные сетки интегрированных понятийных полей продолжают сохраняться в сознании современных носителей арабского языка. Это явление имеет два следствия.

Первое из них, близлежащее, — обогащение образа знака: арабская номинативная единица манифестирует не только объект именования, но одновременно ориентирует сознание на целое ассоциативное семантическое поле сходных объектов именования, создавая многоплановость значения словоформы с возможностью движения в глубь исходных или пересекающихся множеств семантических понятий.

Связь значения слова с инвариантом корня проявляется и в том, что все изменения в семантике слова происходят на фоне сохранения в сознании носителя языка представления о первичном конкретном объекте именования. Между прямыми и переносными значениями в арабском слове никогда не появляется того разрыва, с которым мы сталкиваемся в установлении этимологии русских слов. Семантическая неподвижность арабского корня контрастна с меняющейся величиной корня русского слова. Вряд ли кто-нибудь, кроме специалистов-русистов, знает, что слова *печаль* и *печь* — слова одного корня, что слово *кручина* произошло от того же корня, что и слово *крутить* и т. п. Образы русских слов со временем расплываются, либо полностью исчезая, либо утрачивая былую ценность. Этого никогда не происходит с арабским словом. В качестве примера, иллюстрирующего связь семантики слова с номинацией первоначального конкретного объекта (чувственное восприятие и последующее интегрированное представление о признаках этого объекта), приведем слово *كبس*. Толковый словарь *منجد* предлагает в качестве примеров употребления в речи этого глагола следующие ситуации:

كبس رأسه في الثوب закутаться с головой в одежду;

كبس القوم داره вторгнуться в чей-то дом (о многих людях);

كبس الخيل عند العامة заливать репу и подобное ей укусам;

كبس على الشيء сдавливать что-л.;

كبس السنة بيوم добавлять к году день (о високосном годе).

Трудно понять, что может связывать репу и високосный год, одежду и толпу людей, вторгнувшихся в дом. Однако, эта связь легко осознается, если знать, что понятийное поле корня включает представление о сдавливании, помещении внутрь и сжатии, которое нарушает естественное состояние объекта, и что первоначально этим глаголом обозначалась ситуация *засыпания колодца песком*. Можно предположить, что осознание признаков этой ситуации, как прямых (*узость, стенки колодца, давление, сжатие, текучесть воды и песка*), так и косвенных (*внезапность, естественное состояние и функционирование*), а также осознание в качестве коннотативного признака вредных последствий этой ситуации для жителя пустыни абстрагировались в интегрированное понятие, которое было материализовано знаком. По мере появления новых предметов и явлений значение слова обогащалось (вторичная номинация), однако все изменения оставались все в том же понятийном поле.

Второе следствие сохранения сеток инвариантов корней в сознании арабофонов выходит за рамки номинации в более высокие подсистемы языка и обнаруживается на различных этапах речемыслительной деятельности. Речь идет об опосредованном влиянии расширенного уровня обобщения, закрепленного в знаковых формах, на речевую деятельность арабов, а возможно, находит свое отражение и в национальном менталитете. Об этом мы поговорим в следующих лекциях. Пока же вернемся к особенностям кодирования образа объекта в номинативных единицах, которые сохраняются в вокабуляре современного АЛЯ.

В классическом вокабуляре АЛЯ наряду с приемами словообразования, описанными выше — аллотезой (*الاشتقاق الكبير*) и метатезой (*الاشتقاق الكبار*), активно функционировало простое словопроизводство — образование слова от другого слова с сохранением связи между производящим и производным словом по форме и значению (*الاشتقاق الصغير*)¹. Сама природа словообразовательных значений —

¹ Подробно об арабском словообразовании см.: Белкин В. М. Указ. соч., С. 56–97.

заключать в себе лишь «общую семантику создаваемого слова»¹ — предполагает интеграцию семантических представлений, установку на выделение общего, объединяющего начала, хотя и на ином уровне, чем предметно-понятийное значение — на интенциональном уровне. Словообразовательные модели в АЛЯ сгруппированы в четкие ассоциативные семантические поля, для которых характерны: 1) относительно малый набор внешних аффиксов производных основ, глагольных и именных, и 2) семантическая заданность моделей. Благодаря этому семантика производного арабского слова легко может быть выведена из соединения значения корня и значения словообразовательной модели. Это делает анализ «от модели к корню» и анализ «от формы модели к значению модели» в акте речевой коммуникации обычной операцией для сопряжения интенционального и референциального смыслов.

Следует отметить, что четкость семантической заданности типа модели, отмеченная в классический период развития вокабуляра АЛЯ, привела к тому, что в языке оказались сближены — в отличие от русского — лексический производящий и семантический производящий ряды, например:

خاف — أخاف ср. с русскими переводами: бояться — *страшить*

علم — تعلم преподавать — учиться

سلم — تسلم вручать — получать

صرخات — صارخة крики — истошные

صديق — صادق друг — закадычный

لزم — لازم необходимость — крайняя

استضاف — مستضيف принять гостя — хозяин

رسم — راسم рисовать — художник

طب — طبيب лечить — врач

نظر — نظرة смотреть — взгляд

طائرة — طيران самолет — авиация

فتح — مفتاح открывать — ключ

¹ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1983. С. 96–97.

صحيفة — صحف газета — пресса

بطيخ — بطيخة арбуз — бахча

عدن — معدن добывать полезные ископаемые — рудник; шахта

شوي — مشواة жарить — сковорода и т. д.

Сетка словообразовательных значений добавлялась к двум сеткам инвариантов корней и еще более усиливала склонность арабифонов кодировать информацию в номинативных процессах с использованием высоко интегрированных понятий как экстенционального (предметно-понятийного), так и интенционального (категориального) характера.

Эта тенденция имела и продолжает иметь прогрессивный характер на современном этапе развития арабского вокабуляра. Об этом свидетельствует вымывание из активного употребления слов «узкой» семантики и замена их словами более общего значения, гиперонимической лексикой. Эта же установка действует и при именовании новых для арабского общества понятий, например: *депортация* إبعاد (букв.: удаление); *импичмент* إدانة (букв.: осуждение) и т. п. Важно еще раз подчеркнуть, что при этом в арабской номинативной единице не формируется нового сигнификата, происходит простое увеличение числа реальных объектов именования, которые появились в жизни общества и по главному признаку оказались сопряженными с изначальным образом первичного объекта именования.

Характерно также, что арабское слово, использованное для именования новой реалии, нередко начинает употребляться и для обозначения смежных с ней реалий. Например, слово الأشعة (букв.: лучи) начинают именовать не только *рентгеновские лучи*, но и *рентгеновские снимки*, *радиацию*, *флюорографию* и т. п., и только в случае особой коммуникативной значимости слово الأشعة получает в тексте уточнение.

Как уже отмечалось в начале лекции, главной тенденцией в номинативных процессах современного АЛЯ является вторичная номинация. Опирируя понятием инварианта корня и значением типоформы, арабский адресант конструирует новые слова, заполняя словообразовательные лакуны. Например:

تفعيل — корень {ف ع ل} (понятийное поле: *действие*) + модель масдара II породы (значение: *каузатив*) = **активизация, подгалкивание**;

التهمي — корень {ل ه و} (понятийное поле: *несерьезность, развлечение*) + модель глагола VIII породы (значение: *возвратность*) = **отвлечься**;

مفخخ — корень {ف خ خ} (понятийное поле: *средства для ловли мелкой дичи*) + модель причастия страдательного залога от глагола II породы = **начиненный взрывчаткой**.

Арабы высоко ценят словообразовательные возможности своего языка, видя в богатстве и четкости словообразовательных парадигм залог приспособления АЛЯ к современному состоянию общества. При этом следует отметить, что в современных процессах номинации наиболее активными оказываются модели с высоким показателем обобщенности. Так, в последнее время вокабуляр АЛЯ существенно пополняется за счет производных имен, образованных с помощью прибавления суффикса -ية, формирующего дериватный ряд со значением обобщенно-отвлеченных качеств и свойств: استقلالية *самостоятельность*; حيوية *динамизм, динамика*; شمولية *максимализм; тоталитаризм*; اشكالية — *проблема* и т. п.

При этом отмечается стремление каждого словопроизводного типа к увеличению своей продуктивности лишь в одном из своих значений, т. е. тенденция к сокращению числа семантических признаков у типоформы. В первую очередь исчезают или становятся малоупотребительными значения, связанные с лексическим, а не с грамматическим значением. Например, в производной II породе повысился удельный вес группы каузатива и резко сократилось число переходных глаголов, в особенности деноминативов времени, таких как: *بكر* *делать что-л. рано утром* и тому подобных. Такие изменения в семантике словообразовательных моделей АЛЯ еще одно лишнее свидетельство того, что доминанта высокой семантической интеграции является сильной психосемантической установкой в номинативных процессах и носит прогрессивный характер.

Говоря о доминанте высокой семантической интеграции, нельзя не вспомнить и о слабой дифференциации частей речи в АЛЯ. В арабской грамматике традиционно выделяются три крупных блока категориальных понятий — глагол (فعل), имя (اسم) и частица (حرف). В результате такой категориальной полисемантической в вокабуляре арабского языка существуют словоформы, в которых на морфологическом уровне не различаются адъективность и субстантивность; субстантивность и процессуальность; адъективность и процессуальность. Уточнение происходит только в рамках трехуровневой классификационной структуры: семантика — морфология — синтаксис при решающей роли семантико-синтаксической функции слова в речи.

Разговор об особенностях кодирования образа объекта в арабской номинативной единице был бы не полон, если бы мы не остановились более подробно на коннотативных значениях арабского слова. Как уже упоминалось выше, связь абстрактного понятия с исходной конкретной ситуацией, манифестируемой в застывшей семантике корневой основы, остается в АЛЯ живой и осознается носителями языка. «Корень является подлинной реальностью языка в том смысле, что живые носители последнего ощущают корень, осознают его, хотя и с разной степенью отчетливости»¹. Любое употребление арабского слова происходит на фоне этого знания. Даже закрепление за словом на каком-то этапе отдельного, пусть даже частотно реализуемого, одного значения еще не может свидетельствовать о том, что исчезли другие, «свернутые» (латентные) признаки базового объекта именования. Они могут обнаружить себя в тексте либо в полной мере, либо в виде коннотативных значений, либо повлиять на сочетаемость слова. Например, корень {ك ف ح} изначально репрезентировал ситуацию встречи с врагом лицом к лицу и единоборства с ним, со щитом или чем-либо подобным. В противоположность этому близкий по семантике корень {ن ض ل} был связан с ситуацией преследования врага и одержанной над ним победой. Признаком, различающим сигнификаты слов, образованных от этих корней,

¹ Майзель С. С. Указ. соч. С. 87.

стали: *оборонительность* в первом случае и *наступательность* во втором. Современные двуязычные словари не отмечают этого различия и в качестве русского постоянного соответствия для имен действия от указанных корней дают только одно слово — *борьба*. Однако различие объективно сохраняется в виде латентных признаков и обнаруживает себя, во-первых, в частом синонимическом употреблении обоих масдаров в тексте для обозначения бескомпромиссной борьбы, включающей частные признаки обеих ситуаций: *лицом к лицу, оборонительность, наступательность, до победы*. Совместное употребление масдаров *كفاح* и *نضال* характерно для эмоциональных текстов и высокого регистра речи. Во-вторых, слово *مكافحة* — вторая форма масдара, образованного от глагола III породы от корня {ك ف ح}. — употребляется в речи с объектами *болезнь, неграмотность* и т. п., т. е. с явлениями, перед которыми человек оказывается в положении защищающегося. Слово же *نضال* — масдар глагола III породы от корня {ن ض ل} — употребляется для описания ситуаций, в которых реализуются признаки *наступательность, победоносность*, т. е. в ситуациях, когда человек сам нападает на врага.

Естественно, что и в АЛЯ обнаруживается универсальная тенденция номинативных процессов — развитие от конкретного к абстрактному. Например, *سَلَخ* *сдирать кожу* (раньше — *сдирать кожу с барана*); *راح* *уходить* (раньше *уходить вечерам*); *رزح* *изнывать* (раньше — *об усталой верблюдице*); *قفز* *прыгать* (раньше — *о газели*) и т. п. Однако эта тенденция проявляет себя гораздо слабее, чем в русском языке, так как первичный объект именования неизменно ощущается во всех последующих номинативных конкретизациях.

Сохранение первичного образа отмечается и в арабской терминологии. Если «чувственно-наглядные» образы реальных, присущих этому специфическому разделу вокабуляра, являются обычно достоянием опыта только соответствующих специалистов, то в арабском термине специальный образ как бы растворяется в базовом образе. Например: *импрессионизм* (букв.: *впечатляемость*); *дотация* (букв.: *поддержка*); *адсорбция* (букв.: *постепенное становление безвкусным*) и т. п.

Сближенность прямых и переносных значений в арабском слове является одним из примеров еще одной черты, отличающей номинацию в АЛЯ, а именно **примата чувственного начала над рациональным**. В арабских номинативных единицах больше, чем в русских, ощущается связь с объективным миром, данным нам в ощущениях.

Такое чувственное восприятие мира проявляется и в плане **о з н а ч а е м ы х** (связь с предметным миром через инвариант корня, т. е. через внутреннее видение образа исходного денотата, о чем говорилось выше) и в плане **о з н а ч а ю щ и х** (связь материального знака с психической субстанцией означаемых через звуковую символику, графическую экспликацию семантических признаков).

В плане означающих подтверждение этому обнаруживается в повышенной семантической функции арабской фонемы в корнеобразовании и в словообразовании. Изменение физического качества звука оказывается связанным с изменением значения словоформы — усиление материальных, физических усилий, затраченных на произнесение звука, отражается в усилении качества идеального конструкта — значения языкового знака.

Так, при использовании аллотезы в арабском вокабуляре образовался пласт антонимических корней, в которых чередуются контрастные звуки, например: *يسير* *легкий* — *عسير* *трудный*; *حلف* *заключать союз* — *خلف* *выступать против кого-л.*; *غار* *позор* — *غار* *лавры*. В приведенных примерах *يسير* — *عسير* и *حلف* — *خلف* противопоставление по трудности артикуляции согласных (ع), (خ) относительно (ي), (ح) совпадает на уровне означаемых с появлением семантического признака *трудный* в первом примере и признака *несговорчивый* — во втором. Наоборот, корни, в которых чередуются близкие по своей природе звуки (د — *دل*; ج — *جل*; ح — *ع*; غ — *خ*; ق — *ت*; ظ — *ظ*), отмечены незначительными изменениями семантики, например: *خضم* *откусывать что-л. влажное, сочное*; *قضم* *откусывать что-л. твердое*.

Экспликация значения через фонемное выражение обнаруживается и на словообразовательном уровне, где изменения семан-

тики производной основы однозначно ассоциируются с произошедшими фонетическими изменениями. Наиболее ярким фоносемантическим изменением в арабском словообразовании является удлинение гласного, манифестирующее появление множественности или постоянства. Нарастание физической интенсивности звука влечет за собой нарастание количественных характеристик в семантике слова. Например: كتب *писать*, كاتب *писать кому-л.* (появление множественности участников ситуации); زاد *увеличить*; *увеличиться*, تزايد *увеличиваться* (появление множественности, протяженности действия) и т. п.

Интенсивность звучания и связанные с ее появлением семантические изменения обнаруживаются и при удвоении (геминации) согласного производящей основы. Например: كسر *сломать*, كسر *сломать*, *разломать*, *изломать*; *разбить вдребезги*; طاف *обойти*, تطأف *многократно обойти* и т. п.

Использование удвоения согласного, как и удлинения гласного, для выражения аспектуальных характеристик значения может быть отнесено к универсалиям и простейшим фонетико-семантическим средствам языка, используемым для выражения оценки, экспрессии и эмоций (ср. с русским: *Р-р-р-разойдись!* или *Как до-о-олго!*). Однако в АЛЯ эти приемы используются не в речи, а в корне- и словообразовательных процессах, т. е. в языке.

Интерпретационный механизм, напоминающий детское восприятие, когда ассоциации и аллюзии кодируются и расшифровываются на акустическом уровне речевого общения, заложен в основу системы номинации, что, в свою очередь, закладывает основу для успешного сопряжения интенционального и реципиентного смыслов в акте речевой коммуникации, помогая эксплицировать значение непосредственно через фонемное выражение.

Что касается образования новых корней на нынешнем этапе развития арабского вокабуляра, то этот процесс отличают следующие черты. Во-первых, этот процесс играет незначительную роль по сравнению с той ролью, которую играют для именования новых понятий словообразовательные процессы в рамках имею-

щейся в АЛЯ корневой базы. Во-вторых, новые корни в современном АЛЯ в большинстве случаев — результат заимствований, преимущественно из французского языка или через французский язык (فيلم *фильм*, دكتور *звание доктора*, سكرتير *секретарь*, روتين *рутина* и др.), реже из английского (نوش *подъемный кран*, ورشة *мастерская* и др.) и некоторых других. Общее количество заимствований из европейских языков невелико и составляет около одного процента словаря¹. В-третьих, вполне осваиваются те заимствованные корни, которые по своей структуре соответствуют существующим арабским моделям. Наконец, в-четвертых, заимствования последовательно вытесняются из вокабуляра и заменяются созданием эквивалентов для них на базе наличного арабского корнеслова².

Итак, главной отличительной чертой арабской номинации при формировании сигнификата и при кодировании образа в языковом знаке является предпочтительное выделение крупных понятийных блоков, экстенционального и интенционального характеров, при сохранении связи этих широкообобщенных понятий с предметно-чувственным миром. Арабская номинативная единица — пример соединения чувственного восприятия и последовательного применения аналогии при кодировании чувственного образа в языковом знаке, т. е. пример соединения в сознании воображения и рациональной оценки. Такое сочетание придает системе устойчивость и самодостаточность. Об этом свидетельствует и тот факт, что преимущественным видом номинации на современном этапе является вторичная номинация, а относительно редкое появление новых словоформ (первичная номинация) происходит по той же схеме — образ осознается на уровне чувственного восприятия, а его материализация в знаке осуществляется по аналогии с уже существующими в системе моделями, заполняя имеющиеся лакуны.

¹ Белкин В. М. Указ. соч. С. 115.

² Подробнее о заимствованиях в АЛЯ см. там же. С. 98–117.

ЛЕКЦИЯ 5

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОЙ НОМИНАЦИИ И ПЕРЕВОД (3)

Некоторые разделы арабского вокабуляра, имеющие особую национальную маркированность и требующие внимания переводчика: синонимы, реалии, дейктические единицы, глаголы состояния, словосочетания, ориентированные в лексикон.

В предыдущей лекции говорилось о значительном национальном своеобразии номинации АЛЯ, которое требует от переводчика особого, «не русского» подхода к анализу информации, содержащейся в номинативной единице арабского языка. Однако, в арабском вокабуляре существуют некоторые разделы, где на отмеченное выше своеобразие накладываются дополнительные особенности лингвосоциокультурного и психосемантического характера. К таким разделам относятся: 1) синонимы; 2) реалии; 3) дейктические единицы; 4) глаголы состояния и 5) словосочетания, ориентированные в лексикон.

1. В АЛЯ, который в классический период своего становления и развития объединил племенные говоры арабов, населяющих Аравийский полуостров, и широко использовался как язык поэтического творчества, а на последующих этапах приобретал региональные расхождения, являясь официальным языком различных государственных образований, синонимы и близкие по значению слова составляют значительный пласт вокабуляра¹. Обилие этих номинативных единиц существенно осложняют работу переводчика, поскольку имеющийся в настоящее время лексикографический материал не содержит необходимых базовых сведений о признаках, различающих эти единицы. Это касается как специ-

альных арабских словарей¹, так и двуязычных словарей. Поэтому переводчику приходится составлять собственные словарики.

Конструируя на основе работы со словарями и своей переводческой практики арабские синонимические ряды, полезно отмечать следующие моменты:

а) частотность слова в синонимическом ряду, например, شجاعة و جرأة являются наиболее частотными для выражения понятия *отвага, смелость* в ряду, где кроме них есть еще слова طولة — حماسة — نبالة;

б) частные признаки денотативного, синтаксического или коннотативного характера, отмечаемые в сигнификате арабского слова, если они имеют коммуникативное значение (см. примеры со словами طريق — نضال в лекции 3);

в) метафорический характер синонима, например, بنت شفة و كلمة слово, но первое словосочетание является составным метафорическим наименованием (букв.: *дочь губы*);

г) функционально-стилистические предпочтения при употреблении слов, относимых обычно к так называемым абсолютным синонимам: راية — علم — لواء товар; سلعة — بضاعة; جريدة — صحيفة газета и т. п.;

д) региональные предпочтения общеупотребительных синонимов;

е) дублетные пары, где различия связаны или со словообразовательными значениями или с инвариантом корня и не имеют коммуникативного значения, в том числе и по пунктам, отмеченным в г) и д), например, اجتث — انتزع радость, جزل — حور — سرور искоренять.

Однако переводчик всегда должен помнить, что присутствующие в арабской номинативной единице особенности психосемантического характера, не всегда реализуемые как коммуникативно значимые, могут внезапно обнаружиться и поставить переводчика перед необходимостью объективировать в русском тексте импли-

¹ Об арабской синонимии см.: Белкин В. М. Указ. соч. С. 144–163.

¹ الأب رفائيل نخلة اليسوعي - المنجد في المترادفات والمتجانسات - بيروت.

цитные признаки арабской номинативной единицы. Поэтому среди всех перечисленных выше пунктов, которые должен фиксировать переводчик, изучая ряды арабских синонимов, первостепенную важность имеет пункт б).

2. Особенности арабских **реалий**, релевантные в переводческом плане, целесообразно рассмотреть прежде всего с точки зрения времени их появления в арабском обществе.

Реалии, связанные с особенностями места обитания, сферы деятельности, быта, нравственных оценок, веры, а также литературные реминисценции, которые восходят к образцам классических текстов, получили в системе АЛЯ обозначения в виде номинативных единиц — слов или (реже) номинативных единиц — клишированных выражений. Например: *بدي* *жизнь в пустыне*, *вести бедуинский образ жизни*; *شادوف* *шадуф* (водоподъемное сооружение); *صريفة* *хижина, построенная из тростника* (ирак.); *مطين* *место у водопоя, где лежат верблюды*; *فق* *мусульманское право*; *زردة* *сладкое блюдо из риса и меда*; *فاتحة* *Фатиха* (первая сура Корана, букв.: *открывающая*) и т. д.¹ Эти номинативные единицы включены в словари (энциклопедические, толковые, специальные и двуязычные).

Гораздо большую трудность для переводчика представляют реалии, появившиеся и появляющиеся на современном этапе развития арабского общества и развития АЛЯ. Появление новых понятий и номинативные единицы, которые используются для их обозначения, слабо отражаются в справочной литературе, в том числе и в лексикографической практике. Поэтому переводчику необходимо хорошо понимать национальные особенности вербального мышления арабофонов в номинативных процессах, те особенности, о которых шла речь в предыдущих лекциях. Применительно к реалиям этот процесс начинается с появления **реалии-денотата** и осмысления денотата как **понятия**, а завершается выбором языковой формы — **реалии-знака**.

¹ См. также: Белкин В. М. Указ. соч.; С. 36–55; Шапуров Н. А. Лингвострановедческие основы классификации и лексикографического описания реалий арабского языка (в сопоставлении с русским языком). Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1997.

Анализ современных реалий-знаков в АЛЯ свидетельствует о том, что их появление определяется чувственным восприятием реалии-денотата с выделением одного-двух из наиболее существенных его конкретных признаков. В качестве же реалии-имени избирается: 1) либо уже имеющийся знак, в сигнификативе которого уже содержатся аналогичные признаки, т. е. подыскивается имеющийся в системе языка знак, обозначающий более широкое понятие; 2) либо появляется новая словоформа, заполняющая словообразовательную лакуну, реже корнеобразовательную лакуну; 3) либо используется словосочетание, в составных частях которого отражаются данные признаки; 4) либо временно реалия-денотат получает развернутое толкование-дефиницию; 5) либо используются дублетные знаки. Например: 1) *декорация* *المناظر*; 2) *египтизация* *تمصير*; 3) *студсовет* *لجنة الطلاب*; *диетологи* *خبراء التغذية*; 4) *реабилитация* *إعادة الاعتبار السياسي*; 5) *буфет* (напр., в театре) *البوفيه والمقصف*.

В случаях вторичной номинации использование знака для обозначения нового понятия повышает роль смыслового контекста. Без учета контекста переводчику не удастся избежать возможных ошибок. Так, Асуанская плотина, построенная в Египте благодаря помощи тогдашнего Советского Союза, называется *السد العالي* (букв.: *высокая плотина*), но это же словосочетание используется и для обозначения аналогичных больших гидросооружений в других арабских странах, например, в Сирии и Ираке.

Особую трудность для переводчика представляют реалии внутренней жизни арабского общества, которые не имеют аналога в жизни родного для него общества. Например, в учебных заведениях некоторых арабских стран существует *المحكمة التأديبية* (букв.: *воспитательный суд*) — орган управления, который принимает решения об исключениях проштрафившихся студентов, о введении дополнительных экзаменов и т. п. В этом случае переводчику необходимо узнать содержательный характер явления и найти приемлемый знак в языке перевода, используя знания переводче-

ской технологии. Подробнее о переводе национальных реалий речь пойдет в лекции 6.

3. Дейктические средства образуют в языке микросистему средств субъективного указания. Они состоят из знаков или частей знаков и отсылают получателя текста к тому акту речи, в котором они используются¹.

Для темы номинации главный интерес представляют собственно дейктики, а также некоторые несобственно дейктические средства, которые занимают промежуточное положение между дейктиками и полнозначными словами, сохраняя тесную связь с их исходными значениями².

Большинство арабских предлогов отражают переход от физических представлений к более абстрактным и, в конечном счете, к синкретичным понятиям. Так, предлог *على* обозначает в своем основном первичном значении положение сверху, из этого значения развились идея (о)владения и идея агрессивности, а также идея избыточности. Например: *فرض التراجع على الأعداء* заставить врагов отступить (букв.: навязать отступление на врага); *تعرف به* познакомиться с кем-л. *но تعرف عليه* опознать (труп и т.п.) или хорошо узнать кого-л.; *لا تتزوج عليها* Женись только на этой (букв.: Не бери в жены сверх нее).

Другой пример. За предлогом *إلى* с его исходным пространственным значением направления движения закрепляется идея кратковременности (*نظر إلى* взглянуть), а за предлогом *في* с его

¹ Дейктические средства включают в себя: собственно дейктики, слова, для которых словарное значение является дейктическим (предлоги, немотивированные наречия, указательные местоимения и т. д.), слова и словосочетания, передающие дейктические значения в определенных синтаксических позициях (мотивированные наречия, деепричастия, адвербиальные словосочетания и фразеологические сочетания), а также грамматические категории (например, категории времени, лица, тагиса) и так называемую категорию вежливости.

² Л. Б. Никольский определяет несобственно дейктики как слова контаминационного употребления. См.: Никольский Л. Б. Служебные слова в корейском языке. М., 1962. С. 14–15.

исходным пространственным значением нахождения внутри — идея долговременности (*نظر في* рассматривать).

Изменение значения глагола в зависимости от употребленного предлога обладает очевидной мотивированностью, связанной с исходной идеей того или иного предлога. Например, *تعرف بها* познакомиться с ней (идея совместности), *تعرف على الجثة من البدلة* опознать труп по костюму (идея взгляда, направленного сверху вниз).

Но наиболее очевидно мотивированность обнаруживается не при анализе собственно дейктиков, а при обследовании языковых средств, которые передают дейктические значения только в определенных синтаксических позициях. Например: *طول* длина, но ... *طول* в течение...; *صدر* грудь, но ... *صدر* в центре...; *عقب* пятка, но ... *عقب* после ... и т. д.

Большинство несобственно предлогов легко узнаваемы из-за их частотности и не вызывают переводческих ошибок. Однако и здесь бывают досадные промахи. Например, слово *صدد* (денотативное значение — отношение, связь; близость, соседство) часто употребляется в сочетаниях, передающих дейктические значения: *صدد المادة في* относительно этой статьи; *صدده* напротив него, перед ним. Привыкнув к употреблению этого слова в такой синтаксической позиции, переводчик может не понять фразу, в которой *بصدده* выполняет функцию предиката — *هو* Он как раз этим и занимается *بصدده* Он собирается подать в отставку; *هو بصدد الأمر* Он как раз этим и занимается.

Число слов контаминационного употребления в АЛЯ велико. Так, Б. М. Гранде отмечает лишь 8 частиц-предлогов и 44 несобственно предлогов¹. В такой же степени это касается и несобственно наречий.

Собственно наречий в АЛЯ, «бесформенных частиц», по определению Б. М. Гранде², типа *هنا* здесь, *هناك* там, очень мало. В арабских источниках приводятся цифры от 4 до 6, причем в списки попадают не одинаковые слова. Слабость морфологии система АЛЯ восполняет использованием для выражения наречных значений богатой палитры син-

¹ Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963. С. 408–413.

² Гранде Б. М. Указ соч. С. 408–413.

таксических и морфологических средств¹. О синтаксических средствах, выражающих в арабском тексте обстоятельственные значения, речь пойдет в лекции 8, а также чуть ниже в пункте 5 настоящей лекции. Морфологическим же средством, заменяющим в АЛЯ категорию наречия, является ряд арабских глаголов, которые содержат в своей семантике семы обстоятельственных значений и которые квалифицируются как глаголы состояния.

4. Глаголы состояния в семантическом отношении неоднородны. В их состав включаются как полносемантические глаголы, так и глаголы неполной семантики, которые в речи сопровождаются значимыми глаголами, играя роль вспомогательных.

К полносемантическим глаголам состояния относятся глаголы, в семантике которых (словообразовательной или корневой) содержатся дейктические семы. Например, *لازمه* неизбежно сопровождать кого-л.; *تلازم* быть тесно связанным друг с другом; *حكم* запретить в законодательном порядке. К ним также относятся глаголы типа *طال* быть длинным, долгим; *قصر* быть коротким, кратким; *كثر* — быть множественным, многочисленным и т. п. При переводе эти глаголы как правило трансформируются в соответствующие русские наречия при русских глаголах, семантической основой для которых становятся субъекты арабских предложений. Например:

الناس يكبرون فيعقلون، أما أنت فكلما كبرت قل عقلك (نجيب محفوظ)

Люди с возрастом умнеют, а ты, чем становишься старше, тем больше глупеешь.

К глаголам состояния неполной семантики относятся глаголы, обозначающие различные фазы действия — близость, повторение, итеративность².

¹ В учебнике общественно-политического перевода приводятся 12 типов таких языковых и речевых средств. См.: Финкельберг Н. Д., Майбуров Н. А. Учебник общественно-политического перевода арабского языка. Ч. II. М., 1986. С. 294–297, 300–301, 305, 319–320, 338, 349.

² См.: Храковский В. С. Семантические типы множественности ситуаций в их естественной классификации // Типология итеративных конструкций. Л., 1989. С. 5–53; Финкельберг Н. Д., Майбуров Н. А. Указ. соч. С. 313–314, 317.

Глаголами близости действия являются глаголы *كاد*, *أوشك*, *توشك* *كارثة أن تقع* *Вот-вот разразится катастрофа* (букв.: *Является накануне катастрофа, чтобы произойти*); *المسألة وشيكة الحل* *Вопрос почти решен* (букв.: *Этот вопрос близкий разрешению*).

Глаголы повторения и итеративности представлены в арабском вокабуляре многими глаголами — *كرر* возобновлять, повторять, *تكرر* повторяться, возобновляться, *أعاد* возвращать, возобновлять и т. д. В этом отношении особенно показателен словообразовательный глагольный ряд от корня {ع و د} *عاد* — *عاد* возвращать, возобновлять; *اعتاد* иметь обыкновение и др. В речи эти глаголы часто трансформируются в русские наречия. Например: *عاد و طلب* Он вновь потребовал (букв.: Он вернулся и требовал); *عاد الى المقدمة من الاهتمام* Он снова оказался в центре внимания (букв.: Он вернулся к впереди находящейся части внимания); *استعاد جلسته* Он опять сел на место (букв.: Он возобновил свое сидение).

Переводчику следует помнить, что эти же глаголы могут употребляться в тексте и как полнозначные, и поэтому относиться к ним очень внимательно. Общая идея денотативного значения, отраженная в корне языкового знака, подкреплённая идеей словообразовательного значения, в речи варьируется, обнаруживая высокую семантическую интеграцию сигнификата. Эта интеграция относится ко всем сторонам сигнификата — лексической, грамматической и словообразовательной.

5. Словосочетания, ориентированные в лексикон, — «синтаксические модели транспозиционного типа»¹.

К таким типам словосочетания в АЛЯ относятся, во-первых, номинативные обороты, образованные по типу несогласованного определения, идафы (الإضافة). Например, *سوء الحظ* — несчастье (букв.: плохость счастья); *فتح القبر* — эксгумация (букв.: открытие могилы).

Во-вторых, этот тип словосочетания представлен конструкцией «формального примыкания», «ложной идафы» (الإضافة غيرالمخضة)

¹ Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношения слова и словообразования. Л., 1985. С. 279.

или الإضافة اللفظية). «Ложная идафа» обладает, с точки зрения морфологии, как признаками существительного, так и имени прилагательного, а с точки зрения семантики, репрезентирует понятие, состоящее из двух компонентов: семантического ядра (второй член сочетания) и семантического параметра (первый член сочетания). Например: حديث الولادة *новорожденный* (букв.: *новый рождением*); اللون شاحب *бледный* (букв.: *бледный цветом*); الفكر مشغول *задумавшийся, задумчивый* (букв.: *занятый размышлением*).

В-третьих, словосочетания, ориентированные в лексикон, включают сочетания имени с предлогом, выражающие обстоятельственные значения. Например: على وجه التقريب *безжалостно*; بالفعْل *приблизительно*; بالفعل *практически*.

Все перечисленные типы словосочетания составляют большой пласт выразительных средств в вокабуляре современного АЛЯ и не имеют ограничений функционально-стилистического характера. Тогда как в русском языке, например, сложные слова, близкие по форме к генитивным номинативным конструкциям, в большинстве своем имеют функционально-стилистическую маркированность: *высококонравственный* — книжн.; *длинноволокнистый* — эк.; *сребролукий* — поэт., уст. и т. п.

Словосочетания, ориентированные в лексикон, с одной стороны, относятся к более раннему периоду развития языка, периоду, для которого механизм известный под названием «сжатие кода»¹ еще не получил современной результативности. Но, с другой стороны — и это важнее знать переводчику — активное использование в речи уже имеющихся подобных словосочетаний и их постоянное пополнение при потребности обозначить новые понятия есть отражение в системе номинации одной из характерных черт арабского вербального мышления. А именно — все перечисленные конструкции отличает семантическая эксплицитность, «картинность», свойственная детскому мышлению.

¹ Сжатием кода называется возникновение в процессе развития языка нового слова для обозначения понятия, выражаемого ранее большим числом слов. Например: «нормализация» — إعادة الشيء إلى سيره الطبيعي. См.: Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. С. 147.

ЛЕКЦИЯ 6

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОЙ НОМИНАЦИИ И ПЕРЕВОД (4)

Вокабуляр как отражение национального миропонимания. Теория файлов. Соотношение сигнификатов разноязычных слов, направленных на одну и ту же действительность. Приемы перераспределения каналов информации на уровне отдельного языкового знака.

Итак, в процессе номинации соединяются отражательная способность сознания человека, его мышление и язык. В результате *восприятия и воображения* (отражательная способность) в сознании возникает определенный образ внешнего явления. В результате *анализа и оценки* (мышление) образ приобретает черты конкретизации и упорядочения. На невербальном уровне мышления конкретизация проявляется в выделении признаков образа, а упорядочение — в виде включения образа в уже существующую систему понятий. На языковом уровне (языковое мышление) конкретизация проявляется в виде установления связи между понятием и языковым знаком, а упорядочение — в виде включения данного знака в уже существующую систему языковых форм. В конечном итоге *происходит двойная систематизация — формируется система понятий (мысленные конструкции) и формируется система вокабуляра (материализованные знаки языка, символы понятий)*.

Обе системы носят открытый характер, т. е. изменяются с течением времени. В системе мысленных конструктов появляются новые понятия, исчезают или видоизменяются прежние, усложняется структура системы. В системе символов также происходят множественные количественные и качественные изменения.

Обе системы взаимосвязаны и активно влияют друг на друга. Система понятий, видоизменяясь под воздействием новых впе-

чатлений от внешнего мира, стремится к материализации новых понятий в языковых символах. Символы, обладая знаковостью, т. е. соединяя «тело знака» (словоформу) и «образ знака» (значение), активно влияют на систему понятий, так как придают понятию категориальные языковые значения и добавляют ему коннотации и оттенки, связанные с телом знака и с его положением в системе вокабуляра. В результате благодаря языковой системе могут возникать понятия любой степени обобщенности и абстрактности. Эти последние активно воздействуют на механизмы восприятия и оценочной деятельности, формируя взгляды носителя языка на окружающий его мир.

Таким образом, *отраженный в системе понятий образ мира неразрывно связан с системой национального языка. Слова выступают как хранилище национальных понятийных знаний о мире в формах системы национального языка.*

Лексикон национального языка отражает иерархически организованные понятия, каждое из которых обеспечено знанием числом знаковых выражений (**тезаурус языкового коллектива**). Лексикон отдельного носителя данного языка отражает усвоенную им определенную часть этого множества (**тезаурус личности**). В современном языкознании активно разрабатывается теория **файлов**, в соответствии с которой предполагается, что знаки языка фиксируются в долговременной памяти человека в виде файлов (списков), репрезентирующих определенные участки тезауруса личности. Файлы делятся на:

- 1) *концептуальные*, включающие классы словоформ, объединенные по тем или иным знаниям о мире;
- 2) *формальные*, включающие классы словоформ, связанные со знанием о языке (например, класс словообразовательных файлов);
- 3) *релятивные* (промежуточные между концептуальными и формальными файлами), воплощающие наиболее общие отношения внешнего мира, которые нашли отражение в категориях синонимии и антонимии;

4) *специальные* файлы (например, файл рифм, кроссвордовый файл, ассоциативные файлы и др.);

5) *смешанные* файлы¹.

В процессе речемыслительной деятельности осуществляется выбор нужного элемента из известного файла. Актуализированный в данном акте речевой коммуникации элемент файла принято называть **номинантом**, оставшиеся, не востребованные элементы файла — **ассоциатами**. Число ассоциатов не может быть очень большим. Так, А. Моль считает, что это число находится в пределах тридцати². Знание ассоциатов создает фоновое значение и влияет на объемность вербального образа референта, формирующегося у участников акта речевой коммуникации.

Естественно предположить, что акт речевой коммуникации будет тем успешнее, чем ближе личностные тезаурусы коммуникантов, чем больше точек соприкосновения обнаружится в структурах и составах файлов, которые зафиксированы в их долговременной памяти.

Из этих данных следуют *три практических вывода*, касающихся формирования переводческой компетенции.

1. Переводчику нужно, во-первых, прежде всего обладать большим объемом своего личностного *тезауруса* как носителя *родного языка*. По объему тезаурус профессионального переводчика в идеале должен не уступать тезаурусу хорошего писателя, а по смешанным файлам, которые соединяют когнитивные и специальные файлы, превосходить его. Последнее относится к переводчику, работающему в определенной конкретной области человеческой деятельности, например, в строительной компании или фирме, занимающейся обработкой алмазов. Работа над пополнением личностного тезауруса должна стать повседневной заботой и потребностью переводчика.

¹ См.: Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990. С. 102–112.

² Моль А. Искусство и ЭВМ. М., 1975. С. 148.

2. Во-вторых, переводчику необходимо целенаправленно работать над формированием в своем сознании и над сохранением в своей долговременной памяти личностного тезауруса как подмножества от множества *тезауруса инонационального языкового коллектива*.

Эта работа будет тем результативнее, чем сознательнее он к ней будет относиться. В первую очередь ему следует обратить внимание на те файлы, в которых национальные особенности системы номинации иностранного языка выражаются особенно ярко. Такими файлами в арабском тезаурусе являются прежде всего формальные и релятивные файлы, а также смешанные, состоящие из релятивных и концептуальных файлов (синонимы и антонимы, образованные от аллотезных или метатезных корней). Работая с концептуальными файлами, переводчику нужно обращать особое внимание на национальные реалии.

При формировании своего арабского тезауруса переводчик не должен допускать подмены понятия, сформировавшегося как элемент арабской системы понятий, русским понятием, сформировавшимся как элемент русской системы понятий. Сопоставительный анализ речевых употреблений показывает, что даже близкие понятия имеют различительные признаки в арабском и русском тезаурусах, что связано с национальными особенностями языкового мышления.

История развития языков мира знает три типа языкового мышления: мифическое, поэтическое и прозаическое. Для первых двух типов наиболее характерным является наглядно-образный и практический образ мышления, для последнего — словесно-логический. В подсистеме номинации отражается тип языкового мышления, характерный для всей системы. Для переводчика понять существенные отличия типа языкового мышления носителей иностранного языка от типа языкового мышления носителей его родного языка значит приблизиться к особенностям иного мировиде-

ния, которое формируется с участием философских основ языковой системы, имеющих порождающий характер. Только так он сможет «приобрести способность понимать и производить бесконечное количество правильных комбинаций элементов неродного языка»¹.

Подсистема номинации АЛЯ обнаруживает сохранение черт мифического типа языкового мышления². Доминирующая в номинативных процессах установка на чувственное восприятие окружающей действительности соединяется в АЛЯ с сильной установкой на высокую интеграцию семантических представлений, которая позволила упорядочить структуру вокабуляра с алгебраической непротиворечивостью. Что касается понятийной арабской системы, то ее отличают понятия, которым присущи, с одной стороны, значительная обобщенность, а с другой — сохранение связи с образом первоначального физического денотата (сценой-прототипом по Ч. Филмору).

3. В-третьих, для переводчика недостаточно сформировать в своем сознании два личностных тезауруса, русского и арабского. В процессе перевода эти две системы постоянно взаимодействуют, в результате чего формируется *смешанный тезаурус*. Смешанный тезаурус есть некое искусственное мировидение, в котором разноязычные понятия и слова представлены в виде перессекающихся проекций. Для того, чтобы такие проекции имели объективный характер, по-

¹ Вейнрих Уриэль. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика 111. М., 1999. С. 12.

² Известный французский лингвист Э. Б. де Кондильяк так характеризовал этот тип языкового мышления: «...Первые названия, дававшиеся тому, что мы способны испытывать, обозначали лишь чувственную деятельность» (1980: 239). «Языки были точными методами, поскольку люди говорили только о вещах, относящихся к насущным потребностям» (1983: 238). Поэтому «... первые языки были наиболее пригодными для рассуждения... Возникновение идей и способностей души должно было быть очевидным в этих языках, где было известно первое значение слова и где аналогия всегда определяла другие значения. Названия идеям, которые ускользали от чувств, давали исхода из тех чувственных идей, от которых они происходили» (1983: 242). Цит. по: Зубкова Л. Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. М., 1999. С. 49.

лезно сравнивать понятийные поля, как предметно-понятийные, так и категориальные. В качестве примера рассмотрим понятийное поле «удивления». В словаре С. И. Ожегова *удивление* толкуется как «впечатление от чего-н. неожиданного, странного, непонятного». По данным Словаря синонимов русского языка З. Е. Александровой, синонимом для слова *удивление* является слово *изумление*. В АЛЯ близкое понятие репрезентируется по меньшей мере тринадцатью словами:

دهش — تحير — حيرة — إنبهار — بهر — ذهل — ذهال —
إذهال — صعق — تعجب — إعجاب — دهشة — إنذهال¹.

Доминирующим словом в поле является слово *دهشة*, в котором понятие отражено в наиболее общем виде. Три следующих корня {ب ج ب}, {ص ع ق}, {ذ ه ل} доминируют в формировании трех микрополей: корень {ب ج ب} — микрополе *удивления с положительной коннотацией*; корень {ص ع ق} — микрополе *сильного удивления с метафорическим оттенком*; корень {ذ ه ل} — микрополе со множественными дополнительными признаками, которые связывают поле *удивления* с полями *замешательства, растерянности, тревоги, страха* и т. д., поскольку корень репрезентирует широкое понятие *потери четкого и правильного ориентирования*. Каждое из слов поля содержит дополнительные категориальные признаки — каузатива, состояния, итеративности и пр. Удержать в памяти эти синонимы поможет фиксация в сознании инвариантов корней и знание словообразовательных моделей, что и соотнесет арабский и русский типы вербального мышления. Использование этих каналов информации о семантике арабского слова, которые четко манифестированы в словоформе (теле знака), незаменимы для формирования в сознании переводчика объективно правильного представления о значении арабского слова.

¹ Такое большое число связано не только с лексико-семантическими признаками, но и с известным явлением активного образования и свободного использования в речи отглагольных имен — масдаров, тогда как в русском языке далеко не от всех глаголов можно образовать отглагольные имена.

Смешанный тезаурус должен включать не только проекцию разноязычных слов, различающихся по предметно-понятийным и категориальным признакам, но и слов-понятий, которые отличаются по признакам ассоциативного характера.

Например, *корова* ассоциируется у русского человека с неуклюжестью, у араба — с силой, поэтому если сравнение с коровой для русской женщины — оскорбление, для арабской — всего лишь характеристика ее выносливости (ср. *козя на скаку останавит*). *Зелень* для русского человека ассоциируется с незрелостью, т. е. прежде всего с недостатком, для араба — со свежестью, т. е. как положительное качество, которое вызывает положительные эмоции (ср. *свежа как роза*).

Смешанный тезаурус позволяет переводчику в ряде случаев эксплицировать в тексте перевода латентные оттенки значения слова исходного языка. Так, название пьесы А. М. Горького «На дне» в переводе звучит как *الحضيض*¹. Очевидно, что арабский переводчик сознательно не использовал слово *قاع*, которое достаточно однозначно репрезентирует понятие *дно*, а воспользовался гораздо более редким словом *حضيض*, в инварианте корня которого присутствует понятие предела (ср. с корнем {ح د ذ}).

Можно предполагать, что смешанный тезаурус имеет сложную структуру и объективно обогащает родной тезаурус переводчика, а также что именно благодаря функционированию этой структуры пополняется и система понятий в языке перевода. Переводческая деятельность, таким образом, взаимно обогащает системы понятий контактирующих языков. При этом в каждом языке это пополнение идет своими путями номинативного заимствования. Как говорилось в предыдущей лекции, для АЛЯ более характерным путем заимствования является вторичная номинация, тогда как в русском языке предпочтительнее первичная номинация.

¹ В словаре Х. К. Баранова: 1) край, конец, предел; 2) дно (*моря*); 3) основание, подножие (*горы*); 4) пропасть; 5) тж. *الحضيض القمري* — перигей; *الحضيض الشمسي* — перигелий.

Появление нового понятия сопровождается в русском языке, как правило, появлением нового знака (первичная номинация). Например, фонетические заимствования и структурные кальки из английской терминологии в русскую составляют 73,49%¹, межязыковая омонимия отмечается у 25–40% французских и русских терминов². Расширение вокабуляра (в том числе и за счет слов-«однодневков») не может не осложнять функционирования системы, так как требует от носителей языка приспособления к потоку новой языковой информации. Но, с другой стороны, происходит объективное расширение фонда когнитивной информации, которую человек получает в виде языкового знака, однозначно манифестирующего новое понятие. Тем самым сетка понятий обогащается и количественно и качественно, поскольку новое обозначающее обеспечивает большую точность связи со своим обозначаемым.

Что касается арабского языка, то здесь появление нового понятия чаще всего обозначается уже имеющимся в вокабуляре словом (вторичная номинация), которое имеет свой образ знака. В результате расширения вокабуляра не происходит, система сохраняет устойчивый внешний вид. Но, с другой стороны, новое понятие не обеспечивается той точностью связи с обозначающим, как это происходит в русском вокабуляре. Такая недоопределенность приводит к тому, что сетка когнитивных понятий оказывается как бы закрытой. Вместо количественного и качественного расширения сетки понятий, репрезентируемых своими обозначающими, происходит еще большая интеграция семантики слова («разбросанная полисемия»), в результате становится определенное замораживание фонда когнитивных нерасчлененных понятий. Например, в АЛЯ до сих пор активно употребляются слова, репрезентирующие понятия, которые существовали в индоевропейских языках в недифференцированном

¹ См.: Циткина Ф. А. Терминология и перевод (к основам сопоставительного терминоведения). Львов, 1988. С. 100–101.

² См.: Гарбовский Н. К. Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале французского и русского языков). М., 1988. С. 57.

виде несколько веков тому назад, а затем получили уточнение и в плане означаемых и в плане означающих. Так, словом *فن* в АЛЯ до сих пор может именоваться и *наука*, и *искусство*, и *техника*, и *мастерство*; словом *عامل* *работающий* (о человеке и механизме), *рабочий* (о человеке), *фактор* и т. д.

В результате того, что в значении арабского слова отражаются широкообобщенные понятия, сохраняющие связь с предметно-чувственным миром через семантически неподвижный корень, слово в АЛЯ обеспечивает критерий необходимости в обозначении называемого объекта, но слабо обеспечивает критерий достаточности. Критерий достаточности перемещается на следующий уровень речемыслительной деятельности — синтагматический.

Переводчику необходимо помнить о национальных особенностях, которые отличают кодирование сигнификата в арабской словоформе (в теле знака) от кодирования сигнификата в русской словоформе. Эти особенности связаны с особыми чертами арабской номинации, речь о которых шла в предыдущих лекциях — с фонетической символикой (явления аллотезы, метатезы, геминации, редупликации) и с графической четкостью кодирования словообразовательных значений. Благодаря этим особенностям те соответствия, которые даются арабским словам в двуязычных словарях, лишь частично покрывают те семантические пространства, которые покрываются арабскими словами. За границами русских соответствий оказываются многие категориальные и фоновые значения, которые кодируются телом знака и которые должен непременно осознавать переводчик, если он хочет успешно работать с арабским словом в речи.

ЛЕКЦИЯ 7

ОСОБЕННОСТИ АРАБСКОЙ РЕФЕРЕНЦИИ И ПЕРЕВОД

Отличие референции от номинации. Национально маркированные типы обозначения в арабском тексте. Предпочтительные типы файлов, используемых арабским адресантом для обозначения референтов.

Референцией, или **обозначением**, называется *речевое использование номинативных единиц для замещения в знаковой форме представлений адресанта о реальных и идеальных объектах окружающего мира.*

Если слово как элемент номинативной подсистемы языка выполняет функцию хранения знаний, накопленных языковым этносом в течение столетий, т. е. *эпистимическую функцию*, то слово в речи материализует в знаковой форме мыслительную деятельность отдельного представителя этноса в конкретном акте речевой коммуникации, тем самым выполняя *когнитивную функцию*. Адресант, воспринимая объект окружающего мира (*денотат*), создает в своем сознании образ денотата (*референт*), выделяя те признаки денотата, которые, по его мнению, являются главными, а затем выбирает из номинативной подсистемы знак, в значении которого отражены данные признаки, и, следовательно, этот знак сможет символизировать в речи идеальный мысленный конструкт, создавшийся в сознании адресанта. Совершая эти мысленные действия и операции, говорящий далеко не так свободен, как это может показаться. Его действия носят не только индивидуальный характер, но и социально ориентированы, поскольку в задачу адресанта как одного из участников акта речевой коммуникации входит выделение таких признаков денотата и материализация их в знаке таким образом, чтобы обеспечить адресату возможность реконструировать аналогичный мысленный конструкт в своем сознании.

Во время речевой коммуникации именно в процессе референции осуществляется связь языка с языковым осмыслением действи-

тельности отдельным языковым субъектом. В референции эпистимическая функция языкового знака меняется на когнитивную, а амбивалентность значения знака устраняется в определенном контексте употребления¹.

Номинативная единица языка — возможность обозначения, потенциальная величина для будущих обозначений, поскольку знак обладает социально фиксированным значением. Любые возможные контекстуальные модификации значений номинативных единиц в речи в рамках индивидуально-творческого обращения с ними осуществляются на основе этих значений, а не в обход их системных свойств. Однако знание знака в номинации должно быть дополнено знанием особенностей механизма референции, которые отличают референцию в иностранном тексте от механизма референции в родном для переводчика тексте. Как говорят арабские ученые, одного знания слова (*معرفة*) еще недостаточно, нужно уметь обращаться с этим знанием для «делания смысла» (*صناعة*), т. е. уметь использовать знак для обозначения.

Овладеть особенностями обозначения, характерными для иноязычного этноса, — задача более трудная, чем овладеть особенностями номинации, особенно когда речь идет о таких контрастивных типах языкового мышления, как типы арабского и русского языкового мышления. Это направление исследований в частной теории арабского перевода еще мало изучено. Попробуем порассуждать.

В первую очередь следует ответить на вопрос: какие факторы влияют на адресанта в процессе референции?

Очевидно, что изначально этими факторами являются факторы *вневербального характера*. Они связаны с предметом мысли и теми признаками, которые адресант выделяет в объекте реального

¹ «В системе номинации отражается сущность языковой системы, ее общее, с присущими характеристиками — абстрактность, воспроизводимость, потенциальность, отвлеченность от времени и пространства, конечность... В речи языковая система отражается как явление (в противоположность сущности), ее частное состояние, для которого характерны — конкретность, неповторимость, актуальность, развернутость во времени и пространстве, бесконечность». (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 414).

мира при создании образа денотата, т. е. референта. Признаковая оценка объекта осуществляется через соотнесение последнего с понятиями, входящими в личностный тезаурус адресанта. Поскольку тезаурус личности есть присвоенная адресантом часть общенационального тезауруса, признаковая оценка имеет смешанный индивидуально-социальный характер. Следовательно, чем больше переводчик знакомится с индивидуальными текстами, тем ближе он интуитивно подходит к общенациональному иностранному тезаурусу, а также получает возможность понять национальные особенности выделения признаков в объектах окружающего мира.

Другую группу факторов, влияющих на выбор адресантом номинативной единицы для обозначения предмета мысли в тексте, составляют уже факторы *вербального характера*. Эти факторы связаны с системой файлов, закрепленных в тезаурусе личности адресанта. Личная система файлов также имеет смешанный индивидуально-социальный характер, и, следовательно, знакомство переводчика с множеством иностранных индивидуальных текстов помогает ему ближе подойти к пониманию особенностей общенациональной системы файлов, в частности, выделить те типы файлов, к которым носители иностранного языка обращаются чаще, чем к тем же типам файлов обращаются носители родного языка переводчика.

Факторы обеих групп имеют смешанный *универсально-национальный характер*. Они универсальны в той степени, в какой универсален мир денотатов, человеческое мышление и языковая способность, и национальны в той степени, в какой разнятся между собой миры денотатов, в которых обитают этносы, и их национальные языки. Естественно, что большей национальной специфичностью отличаются факторы второй группы, т. е. факторы вербального характера, поскольку они напрямую связаны с системой языка. Однако, как показывает практика переводческой деятельности, национально маркированными оказываются и факторы первой группы, факторы невербального характера.

Национальные особенности выделения признаков объекта по их количеству и качеству могут в ряде случаев создавать ситуации,

когда переводчику с трудом удастся установить смысловую связь между использованным знаком (номинантом) и объектом, обозначаемым этим знаком. Например, в одних текстах словом *الصحة* *здоровье* был обозначен объект, который в русском тексте мог быть идентифицирован как *здравоохранение* (*في مجالات الإسكان والمرافق والصحة* *в сферах жилищного строительства, коммунально-бытовых услуг и здравоохранения*), а в других текстах этим же словом был обозначен более конкретный объект, которому в русском тексте соответствовало словосочетание *сотрудники санэпидемстанции* (*وصلت الصحة وأمرت... Прибыли сотрудники санэпидемстанции и распорядились...*). Очевидно, что переводчику, для того чтобы установить объект, обозначенный словом *الصحة* (первая фаза переводческой деятельности), в обоих случаях потребовалось извлекать из контекста реальной и речевой ситуации необходимые дополнительные признаки объекта, а при создании текста перевода (вторая фаза переводческой деятельности) — использовать русские номинанты, отличающиеся большей степенью семантической детализации. Возможна и противоположная ситуация, когда число признаков объекта, выделенных для его обозначения иноязычным адресантом, представляется избыточным и переводчик использует известный прием опущения. Например, в тексте:

أن درجات الحرارة العالية أدت الى انصهار الأعمدة والجسور الحديدية التي يتكون منها البناء

*Из-за высокой температуры расплавились металлические перекрытия здания при переводе опущены признаки большей конкретизации, материализованные словами درجات *градусы* и словами الأعمدة *опоры* и *переходы*.*

Теперь обратимся к тем систематизированным знаниям об особенностях арабской референции, которыми на сегодняшний день располагает частная теория арабского перевода.

Во-первых, поскольку в арабском тезаурусе в большей степени, чем в русском, присутствуют понятия, для которых характерным является **высокая степень семантической интеграции** (экстенционального значения по Р. Карнапу), то арабский адре-

сант, формируя образ денотата, также часто выделяет в нем признаки, которые, с точки зрения русского адресата, слишком обобщены. Выбирая же номинант в когнитивном файле он соответственно использует слова с широким объемом понятия, т. е. слова, которые могут быть использованы для обозначения любых объектов, если выделенные признаки являются для них существенными.

С точки зрения трудностей, которые приходится преодолевать переводчику при появлении такого типа обозначения, в нем выделяются два подвида, различающиеся по характеру денотата.

К первому подвиду относится обозначение *материальных денотатов*, конкретных предметов или явлений. При работе с такими обозначениями, особенно если обозначаемые объекты суть привычные реалии и в жизни языкового коллектива, к которому принадлежит сам переводчик, последний легко по контексту идентифицирует объект, и для того, чтобы найти нужное соответствие, ему необходимо лишь вспомнить, каким привычным словом или словосочетанием обозначается этот объект в русскоязычном коллективе. Например, в тексте:

ويقولها والد الطفل هنا يؤكد تقرير مستشفى المواصات حيث يقول إن سبب وفاة الطفل هو نزف صاعق بعد عشرة أيام من عملية استئصال اللوزات
использован масдар, который репрезентирует понятие *утверждение чего-л. как процесс или результат процесса*. Круг реальных денотатов, которые могут быть обозначены данным словом, очень широк, так как речь идет о том, что им должны быть присущи, по данным толковых словарей, только два признака: 1) делание чего-л. устойчивым и 2) делание чего-л. признанным, устоявшимся. Соответствия, приводимые в двуязычных словарях для слова *تقرير* как результата действия (*отчет, отчетный доклад, докладная записка, справка*), не исчерпывают списка возможных объектов обозначения. Однако, для того, чтобы найти нужное соответствие в данной ситуации, переводчику необходимо лишь вспомнить, каким привычным номинантом обозначается этот объект в русскоязычном коллективе — *врачебное заключение, эпикриз*:

Слова отца подтверждаются и *врачебным заключением*, в котором говорится, что смерть ребенка наступила в результате внезапного кровотечения, которое произошло через 10 дней после операции по удалению миндалин.

Вычленение высоко обобщенных признаков резко повышает возможности сочетаемости таких обозначений с другими обозначающими в рамках одного сообщения. Например, глагол *ملأ* и прилагательное *ملي*, репрезентируя соответственно признаки *абсолютное распространение в/на каком-л. пространстве* + *глагольность* и *абсолютное распространение в/на каком-л. пространстве* + *признаковость*, встречаются в сочетаниях со следующими оппозициями:

«Люди — не люди»

وينتهزون الفرصة فملؤوا عقولهم بالمعلومات الهائلة («الأهرام») Они использовали эту возможность, *обогатившись знанием огромного числа сведений и фактов* (букв.: ...они ... наполнили свои умы).

وسوف يبني لبنان الخرائب التي ملأت بيروت («النداء») Ливан заново *отстроит Бейрут, лежащий сейчас в развалинах* (букв.: ...развалины наполнили Бейрут).

«Имеющий объем — не имеющий объема»

وهمست في أذنها ورائحة شعرها الأدمية تملأ أنفي (نجيب محفوظ) Наклонившись к ее уху так близко, что меня *обдало ароматом ее волос*, я прошептала... (букв.:... запах заполнил мой нос).

وملأت الثلوج وجهي (ترجمة: نابوكوف) Снег *залетел мне лицо* (букв.: ...заполнил ... лицо).

«Прямое значение — переносное значение»

ملأ الدلو بالماء Наполнить ведро водой. Она смотрела, *задумавшись* (букв.: Заполнило размышление ее взгляд).

وملأ جمال البنت عيني («الأهرام») Эта девушка *просто очаровательна* (букв.: Заполнила красота девушки мой глаз).

Как видно из приведенных примеров, адекватный перевод достигнут благодаря самым разнообразным переводческим трансформациям, но в любом случае не требующим от переводчика

значительных умственных усилий. Гораздо более сложные задачи ему приходится решать, когда он сталкивается с обозначениями второго подвида этого типа арабской референции.

Ко второму подвиду относятся обозначения *метафизических денотатов*, вычленяемых адресантом в процессе его оценки референтной ситуации.

Например, в тексте:

و بتعبير مباشر لا بد من سيادة المواجهة السياسية على المواجهة
الأمنية («الأهرام»)

(букв.: С прямым выражением, нет избегания от господства политического противостояния над безопасным противостоянием) масдаром *المواجهة* обозначен идеальный денотат, в котором адресант выделил два признака: 1) присутствие субъекта и объекта в определенной ситуации и 2) их взаимные контрдействия, которыми могут быть любые действия, во время которых участники ситуации находятся относительно друг друга «лицом к лицу». Значение этого масдара в толковом словаре *المنجد* объясняется следующим образом: *مواجهة: استقبال الرجل بكلام أو وجه* (букв.: Встреча тебя человеком речью или лицом). Для осознания обозначенного этим словом объекта потребуется проанализировать, образы каких объектов присутствуют в данной референтной ситуации помимо образа объекта, обозначенного словом *مواجهة*. В тексте кроме него использовано определение *أمني*, образованное от имени *أمن* — *безопасность; спокойствие*. В словосочетании *رجال الأمن* (букв.: люди безопасности) слово *أمن* обозначает *полицию*, а производное от него *أمني* в словосочетании *الإدارة الأمنية* (букв.: безопасное управление) обозначает *Управление общественной безопасности*, политическую полицию, существующую в арабских странах. Можно предполагать, что арабский адресант, выбрав в качестве номинанта слово *أمني*, выделял в обозначаемом объекте только признак *безопасности*, подсознательно исходя из того, что имеющиеся в личном тезаурусе возможного получателя текста ассоциаты этого файла дадут тому возможность легко идентифицировать обозначаемый объект в рамках сконструированной адресантом референтной ситуации.

Что касается переводчика, то ему пришлось потрудиться, чтобы преодолеть трудности понимания подобных расплывчатых обозначений, проведя семантический анализ и анализ не только узкого, но и широкого контекста. Создавая же текст перевода, чтобы донести смысл высказывания до русского адресанта, переводчику потребовались более конкретные обозначения с выделением большего числа признаков обозначаемых объектов:

Говоря прямо, нужно, чтобы использовались не столько отряды сил Управления общественной безопасности, сколько средства политического урегулирования.

Оба подвида данного типа обозначения отражают один и тот же ход мысли арабского адресанта как на довербальной стадии его речемыслительной деятельности, так и при выборе им нужного номинанта. Этот ход мыслительной деятельности определяется установкой на большую степень семантической интеграции и на малое число выделяемых признаков. Для переводчика различие между отмеченными подтипами связано с меньшими или большими эвристическими процедурами. Первый подтип (обозначение предмета или явления окружающего мира) связан с меньшими трудностями, так как трудности возникают только на втором этапе переводческой деятельности и связаны с перекодированием пусть необычного, но легко понимаемого обозначения. Второй подтип (обозначение денотата, сконструированного в рамках созданной адресантом референтной ситуации) требует от переводчика значительных эвристических усилий, так как трудности возникают не только и не столько при перекодировании (второй этап переводческой деятельности), сколько при понимании (первый этап переводческой деятельности).

Во-вторых, особой национальной специфичностью отличаются арабские обозначения, связанные с **выбором номинанта из формальных файлов**, т. е. файлов, за которыми стоят знания о системных качествах языка (файлы словообразовательных моделей, файлы корней и файлы семантически нагруженных фонем). Такие типы файлов присутствуют и в русском языковом сознании, однако, по сравнению с русскими коммуникантами, арабофоны отличаются тем, что в их сознании файлы, связанные со знанием языковой системы (интенциональные значения по Р. Карнапу),

фиксируются четче и он чаще использует их в процессе опредмечивания образа. Благодаря этому арабский адресант маркирует вычленимый объект действительности малым числом признаков весьма высокой степени абстракции. Рассмотрим следующие примеры.

а) Выбор номинанта из словообразовательных файлов. Например, в тексте («الأهالي») ولهذا اختلق حكاية كهذه использован глагол اختلق, образованный по модели VIII породы, для которой характерен сильный интенциональный признак «предумышленность действия, совершаемого в пользу субъекта, для субъекта»¹. Переводчик, осознав в рамках конкретного контекста коммуникативную значимость выделенного признака описываемой ситуации конкретизирует интенциональное значение модели VIII породы в русских лексемах, которые материализуют этот признак на экстенциональном уровне, словообразовательное значение трансформируется в лексическое: *Он выдумал эту историю, чтобы оправдать свои действия.*

Такой тип арабского обозначения весьма частотен и требует от переводчика глубокого знания словообразовательных значений АЛЯ и постоянного внимания к словообразовательной модели слова в тексте, к «телу знака». Следует также отметить, что при этом типе обозначения в арабских текстах часто появляются словоформы, не зафиксированные в словарях, но заполняющие возможные словообразовательные лакуны. Например, в тексте:

يرفض الجانب العربي تهمة الوغد الفلسطيني («الثورة») использована модель масдара от глагола II породы корня {ه م ش} интенсивно-каузативного значения. Имеющиеся словари не содержат в своих словниках ни масдара, ни глагола этого корня. В них дается только имя هامش (мн. هوامش) — 1) поле, поля (книги); 2) окраина, опушка. В современных текстах этим словом обозначаются такие денотаты, как: ...علي هامش заметка о...; история вопроса о...; الحوادث على هامش комментарий к событиям; وضعه على الهامش отложить что-л. в долгий ящик; هوامش сноски и источники. Используя контекст ситуации и

¹ Гранде Е. М. Указ. соч. С. 131.

семантический анализ признаков интенционального и экстенционального характера нового образования, могут быть предложены два варианта перевода данного текста:

Арабская сторона выступает против того, чтобы палестинскую делегацию лишили той роли, которую она должна играть в урегулировании конфликта.

или

Арабская сторона выступает против того, чтобы та проблема, которую поднимает палестинская делегация, была отодвинута на второй план.

Очевидно, что в обоих случаях переводчик произвел значительные действия по расширению признаков в количественном и качественном отношениях. Трансформации подобного рода налагают на переводчика большую ответственность, и требуется особая тонкость, чтобы не переступить ту грань, за которой излишняя конкретизация превратит перевод в «отсебятину».

б) Выбор номинанта из файлов корней и файлов семантически нагруженных фонем. Этот вид обозначений связан с феноменом сохранения в системе номинации АЛЯ сетки первичных семантических представлений, закрепленных за языковыми строевыми материальными единицами, из которых образуются полноточные слова, но которые и сами по себе обладают некоторым собственным значением. Благодаря этой особенности арабский адресант может обозначать отдельные признаки образа денотата не с помощью лексических значений полноточных слов, а используя возникающие аллюзии, связанные с консонантной структурой корня. Признаки, которые выделяются при этом типе обозначения, не всегда имеют коммуникативную значимость в акте речевой коммуникации, но их фоновое присутствие при выборе номинанта остается неизменным. При полной коммуникативной реализации этих латентных признаков переводчику необходимо использовать средства их экспликации и конкретизации, вводя дополнительную русскую лексику. Например, в тексте:

نحتاج لا الى مباحثات بل الى مفاوضات («الأهرام»)
 противопоставлены два слова *مباحثات* и *مفاوضات*, которые в двуязычном словаре имеют одно и то же соответствие — *переговоры*. Существующее между ними семантическое противопоставление есть результат противопоставления файлов корней, от которых образованы данные имена. Сходные с корнем {ح س س} корни — {ب ح ث} — {ح س س} имеют инвариантное значение *нацупывание*; корень {ف و ض} семантически связан с понятийным полем мощных процессов, сходных с разливом рек, приносящих существенные перемены, а также входит в файл сходных корней, таких как {ف ي د} — {ف ي د} (понятийное поле *пользы и сердца*) и {د ف ع} (понятийное поле *резких внешних движений, направленных на изменение положения кого-л., чего-л.*). Во многих случаях употребления эти глубинные семантические признаки остаются коммуникативно не востребуемыми, и тогда соответствие *переговоры* достаточно точно передает образ денотата. Однако в приведенном примере фоновые значения оказались коммуникативно значимыми, так как без их осознания утрачивается смысл текста. Поэтому в переводе скрытые значения должны актуализироваться, например, в таком виде: *Нам нужно не просто собраться и поговорить, нам нужны серьезные переговоры, которые привели бы к кардинальным решениям*. Заметим, что в случаях, когда речь идет о переговорах по жизненно важным вопросам, например, о заключении мира, всегда употребляется слово *مفاوضات*.

Частотность использования второго и третьего типов обозначения в арабском тексте свидетельствуют о том, что «лингвистический» канал информации является для арабофонов активным действующим каналом и, следовательно, он доступен простым коммуникантам, не обладающим специальными лингвистическими знаниями. В противном случае арабские коммуниканты не смогли бы оперировать такими «свернутыми» обозначениями без опасения нарушить взаимопонимание.

В-третьих, национально маркированным типом арабской референции является выделение в обозначаемом объекте признаков, связанных с чувственными представлениями, и выбор номинанта из соответствующих когнитивных файлов. В качестве при-

мера проанализируем следующий отрывок из книги Мустафы Талласа «Фронт стойкости и противодействия в борьбе против кэмп-дэвидского лагеря»:

شعر السادات منذ توليه السلطة بمدى ثقل نظرات الاستخفاف التي يحيطه بها رفاق درب الرئيس الراحل جمال عبد الناصر فقرر البطش بهم.
Садат, который со времени своего прихода к власти олицетворял пренебрежительное отношение сторонников курса покойного президента Гамалы абдель Насера к своей персоне, принял решение расправиться с ними.

Подчеркнутые в арабском тексте лексемы передают физические признаки, связанные с *весом* (ثقل *тяжесть*; استخف *считать легким, невесомым*), *пространственным расположением* (درب *тропа, с трудом прокладываемая в горах*) и *изменением расположения в пространстве* (بطش *напрыгивать на кого-л. сверху*). В тексте физические признаки переосмыслены, но связь переносных значений с прямыми прозрачна: тяжелые взгляды создают дискомфорт; Садата оценивают не по достоинству, относятся к нему пренебрежительно; Насер шел путем, который с трудом прокладывал; Садат, пользуясь своим положением, весом, обрушивается на своих недоброжелателей. Создается картинная реальность образа описываемой ситуации через противопоставление бинарных признаков чувственного характера: *тяжесть — легкость; трудные, весомые усилия — легковесность, достойная презрения; слабость — сила*. Такая картинность позволяет адресату правильно интерпретировать «излишнюю» обобщенность каждой из описываемых лексем. Причем необходимо отметить, что в данном тексте создание семантического образного фона — не литературный прием, поскольку книга написана профессиональным военным и не является произведением художественной литературы.

Стремление арабского адресанта создать зрительную «картинку» при обозначении в тексте отдельных денотатов видно и на следующем примере:

وعلى واجهة المحلات تقرأ لفتات كتب عليها بالخط العريض إعلانات الانتخابية

«الأهرام»

На фасадах магазинов укреплены транспаранты, на которых крупными буквами написаны предвыборные лозунги.

Подчеркнутые лексемы материализуют физические признаки соответственно: *то, что повернуто к кому-л. лицом; линия; открытость, явность*¹. В сочетании الخط العريض широкая линия отражена особенность арабского письма, где нет прописных и строчных букв, а выделение обычно осуществляется за счет более широкой начертательной линии. Для понимания, воссоздания в сознании адресата описанной «картинки» этих признаков вполне достаточно. Переводчику же пришлось описать ее с помощью контекстуальных соответствий более конкретного характера, используя те же приемы, что и в описанном выше первом подтипе первого национально отмеченного типа арабской референции.

Для русского переводчика все отмеченные выше арабские типы референции требуют внесения коррективов в привычный ход вербального мышления, усвоенный им в опыте одноязычного коммуникативного общения в русскоязычном коллективе. Ему приходится совершать насилие над собой, приучая себя «мыслить по-арабски». Приобрести нужные умения и навыки переводчику должны помогать прежде всего специальные эвристические процедуры, которые состоят из: 1) постоянного внимания к смысловому контексту, умения целенаправленно следить за ходом мысли арабского адресанта; 2) до автоматизма доведенного предпереводческого лингвистического анализа арабских словоформ в тексте (семантического, грамматического и словообразовательного) и 3) профессионального владения приемами перевода.

¹ Как свидетельствует двуязычный словарь, этими лексемами в текстах обозначаются множественные и разнообразные объекты действительности: واجهة 1) фронтон; фасад; лицевая сторона (монеты, кредитного билета и т. п.); 2) витрина; 3) воен. фронт; خط 1) линия; 2) полоса; колея; борозда; трасса; 3) ряд, линия (строя); 4) почерк, письмо; 5) черта; إعلان 1) обнародование, публикация; 2) объявление, извещение; 3) афиша, плакат, объявление.

ЛЕКЦИЯ 8

ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦЕЛОСТНОГО ОБРАЗА СИТУАЦИИ В АРАБСКОМ ТЕКСТЕ (1)

Понятия реальной, референтной и речевой ситуации. Сопоставление ситуации по параметрам полноты, латентности и точности. Основные национальные отличия обозначения целостного образа ситуации в арабском тексте.

Как отмечалось в предшествующей лекции, речемыслительная деятельность адресанта обращена к двум качественно различным объектам — материальному миру и мысли о нем, с одной стороны, и языковым способам вербализации мысли — с другой.

Объектом материального мира, к которому обращено внимание адресанта при формировании мысли об этом объекте, является **реальная ситуация**.

Выделяя признаки реальной ситуации и давая ей определенную оценку, адресант в своем сознании создает *образ реальной ситуации, мысль о ней*. Образ реальной ситуации создается на «языке мозга» и является скрытым от прямого наблюдения результатом нейрофизиологических процессов, которые происходили в сознании адресанта. Этот образ — **референтная ситуация** — всегда отличен от реальной ситуации по количеству признаков, по качеству признаков и, естественно, по представлению — реальная ситуация объективно существует вне адресанта, референтная — только в его сознании, формируя когнитивное содержание будущего текста. Одна и та же реальная ситуация может дать толчок для формирования неодинаковых референтных ситуаций у разных адресантов.

Чтобы передать информацию о референтной ситуации адресату, адресант материализует ее языковыми средствами (**предметная ситуация**) в рамках конкретного акта речевой коммуникации. Конкретный акт речевой коммуникации — **речевая ситуация** — может существенным образом повлиять на то, как адресант будет

вербализовать референтную ситуацию в предметную с учетом принимающих способностей адресата.

Поскольку принимающие способности адресата носят индивидуально-социальный характер, адресант, чтобы быть понятым, должен при моделировании референтной ситуации и при опредмечивании ее в тексте придерживаться определенных социально осознаваемых границ полноты, латентности и точности. Для большей наглядности представим эти понятия в виде следующей таблицы.

Понятие	Референтная ситуация	Текст
Полнота	Моделирование референтной ситуации с выделением большего или меньшего числа признаков реальной ситуации при принципиальной невозможности выделения всех признаков.	Вербализация признаков референтной ситуации при возможности вербализации всех признаков, выделенных в референтной ситуации.
Латентность	Моделирование референтной ситуации с использованием «свернутых» признаков, выделенных на основе интегративного принципа в отражательных процессах.	Вербализация признаков, выделенных в референтной ситуации, с использованием языковых средств со «свернутой семантикой» и всякого рода аллюзий.
Точность	Моделирование референтной ситуации с обязательным выделением в реальной ситуации признаков, без которых указанная ситуация не может существовать.	Вербализация признаков референтной ситуации с помощью языковых средств с достаточной степенью точности (сингулярности).

Взаимопонимание коммуникантов в определенной речевой ситуации может быть достигнуто только в том случае, если при кон-

струировании референтной ситуации и при материализации мысли в языковых знаках параметры полноты, латентности и точности будут сопоставимы для адресанта и адресата.

В качестве иллюстрации проведем краткий сопоставительный анализ означивания одной и той же реальной ситуации в арабском и русском текстах.

و الوقت ليل والجو صحو والهواء راتب يهمس في الأغصان

(букв.: *Время — ночь, воздух ясный и воздух влажный шепчет /он/ в ветвях*)

Ночь. Ясно. Влажный ветерок шелестит в ветвях.

Очевидно, что в обоих случаях референтные ситуации моделируются в виде завершенных кадров, субситуаций, каждая из которых впоследствии вербализуется. Однако, если арабский адресант в субситуациях выделяет денотат / референт и его признак (две первые субситуации) и денотат / референт и совершаемое им действие (третья субситуация), то русский адресант в двух первых субситуациях ограничивается выделением только признаков. Таким образом, если говорить о ситуации в целом, то вербализованная в арабском тексте референтная ситуация отличается от русской большей полнотой.

Что касается образов отдельных денотатов, то они в арабской референтной ситуации отмечены, напротив, меньшей полнотой по сравнению с русской. Так, в третьей субситуации русский адресант вычленяет объект *подвижной влажной воздушной субстанции, способной осуществлять активные действия* (влажный ветерок), который отличается по частным признакам от объекта *воздушная субстанция* (ясно), который был выделен для второй субситуации. Арабский адресант выделяет меньшее число различительных признаков между денотатами второй и третьей субситуаций, они отличаются большей «свернутостью», латентностью. Если в русских референтных субситуациях присутствуют различительные признаки *подвижность — отсутствие подвижности, прозрачность — отсутствие признака прозрачности, способность к активным действиям — отсутствие способности к активным действиям*, то в арабских референтных субситуациях

различаются только признаки *наличие целостности воздушной субстанции — отсутствие целостности воздушной субстанции*.

Что касается вербализации признаков референтной ситуации в текстах, то в арабском тексте ей свойственна большая полнота, чем в русском тексте, включая вербализацию признаков отношений между субситуациями, которые в русском тексте выражены латентно. Латентность в русском тексте отмечена и в синтаксических структурах двух первых эллиптированных предложений (назывные предложения, в которых подлежащее имплицитно). Однако точность вербализованных признаков не мешает русскому адресату воспринимать референтную и понимать реальную ситуацию, так как в тексте не нарушены общепринятые литературные нормы синтаксического эллипса.

По параметру точности, т. е. сингулярности обозначения отдельных денотатов русский текст явно превосходит арабский, так как в последнем лексемы *جو* и *هواء* отличаются большей степенью латентности и меньшей степенью точности по сравнению с русскими *воздух* и *ветерок*¹. Лексикографический анализ позволяет сделать вывод о значительной семантической близости слов *جو* и *هواء*, но и о некотором глубинном их различии, которое позволило арабскому адресату использовать их для обозначения несколько отличающихся между собой объектов референтной ситуации. Однако, учитывая латентный характер этого различия, а также разбросанную семантику каждого из этих слов, точность обозначения оказывается значительно меньше, чем в русском тексте, где слово *ветерок* однозначно манифестирует признаки, выделенные в референтной ситуации.

¹ Лексема *جو* в арабско-русском словаре Х. К. Баранова имеет следующие соответствия: 1) воздух, атмосфера; 2) перен. атмосфера, обстановка; 3) небо; 4) широкая долина; 5) погода; климат; 6) благоприятная почва; 7) физ., тех. атмосфера. Лексема *هواء* в том же словаре имеет соответствия: 1) атмосфера; воздух; 2) ветер; 3) климат; 4) погода; 5) каприз; 6) трус. В арабском словаре синонимов Рафаила Нахле ал-Йасу: и эти два слова даются как взаимозаменяемые. В толковом словаре ал-Мунджид и в арабско-английском словаре Ильаса слово *هواء* использовано в качестве поясняющего синонима для слова *جو*.

Опыт речевой коммуникации свидетельствует о том, что при всем многообразии вариантов референтных ситуаций для одной и той же реальной ситуации, это многообразие имеет два предела: предел *информационный* (понимание) и предел *эстетический* (привычность). В первом случае речь идет о том, состоится ли акт коммуникации вообще, поймет ли адресат, о чем идет речь, во втором — о том, в каком виде он получит информацию о реальной ситуации, привычном или необычном, соответствующем или нарушающем норму или узус речевых реализаций.

Установить эти пределы со сколько-нибудь достаточной точностью не представляется возможным даже для родного языка. Если интеллектуальный предел в известной степени связан с языковой коммуникативной компетенцией коммуникантов, то эстетический предел остается в сфере интуитивного чувства правильного и/или уместного выражения в речи референтной ситуации. Одни непривычные референтные ситуации эстетический предел не пропускает (например, те, которые создаются под действием интерференции иностранной языковой системы), тогда как другие непривычные референтные ситуации получают признание социума (например, в произведениях самобытных национальных писателей, таких как Андрей Платонов или Владимир Набоков). Очевидно, что оставаясь только в сфере лингвистического знания, можно установить только ту часть эстетического и интеллектуального пределов, которые относятся к области относительно точных языковых знаний — грамматики, вокабуляра, словообразовательной системы, клишированных образов описания типовых ситуаций, т. е. всего того, что может быть задано списком. Та же часть этих пределов, которую нельзя определить с помощью языкового знания, связана с более глубинными и менее конкретными представлениями. Эти пределы определяются теми максимумами, которые складываются у этноса в ходе множественных актов отражательной работы сознания и закрепляются в процессе формирования их языковой коммуникативной компетенции, а затем включаются в индивидуально-социальную концептуальную систему человека как установки психосемантического характера на осу-

шествование отражательной работы сознания, стратегии и тактики образования энграмм (образов) в речемыслительной деятельности. Для того, чтобы гарантировать корректность репродуктивных и особенно продуктивных речевых операций на уровне создания референтных ситуаций, переводчику необходимо знание — сознательное или интуитивное — семантических доминант, активно влияющих на формирование референтных ситуаций в сознании иностранного адресанта и актуализирующихся в иностранном тексте.

В порождении арабского коммуникативного образа референтной ситуации, актуализирующемся в тексте, прежде всего обнаруживается влияние психосемантической установки на высокую интеграцию семантических представлений (ДВСИ). Напомним, что эта же доминанта отмечена как ведущая для арабской номинации и для обозначения отдельных денотатов / референтов ситуации. Проявление действия ДВСИ на уровне описания ситуации отмечено в следующих случаях.

1. Определенность референтной ситуации на основе интегрированного понятия о строевых единицах синтаксиса. В арабском предложении слова, словосочетания и предложения представляются с точки зрения операций с ними *однопорядковыми единицами* в рамках единой системы *и:араба* и понятий *определенности* — *неопределенности* (*детерминативности*). Классы словоформ и словосочетаний от класса предикативных конструкций отличаются в этом смысле лишь по первичности и вторичности функций. Для класса словоформ и словосочетаний первичной функцией является номинация, вторичной — сообщение, для класса предикативных конструкций первичной функцией является сообщение, вторичной — номинация. При выполнении арабскими предикативными конструкциями их вторичной функции — номинации — они подвергаются воздействию тех же изменительных факторов, что и отдельные слова и словосочетания в их первичной функции. Об этом свидетельствует тот факт, что синтаксические конструкции в их вторичной функции легко вступают в отношения однородных членов предложения со словоформами в их первичной функции. Рассмотрим такой пример:

كانت جثة رجل أخرجها من البحيرة جثة تسيل منها المياه منتفحة
(Букв.: Был труп мужчины, вытащили они двое его из озера, трупом, льются из него воды, раздувшимися)

Определительное придаточное предложение *تسيل منها المياه* льются из него воды и причастная форма *منتفحة* раздувшимися находятся в атрибутивном отношении со словом *جثة* труп и по правилам согласованного определения оба находятся в одной и той же словоизменительной позиции (*نصب*), той же, что и слово *جثة*, и в неопределенном состоянии, которое для причастия выражено в виде флексии, а для предложения — в виде нулевого относительного местоимения *التي*.

Таким образом, единую парадигму и:араба только условно можно назвать словоизменительной парадигмой. Объективно и:араб есть парадигма синтаксических форм (слов, словосочетаний, предложений), благодаря которой высказывания строятся по единой и достаточно простой схеме.

В этой особенности арабского синтаксиса обращает на себя внимание не только легкость трансформационных процессов при замене предикативной конструкции словоформой и наоборот, но и та легкость, с которой арабский адресант, замещая масдаром предложение с глаголом-сказуемым, опускает при этом категориальные признаки глагола, в частности временные характеристики глагольного действия. Использование масдара вместо предикативной конструкции часто создают высказывания, лишенные для русского получателя необходимой точности. Это может быть проиллюстрировано следующим примером.

أعلن الرئيس معارضة بلاده مبدأ استخدام القوة وسيلة لتسوية المنازعات.
(Букв.: Заявил президент противодействие своей страны принципу использования силы средством для улаживания конфликтов)

Президент заявил, что его страна выступает (будет выступать?, выступит?) против использования силы как средства решения конфликтов.

2. Определенность референтной ситуации на основе интегрированных понятий о синтаксических отношениях между

строевыми единицами сообщения. Об этом свидетельствует тот факт, что в арабском тексте наряду с присутствием дифференцированных средств выражения атрибутивных, причинно-следственных и других типов отношений активно используются синкретические формы, для которых характерно смешение представлений о типе связей на фоне интегрированного инварианта. Это порождает сообщения, понимание которых в условиях недостаточно прозрачного контекста могут вызывать у русского адресата серьезные затруднения в их понимании. Подобные синкретические формы широко используются в арабском дискурсе вне зависимости как от временного среза, так и от функционально-стилистической принадлежности текста.

Примером может служить известная форма сопряженного состояния, или несогласованного определения (идафы). Как известно, эта форма может использоваться для передачи 13-ти различных типов отношений: отношение принадлежности, назначение предмета, отношение обладателя к обладаемому, отношение распоряжающегося или управляющего к управляемому, отношение явления к возбудителю этого явления, отношение качества к предмету, обладающему этим качеством, отношение причины к следствию, отношение следствия к причине, отношение деятеля к результату действия, отношение предмета к веществу, из которого он сделан, спецификация вещества по предмету, сделанному из него, отношение части и целого, отношение имен, обозначающих географическое название, название сочинения, дня недели или месяца, к именам, обозначающим соответствующее понятие. В результате такой многозначности одно и то же выражение может быть интерпретировано в ряде случаев только на основе контекстуального анализа. Например, выражение اعتداء اسرائيل в одном контексте может означать нападки Израиля, а в другом как нападки на Израиль.

Сочетание атрибутивных и причинно-следственных отношений в одной синтаксической конструкции отмечено в арабском синтаксисе не только для идафы, но и для ряда других частотных моделей. При

этом к атрибутивным и причинно-следственным отношениям могут добавляться уступительные, условные и др. Примером таких синтаксических структур может служить «предложение состояния», смысловым инвариантом которого является понятие состояния в самом широком значении этого слова. Используя эту конструкцию, арабский адресант материализует признак состояния референта в данной референтной ситуации по различным параметрам: а) положение референта в пространстве; б) положение референта относительно других объектов ситуации; в) внутреннее состояние референта; г) отношение действия референта к другим его действиям на временной оси и т. п. При этом, поскольку эти различия не получают эксплицитного выражения, русскому адресату часто нелегко понять, какое конкретное отношение выражается в арабском тексте с помощью этой латентной конструкции, а иногда допускаются различные истолкования типа связи между главным предложением и предложением состояния даже в рамках одного контекста.

Приведем несколько примеров.

تلعب البلاد بالنار وهي باشرت الحملة.

(букв.: *Играет эта страна с огнем, и она начала эту кампанию*)

Начав эту кампанию, страна играет с огнем.

Страна, которая начала эту кампанию, играет с огнем.

وما هو الهدف من هذا الضجيج الإعلامي الذي يحاول تغيير الحقيقة التي لا يمكن حجبها وقد شارك فيها مئات الألوف من جنود وشعب العراق؟!

(букв.: *И какова она — та цель этой шумихи информационной, которая пытается сделать иной эту истину, которая не является возможным скрыть ее под покрывалом, и уже участвовали в ней сотни тысяч из солдат и народа Ирака?*)

Какова же цель этой пропагандистской шумихи, с помощью которой пытаются исказить факты, но которые нельзя уже завуалировать, коль скоро участниками войны с Кувейтом оказались сотни тысяч военнослужащих и мирных граждан Ирака?

وكان اينشتين بطيء النمو وهو طفل فلم يعرف كيف يقول بابا أو ماما إلا في الخامسة من عمره.

(букв.: Был Эйнштейн медленно развивающимся, и он ребенок, и не знал как сказать папа и мама, кроме в пятый /год/ своего возраста)

Когда Эйнштейн был ребенком, он очень медленно развивался. Так, «папа» и «мама» он научился говорить только в пять лет.

يؤسفني أنك لا يصدقني وأنا رجل بريء.

(букв.: Огорчает меня, что ты не веришь мне, и я человек невиновный)

Очень жаль, что ты мне не веришь, хотя я невиновен.

وأخرج علبة الكبريت، ولم يكن فيها إلا عود واحد، فأشعله وهو خائف.

(букв.: Он вытащил коробок спичек, и не было в нем кроме одной спички, и зажег ее, и он боящийся)

Он достал спичечный коробок, в котором оказалась только одна спичка. Поэтому он чиркнул спичкой очень осторожно (не дыша).

С подобным же явлением переводчик сталкивается и в том случае, когда интегративные признаковые характеристики передаются в арабском тексте с помощью конструкции شيء كونه... (букв.: нечто, его суть такова, что оно...). Используя этот оборот, арабский адресант, как и при употреблении предложения состояния, только сообщает информацию о признаке при референте, но не уточняет характер семантической связи, существующей между признаком и смыслом всего высказывания. В результате определительная связь, лежащая в основе конструкции, может трансформироваться в причинно-следственную или процессуально-условную. Например:

إن بلادنا كونها مشاركة نشيطة في حركة عدم الإنحياز ستساعد في المستقبل أيضا ومن كل الجوانب على تعزيز اتجاه السياسة.

(букв.: Поистине, наша страна, суть ее активная участница в движении неприсоединения, будет она помогать в будущем также и со всех сторон укреплению этой политики)

Являясь активным участником движения неприсоединения, наша страна и впредь будет всемерно содействовать этому политическому курсу.

ودعا الجماهير الوطنية لانخراط في هذه المعركة كونها ستحدد ليس فقط مصير الجيل بل مصير لبنان.

(букв.: И призвал он массы национальные к участию как бусины на нитку бус этой борьбы, суть ее будет она определять, не только судьбу этой горы, но судьбу Ливана)

Он призвал патриотические массы примкнуть к боевым действиям, так как от них сейчас зависит не только судьба Горного Ливана, но и судьба всей страны.

Латентное выражение синтаксической связи в арабском тексте постоянно подстерегает переводчика еще и из-за широкого употребления **многозначных союзов**: **و** - **ف** - **حيث** и др. Каждый из этих союзов может передавать все распространенные типы отношений — аддитивность, альтернативность, противопоставление и зависимость. Так, арабский союз **ف**, который относится к высокочастотным союзам в арабском дискурсе¹, может обозначать временные, причинно-следственные, противительно-выделительные, иллюстративные и прочие типы связи, реализуя в различных контекстах общую идею «уточнения знания» (وظيفة تعليم), как называется эта идея в арабской литературе². Такая полифункциональность требует от адресата умения самостоятельно сопоставить смыслы синтаксических единиц, соединенных этим союзом. Тогда как от переводчика требуется не только сопоставить смыслы, но и при создании текста перевода конкретизировать синтаксические связи и выразить их с эксплицитной точностью. Например:

ولم يكن ذلك صعبا فيما يتعلق بالاتصال بين السادات والإسرائيليين فله سوابق فلمطلع ١٩٦١ عقد في باريس لقاء سري (مصري - إسرائيلي) هو الأول من حوله منذ تسلم السادات السلطة.

Что касается установления контактов между Садатом и израильтянами, то осуществить их было несложно, поскольку такие прецеденты уже имелись: так, в начале 1971 года в Париже

¹ По данным Б. А. Шитова, с помощью этого союза вводится более 9% самостоятельных предложений. Шитов Б. А. Связь предложений в письменном монолитическом тексте арабского литературного языка (в сопоставлении с русским): Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филолог. наук. С. 15-16.

² مالك المطلبى — إستجابة العربية للتحديات المعاصرة — دراسة في النول والنسيج — «الأعلام» — سنة ١٩٨٥، ص. ٨٠ - ١٠١.

произошла тайная египетско-израильская встреча, первая с момента прихода Садата к власти.

ونقل الرئيس هذا العرض فرفضه آنذاك.

Он передал президенту это предложение, но тот тогда его отклонил.

Примеры недифференцированных синтаксических отношений известны и в русском дискурсе. Так, в русских бессоюзных сложных предложениях смысл отношения также выявляется на основе конкретного содержания сопологаемых предикативных конструкций. Например, реплика *Кончу статью, поеду на дачу* гипотетически в разных речевых ситуациях может означать, что между действиями существуют условные (если), временные (когда) или следственные (если) отношения. Однако такие примеры латентных текстов имеют гораздо меньшую частотность по сравнению с арабским дискурсом и характерны либо для определенной формы речи, либо для определенного функционального стиля, тогда как для арабского дискурса употребление латентных форм синтаксической связи не зависит от формы и стиля речи.

3. Определенное референтной ситуации на основе интегрированных денотативных понятий. Национальные особенности номинации и механизма использования номинативных единиц в речи влияют на характер отражательной деятельности сознания, создавая национальную картину мироздания у носителей конкретного языка. Сетка понятий-слов, которыми располагает араб, отличается от сетки понятий-слов, которыми располагает русский, тем, что большую ее часть составляют понятия-слова, сохраняющие тесную связь с физическим миром через инвариант корня и в силу этого имеющие недостаточную точность выделяемых признаков из-за возможной бесконечности расширения их числа в процессе индивидуально-социального познания чувственного мира. Чувственное начало, с одной стороны, позволяет легко сформировать образ реальной ситуации, но для русского адресата этот образ не имеет привычной для него рациональной конкретности. Проиллюстрируем это на следующем примере.

وقد أثبتت الأحداث أن التنسيق الأمني الإقليمي بين دول الخليج يفوق ما هو يعلن، حتى بالنسبة لتلك الدول التي تتخذ من الهامش الديمقراطي واجهة لها.
(букв.: И уже установили эти события, что координация безопасная региональная между странами залива превосходит то, что оно объявляется, даже по отношению к тем странам, которые приняли из окраины демократической лицевою сторону для себя)

Как очевидно из буквального перевода, выделенная часть арабского текста не может быть переведена без значительного переводческого анализа составляющих его слов-понятий, чтобы понять признаки референтной ситуации. Релевантными признаками в рамках системного целого референтной ситуации можно считать: сильный интенциональный признак *предумышленность действия, совершаемого в пользу субъекта* (VIII порода глагола (اتخذ)); экстенциональные признаки *периферийность, незначительность* (الهامش), *демократия* (الديموقراطي), *лицевая сторона, видимая часть* (واجهة); коннотативный признак *видимость, внешнее впечатление* (контекст статьи). Дальнейшие действия переводчика сводятся к тому, чтобы воссоздать референтную ситуацию, сопоставимую с исходной, и материализовать ее средствами русского языка.

Эти события свидетельствуют о том, что координация действий региональных систем безопасности (спецслужб) в странах Персидского залива выходит за декларированные рамки, причем даже в тех государствах, которые заявляют, что у них якобы есть демократия (которые афишировали свой переход к демократии).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в результате действия доминанты высокой семантической интеграции образ референтной ситуации формируется в сознании арабского адресанта, а затем материализуется им в языковых знаках с иными требованиями полноты, латентности и точности по сравнению с теми требованиями полноты, латентности и точности, которые действуют в русском дискурсе и которые усваиваются русским переводчиком в его предшествующем опыте речемыслительной деятельности в русскоязычном коллективе. Это обстоятельство повышает степень сложности эвристических процедур, которые вынужден совершать переводчик.

ЛЕКЦИЯ 9

ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦЕЛОСТНОГО ОБРАЗА СИТУАЦИИ В АРАБСКОМ ТЕКСТЕ (2)

Типы высказываний: тематические, целевые, ситуативные. Клишированные формы в арабском и русском текстах. Норма и узус. Признаки синтаксическо-морфологического характера в арабском и русском текстах.

Как известно, переводчик черпает информацию не только из текста, но получает ее и по нетекстовым каналам. В теории перевода информацию, идущую по нетекстовым каналам, принято называть **фоновой информацией**. Наиболее эксплицитными каналами для передачи фоновой информации являются: **речевая ситуация** (ситуация переводческого акта общения разноязычных монолингвов), когда при их прямом контакте фоновая информация может передаваться с помощью **кинестических** (взгляды, мимика, жесты) и **визуальных** средств; и **реальная, или предметная, ситуация** (реальная ситуация, описанная или упомянутая в тексте). При речевом общении коммуникантов информация распределяется по различным — текстовому и нетекстовым каналам, при этом одним из определяющих факторов является умение адресанта в рамках конкретной речевой ситуации распределить информацию по текстовым и нетекстовым каналам с учетом принимающей способности адресата, его умения соотнести семантику текста со всей суммой фоновой информации.

Между характером реальной ситуации и ее описанием в тексте существует определенная зависимость.

Если реальная ситуация постоянно повторяется в общении людей, она приобретает стандартный характер и со временем при вербальном общении за ней закрепляется стандартная форма высказывания. Вы-

сказывания такого рода часто встречаются в регламентированных официальной жизни ситуациях, таких как вручение верительных грамот, открытие сессий и конгрессов, поздравления, выражение соболезнования и т. п. Такие высказывания выполняют роль идентификации определенной темы, поэтому их собственная семантическая информационная ценность стремится к нулю. **Тематические высказывания** в различных языках при идентичности реальных ситуаций имеют национально маркированные способы выражения, и перевод таких высказываний сводится к замене стандартных форм, т. е. к передаче не семантической, а ситуационной, фоновой информации. Так, арабское высказывание *السلام عليكم!* равно русскому *Здравствуйте!*, а не *Мир тебе!*, арабское *البقية باقية* — русскому *Примите мои соболезнования!*, а не *Остаток остающийся!* и т. п.

Другой тип высказываний, который преимущественно встречается в диалогической речи, используется при обозначении достаточно часто встречающихся ситуаций и в условиях, когда речевая ситуация является достаточно открытым каналом фоновой информации. Так, войдя в комнату с работающим телевизором, человек может ограничиться коротким вопросом *Сколько?* и получить в ответ *Три : два*. Такая форма речевой коммуникации свидетельствует о том, что «смысловая скважина» в вопросах и ответах не помешала первому коммуниканту удовлетворить свою цель — узнать счет матча, так как вся остальная информация прошла по нетекстовым каналам информации и была правильно воспринята коммуникантом. Высказывания подобного рода называются **целевыми высказываниями**. Семантическая информация целевых высказываний совпадает с целью коммуникации, а соотношение семантической и фоновой информации может быть выражена отношением 1 : 1.

Перевод целевых высказываний должен осуществляться таким образом, чтобы обеспечить сопряжение смысла, заложенного в текст адресантом, с тем смыслом, который возникнет у иноязычного адресата после получения им текста перевода. Выполнение

этой задачи может потребовать изменения соотношения семантической и фоновой информации в тексте перевода по сравнению с тем соотношением этих двух видов информации, которое было в тексте оригинала.

Наконец, существует третий тип высказывания, в котором описана нестандартная ситуация, а речевая ситуация, в которой происходит акт общения, не позволяет широко использовать нетекстовые каналы информации. В высказываниях такого типа семантическая информация имеет настолько большее значение по сравнению с ситуационной, фоновой, что их соотношение может быть представлено как 1 : 0 (к нулю стремится фоновая информация). Такие высказывания называются **информативными высказываниями**. К информативным высказываниям относится большинство высказываний текстов газетно-журнальной публицистики, авторской речи в художественной литературе и т. п. Перевод информативного высказывания почти целиком сводится к переводу семантической информации последнего. В случае устного вида перевода (например, при переводе ораторского выступления) могут быть использованы как дополнительные кинетический и визуальный каналы, а также канал реальной информации. Возможность использования канала реальной информации сохраняется и при письменном переводе информативных высказываний, если реальная ситуация, описываемая или упоминаемая в тексте, имеет особую лингвокультурную значимость. Например, если в высказывании упоминается блокада Ленинграда, то для русскоязычного адресата понятно, что речь идет о трагических событиях Великой Отечественной войны, тогда как для арабского адресата эта информация останется закрытой, если переводчик не передаст ее по текстовому каналу. Другой пример. В арабском информативном высказывании *وجعل يهز رأسه صامتا كأنه لا يدري ما يقول* описывается реальная ситуация, в которой человек не отвечает на вопрос и ограничивается многозначным жестом (*جعل يهز رأسه* *начал трясти головой*), при этом многозначность жеста устраняется по текстовому каналу (в предложении состояния характеризуются чувства этого человека). В русском же переводе использован другой жест (*он молча*

пожал плечами), однозначно выражающий недоумение. Таким образом, и в этом случае произошла замена каналов информации.

Рассмотрим в свете выделенных типов высказываний вопросы, связанные с такими явлениями референции как **клише**, **норма** и **узус**.

Клише (стереотип) — готовая к употреблению языковая или речевая форма (слово, словосочетание, готовая фраза). Это наиболее привычная и экономная форма выражения тематико-ситуативной специфики деловой (*предъявленному верить*) и разговорной (*два до конца* — о билетах на транспорте) речи. Как любое тематическое высказывание клишированное выражение переводится готовой формой языка перевода, например: *سري جدا جدا* *Совершенно секретно* (гриф на документе); *الحمد لله على السلامة* *С приездом!*; *ما باليد حيلة! كما تصرف* *Делай как знаешь!*; *هذا بديهي! Другого выхода нет.*; *ما باليد حيلة! Что же поделаешь. Другого выхода нет.*; *هذا بديهي! Само собой разумеется!* и т. п.

Сопоставительное знание клишированных форм входит в обязательную программу подготовки переводчика. В это знание входят: **национальные особенности состава клишированных выражений и словосочетаний (синтаксического и семантического) и их употребления.**

1. Особенности состава арабских клишированных выражений и словосочетаний. В числе этих особенностей можно выделить особенности синтаксического характера и особенности семантического характера.

К синтаксическим особенностям арабских клишированных выражений и словосочетаний относятся:

а) «избыточная» полнота синтаксических признаков, например: *وإذا أردنا ترجمة هذا فإنه يعني أن...?* *Можно ли это понимать так, что ...?* или *Другими словами ...?* (букв.: *И если захотели мы перевести это, то поистине это означает, что...*);

б) широкое употребление винительного падежа (*نصب*), например: *لا بد من كلمة! سماعا* *Неприменно!*; *لا بد من كلمة! سماعا* *Нужно поговорить!*;

в) употребление слова с предлогом или словосочетания с предлогом перед первым словом, например: *على مبدأ الأمر* в принципе; *على منطلق مبدئي* по принципиальным соображениям; *من الآن فصاعداً* отныне и навсегда;

г) повтор слова, например: *نص و نص* так себе; *لا يزورنا إلا كل حين* У нас он бывал лишь изредка.

К семантическим особенностям арабских клише относятся:

а) широкое употребление речений с именем Аллаха, например: *والعلم عند ربك!؟* Кто знает!?!; *أوصى، обойдется!*; *نعمه من الله!؟* Да как знать!; *والعلم عند علام الغيوب!؟* Желаю Вам всего наилучшего!;

б) использование синонимических пар, например: *إن صداقة* Детская дружба растаяла как дым; *كلنا أهل* с глубокой скорбью; *الطفولة ذابت وتبخرت.* На нас можно положиться!; *شرف و ذمة* с глубокой скорбью;

в) использование антонимических пар, например: *لا زيادة و لا* только и всего, ни больше, ни меньше; *لا يفرق بين الجد و* الدعابة не понимать шуток;

г) использование однокорневых слов, например: *كيف تقولون هذا* Как Вы можете так говорить!; *بقدره قادر* как по волшебству; *لذة لا تعادلها لذة* Я нахожу в этом ни с чем не сравнимое удовольствие;

д) редкое, по сравнению с русским текстом, употребление клише-цитат. Исключение составляют коранические речения. В текстах художественной литературы встречаются цитаты из литературных произведений, но в отличие от приемов такого цитирования в русских текстах, они, как правило, сопровождаются пояснениями;

е) заимствованные клише, например: *وفر الوقت* выиграть время; *حرب الأشقاء* братоубийственная война.

2. Особенности употребления клише в арабском тексте. В числе особенностей употребления клише в арабском тексте, которые вызывают сложности при переводе, могут быть упомянуты следующие:

а) большая валентность арабских клишированных форм по сравнению с русскими, например, словосочетание *طولا وعرضا* (букв.: длиной и шириной) в определенных случаях соответствует таким русским клише, как *вдоль и поперек, там и сям, от края до края*, но в выражении *جلس الأب بطوله و عرضه للكرسي* его следует перевести как *Отец тяжело опустился на стул*;

б) тематическая полифункциональность многих клишированных форм, например, выражение *كفى الله الشر!* может употребляться как тематическое высказывание для описаний ситуаций: а) решительного отказа (*Ни в коем случае!*), б) утешения (*Все позади! Пройдет!*) и в) пожелания успеха (*Держись! Все будет хорошо!*);

в) стилистическая полифункциональность арабских клише, например, клише *سمعا وطاعة* используется при официальном общении военнослужащих (*Слушаюсь!, Есть!*), при стилистически нейтральном общении (*Обязательно!, Непременно!*) и в речевых ситуациях шутливого общения (*Слушаюсь, Ваше превосходительство!*);

г) отсутствие коннотации у арабского клишированного выражения, например, клишированное употребление двух синонимов может употребляться для ситуаций, маркированных как положительно (*القرار ذو حق وعدل* Это абсолютно справедливое решение), так и отрицательно (*القتل لك حق وعدل!* Убить тебя мало!);

д) существование нескольких клишированных выражений для одной ситуации;

е) отсутствие арабских клише (языковых или речевых) при описании ситуации, которое в русском переводе содержит клишированную форму, например: *وإن مستقبل النظام مرهون باحترامه* Будущее этого строя целиком и полностью зависит от того, будет ли при нем уважаться принцип многопартийности.

Как видно из приведенных выше примеров, при переводе арабских клишированных форм могут использоваться: 1) русские

клишированные формы, находящиеся с арабскими в отношениях постоянного соответствия (пример 1е); 2) русские клишированные формы, находящиеся с арабскими в отношениях вариантных соответствий (2б); 3) неклишированное словосочетание (2г), что квалифицируется в теории перевода как лексическая замена.

Выбор соответствия для клишированных форм ИЯ происходит под значительным влиянием нормы и узуса, которые существуют в ЯП. В нашем случае это положение оказывается наиболее важным при переводе типов арабских клише, отмеченных в пунктах 2 в, 2 г и 2 е. Как известно, языковой нормой является «совокупность устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации»¹. Нарушение нормы порождает неправильную, неграмотную речь. Узусом является общепринятое употребление языковой единицы в отличие от окказионального (индивидуального или временного) употребления языковой единицы. Нарушение узуса порождает неестественную, неидиоматичную речь. Например, хотя высказывание *Ответь на телефонный звонок* не нарушает нормы, более узуальными формами являются тематические высказывания *Возьми трубку или телефон!* Поэтому информативное высказывание, в котором использовано клише, *هذا التاريخ عزيز على قلوب الجماهير* (букв.: *Это дата дорога для сердец народных масс*) может быть переведена как *Эта дата дорога всему нашему народу* или *Память об этой дате живет в наших сердцах*. В первом случае переводчик отказывается от использования русского клише, во втором использует иное клише, которое уместно в данной ситуации по аналогии и не нарушает ни нормы, ни узуса русского языка.

В завершении остановимся еще на одной особенности описания целостного образа ситуации в арабском тексте, а именно на «избыточном» выделении признаков синтаксическо-морфологического характера. В качестве примера рассмотрим следующие высказывания:

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 337.

1)

فرأت في ملامحي الرغبة في تفسير ما تعني فقالت:...

(букв.: *И увидела она в моих чертах желание уточнения того, что она имеет в виду, и сказала:...*)

Отвечая на мой немой вопрос, она пояснила:...

2)

استلقى على جانبه الأيسر ثم ضم يديه وأسند عليهما رأسه إنه ينظر الى الغرفة من زاوية جديدة.

(букв.: *Растянулся он на своем левом боку, затем соединил две свои руки и установил на них свою голову. Поистине, он взгляды-вает на комнату из нового угла*)

Он растянулся на левом боку и, подложив под голову руки, стал разглядывать комнату из этой новой позиции.

3)

الوثيقة مكتوبة بخط اليد بشكل تصعب معها قراءتها

(букв.: *Этот документ написан линией руки с формой, с которой трудно читать его*)

Этот документ написан неразборчиво.

Анализ приведенных примеров обнаруживает, что, во-первых, во всех арабских высказываниях число предикативных групп больше числа предикативных групп в русских переводах, соответственно: 1) 3 полные предикативные группы в арабском высказывании против 1 полной и 1 структурно неполной (*отвечая на мой немой вопрос*) в русском переводе; 2) 4 против 2 полных и одной структурно неполной (*подложив руки под голову*); 3) 2 против 1.

Подобной явление в арабском дискурсе наблюдается постоянно, вне зависимости от реальной ситуации (конкретная она или абстрактная) и от цели повествования (предложения могут быть повествовательными, вопросительными или побудительными). То, что в арабском тексте вынесено в препозицию, в русском переводе отнесено в пресуппозицию: *молчаливый вопрос* означает, что информация о существовании вопроса передана по кинетическому каналу; *написан* значит не напечатан, а написан от руки; *неразборчиво* означает, что читать такой документ трудно.

Устойчивое стремление арабского адресанта к упорядоченному и упрощенному моделированию референтной ситуации и полноте вербализации признаков в тексте подтверждается и тем фактом, что в арабском дискурсе назывные предложения — редкость, правилом же является «восстановление» при переводе гипотетического субъекта действия, например: *تمطر السماء* (букв.: *Дождит небо*) *Дождь*; *ألمني ذلك* (букв.: *Причинило боль мне это*) *Жаль!*; *لا يدري المرء هل يكذب الوقائع أم يصدقها* (букв.: *Не знает этот мужчина, считает ли он лживыми эти факты или считает правдивыми он их*) *Неизвестно, соответствуют эти факты истине или нет или Неизвестно, можно ли верить или нет этим фактам.*

Во-вторых, во всех арабских высказываниях присутствуют хорошо известные из нормативного курса «избыточные» признаки принадлежности, выраженные слитными местоимениями.

Чем вызвана подобная избыточность синтаксическо-морфологических признаков в арабском описании ситуации? Вероятно, ответ на этот вопрос следует искать на различных уровнях, а не только на грамматическом уровне организации высказывания. Его следует искать и в расплывчатой семантике арабских номинативных единиц, которая компенсируется четкостью синтаксиса (множественность мини-ситуаций), и в неогласованной системе письма, которая требует четкости грамматического контекста. Как известно, в арабской лингвистической традиции существовало правило соблюдения двух контекстов — смыслового (السياق المعنوي) и грамматического (السياق اللفظي). И наконец, не исключено влияние литературной традиции. Однако, окончательного ответа на вопрос пока не существует. Синтаксическо-морфологическая избыточность арабской референции остается так называемым «фактом языка», с которым должен считаться переводчик, если он не хочет постоянно нарушать норму и узус русского языка, перенося эти признаки в текст перевода.

ЛЕКЦИЯ 10

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА (1)

Текст как система. Содержание и смысл. Категориальные особенности арабского текста.

В предыдущих лекциях были рассмотрены особенности обозначения отдельных денотатов / референтов и отдельных референтных ситуаций в арабском тексте, т. е. особенности элементов (подсистем) системы текста, которая, в свою очередь, является элементом (подсистемой) в суперсистеме акта речевой коммуникации. В настоящей и в нескольких последующих лекциях мы будем рассматривать те новые проблемы, которые возникают при переводе текста, состоящего из нескольких взаимосвязанных высказываний, объединенных одной темой.

Прежде всего рассмотрим, из каких элементов состоит текст как система. Текст как система состоит из разносущностных элементов: 1) материальных — звуки — буквы; слова — словосочетания; высказывания — предложения; абзацы; интонация — синтаксис; текст — заголовок и 2) идеальных, содержательных — значения языковых и речевых знаков и их последовательности. Каждый из этих элементов, в свою очередь, представляет систему, которая входит в систему текста как подсистема. Каждая из подсистем состоит из своих элементов, в результате чего текст-система является сложной многомерной системой. Любой элемент в системе текста и любой элемент из подсистемы выполняет в тексте свою функцию, обладая определенными свойствами и в силу этого расположенностью к определенным связям.

Материальные элементы образуют поверхностную структуру текста и приобретают в системе текста определенную коммуникативную значимость.

В ряде случаев материальные элементы текста отражают принцип отбора языковых и речевых знаков в соответствии с определенными индивидуальными предпочтениями и/или стилистическими нормами. Например, вплоть до конца XIX века в текстах на арабском литературном языке широко употреблялся стиль рифмованной прозы (سجع), что, по мнению авторов, создавало дополнительный эстетический эффект, в жертву которому могла быть принесена даже ясность изложения мысли. Влияние саджа ощущается нередко и в современной арабской публицистике. Или, например, иногда дополнительный коммуникативный эффект в арабском тексте создает намеренное использование определенной словообразовательной модели в виде некоего «сквозного действия», которое проходит по всему тексту, даже если для этого автору приходится употреблять не отмеченные в словарях новообразования. Однако эти случаи довольно редки, хотя для переводчика передача особенностей ритмо-рифмической организации иностранного текста создает большие трудности, приближая перевод таких текстов к переводу поэтических текстов.

Гораздо важнее обратить внимание на те особенности функций материальных элементов текста, которые константно влияют на переводческие поступки и решения на этапе одной или обеих фаз процесса перевода.

Во-первых, в поверхностной структуре текста отражаются грамматические правила организации материальных элементов, соответствующие данному языковому коду. Знание этих правил входит в языковую компетенцию переводчика и позволяет ему в первой фазе своей деятельности определить элемент-слово в арабском неогласованном тексте, узнав в его консонантной форме (كلمة) полнозвучное слово (لفظة). В исключительных случаях грамматические правила организации текста могут представлять интерес для переводчика и во второй фазе его деятельности в процессе перевода. Например, если нарушение грамматических правил в тексте оригинала является чертой, характеризующей говорящего (например, речь Джингла в романе Ч. Диккенса «Записки Пиквикского

клуба» или ошибки в английской речи бельгийца Эржюля Пуаро в романах Агаты Кристи), то в тексте перевода эти персонажи тоже должны говорить с ошибками, с нарушением нормы и узуса ЯП.

Во-вторых, в поверхностной структуре текста речемыслительные действия адресанта отражаются в виде синтагм, отдельных высказываний, сверхфразовых единств, проецируя ход его мысли на материальную языковую форму текста. Эта сторона поверхностной структуры текста имеет постоянную коммуникативную значимость, обнаруживая целенаправленность речевых поступков автора текста, реализуя его целеустановку. Естественно, что для переводчика эта информация имеет значение в обеих фазах его профессиональной деятельности. Она позволяет ему воспринимать текст оригинала в его целостности, которая должна сохраняться при конструировании текста перевода.

Идеальные элементы текста — это значения материальных элементов и содержание, которое интегрируется из значений знаков, порядка их следования и взаимосвязи. Идеальные элементы не даны в прямом наблюдении и конструируются в сознании носителей языка, будучи закрепленными за знаками неявным и нежестким образом. В тексте знак теряет свою самостоятельность, становясь элементом целого. В рамках этого целого — системы текста — актуализируется некая часть его виртуального значения и выполняется определенная функция. В процессе синтеза значений употребленных в тексте знаков адресантом создается некое семантически напряженное пространство — идеально-материальный образ текста, его содержание. В создании образа текста участвуют не только актуализированные значения знаков в их взаимозависимости, но и определенный порядок расположения элементов текста, линейный характер представления идеальных сущностей в материи языка. Простая перестановка элементов может существеннейшим образом изменить содержание (ср. *кровь с молоком* и *молоко с кровью*). Конструируя содержание, адресант располагает в определенной последовательности материальные элементы текста, представляющие смысловые единства, в кото-

рых каждый более крупный уровень смыслообразования включает в себя совокупность элементов менее крупного уровня. Порядок расположения элементов регулируется взаимодействием грамматических и лексико-семантических правил, существующих в данном языке и входящих в силу этого в языковую коммуникативную компетенцию носителей этого языка, тем самым адресант получает возможность правильно реконструировать содержание текста.

Содержание текста должно быть *воспринято и понято* адресатом, что является одним из непереносимых условий успешного акта речевой коммуникации.

Восприятие содержания текста есть сложный процесс раскрытия опосредованных материальными элементами текста и порядком их следования связей и отношений между содержательными единицами разного уровня. Процесс восприятия линейен, воспринятый содержательный блок синтезируется в более крупный блок, образ актуализированных значений слов вырастает в образ актуализированных значений словосочетаний, образ словосочетания — в образ синтагмы, образ синтагм — в образ предикативной конструкции, образ предикативной конструкции — в образ сообщения, и в конечном итоге конструируется образ текста. Если процесс восприятия шел без нарушения правильного алгоритма, то восприятие завершается **пониманием содержания текста**.

Однако, понять содержание текста еще не значит обеспечить правильное представление о функции текста в акте речевой коммуникации, который является суперсистемой для системы текста и в которую текст включается как один из элементов этой суперсистемы. Помимо текста, в эту суперсистему входит подсистема речевой ситуации с такими ее элементами, как оценка адресатом реального или предполагаемого адресата (его языковой и когнитивной компетенции, его социального статуса и т. д.), своих взаимоотношений с ним, условий, в которых происходит акт речевой коммуникации (временные рамки, характер контакта и пр.). Характер речевой ситуации может привести к тому, что содержание текста не будет полностью и однозначно реализовывать целеустановку адресанта, пропозиция не

будет совпадать с presupposition. Например, фраза *Я приеду завтра* может при разных условиях акта речевой коммуникации являться: сообщением о факте, обещанием совершить это действие или угрозой совершить определенные поступки после приезда. Для правильной интерпретации цели адресанта адресату необходимо знать нормы речевого поведения, действующие в данном социокультурном обществе, индивидуальные склонности адресанта в оформлении своих мыслей и чувств, а также учесть речевую ситуацию, которая может обусловить необходимость употребления адресантом завуалированной формы своих речевых намерений и т. д. Только в этом случае он сможет понять не только *что* и *как* сказано, но и *для чего* сказано, и тем самым приблизиться к смыслу сказанного. **Смысл** есть сверхсуммарная сущность, в которой интегрировано содержание текста и условия осуществления речевого акта коммуникации. Этап понимания содержания текста должен завершаться этапом осмысления понятого в условиях определенной речевой ситуации.

Итак, этап понимания содержания текста требует тождественности структур сознания коммуникантов, тождественности их интеллектов и их языковой коммуникативной компетенции. Формы сознания адресанта, определяющие создание материального объекта (речевого произведения, текста), должны быть тождественны формам сознания адресата, интерпретирующего этот объект. Знаковое воздействие адресанта на адресата происходит правильно только в том случае, если адресат тождественно: 1) воспринимает словоформу (тело знака); 2) идентифицирует ее значение в системе номинации (образ знака); 3) осознает ее актуализированное значение в системе текста (обозначение, референция) и 4) осуществляет осмысление новой информации, которая возникает как результат взаимодействия значений знаков (слов, словосочетаний, синтагм, выражений) в системе текста.

Если проследить интерпретационные процессы на примере понимания арабского письменного текста, можно сделать достаточно очевидный вывод о том, что формы сознания арабского адре-

сата должны значительно отличаться от форм сознания русского адресата на всех отмеченных выше четырех этапах.

Уже на этапе трансляции знакового тела отдельных элементов текста обнаруживается необходимость совершать операции с крупными блоками понятий, так как неогласованный арабский текст изобилует омографами и правильно «озвучить» арабский текст возможно только после того, как он будет понят на уровне грамматико-семантической реализации. Операции такого рода возможны только при условии, что адресат привычно оперирует в своем сознании высоко интегрированными понятиями и: араба и словообразовательных значений. Этим объясняется тот факт, что начинающий переводчик вынужден часто заменять операции действиями, пока у него не выработается автоматизм грамматико-семантической работы с неогласованным текстом.

Идентификация отдельных элементов текста при помощи образа знакового тела, хранящегося в памяти адресата и служащего в качестве эталона восприятия, происходит также под сильным влиянием установок на высокую семантическую интеграцию, так как в вокабуляре АЛЯ значительный пласт лексики составляют слова «широкой семантики», значение которых интегрировалось из крупных признаков экстенционального и интенционального характера. И на этом этапе начинающего переводчика подстерегают значительные трудности, пока в его сознании не сформируется адекватного представления об образе знакового тела арабского слова.

Дальнейшие операции — актуализация значений и осмысление новой информации — происходит в области совместного влияния психосемантических установок на интеграцию и на чувственное восприятие. Работа сознания на этапе актуализации значения знаков арабского текста напоминает детское мышление с его ориентацией на чувственно осязаемые объекты действительности, с образной созерцательностью этого мышления, но без достаточности дифференциации и уточняющей рациональной оценки, с точки зрения мышления взрослого человека. Так, в следующем примере:

وفي الليلة التالية إلتقينا مرة أخرى ومصادفة في المسرح
«البولشوى» ووجدته أثناء العرض على مقعد قريب من مقعدي
وتقابلنا بالاستراحة ما بين الفصلين

(букв.: И в эту ночь (вечер) встретились мы в другой раз и случайно в театре Большом, и нашел я его во время этого показа на месте, близком от моего места, и встретились мы в паузе, той, что между двумя частями) только лексема *المسرح театр* позволяет уточнить остальные обозначения (الليلة вечер, а не ночь; *الاستراحة антракт*, а не отдых, пауза, перемена; *العرض спектакль*, а не предложение (эк.); *العرض товар*; *العرض демонстрация, показ*; *العرض представление, ревью*; *الفصل изложение*; *الفصل акт*, а не отдел, раздел, глава; *الوقت время года, сезон*; *الوقت класс*; *الوقت классная комната*; *الوقت сцена*) и предложить перевод, в котором реальная ситуация отражена с иными установками на полноту, латентность и точность как референтной ситуации, так и ее знаковой реализации: *В следующий раз мы столкнулись с ним в Большом театре, где на спектакле наши места оказались поблизости, и позже, в антракте, мы смогли поговорить.* Переводчику необходимо находить в арабском тексте такие лексемы, с помощью которых в его сознании референтная ситуация приобретет достаточную конкретность, и уже на основе появившейся в сознании «картинки» постараться описать референтную ситуацию в соответствии с требованиями нормы и/или узуса ЯП.

На этапе понимания смысла работа сознания адресата, который должен соотнести содержание текста с неречевой целью адресанта, целиком перемещается в область чувственного сознания — содержание текста *узнается*, смысл *переживается*. Успех или неуспех этого этапа речемыслительной деятельности зависит от любого из элементов суперсистемы акта речевой коммуникации: адресата, адресанта, текста, речевой ситуации, предмета речи.

Однако в любом случае текст является основным (а иногда и единственным) каналом информации, извлекая которую адресат может начать реконструировать в своем сознании мысли адресанта. Поэтому для переводчика необходимо уметь извлекать всю коммуникативно значимую информацию, которую несут в данном тексте его материальные и имплицитные элементы, так как без

этого фундамента его дальнейшая деятельность не гарантирована от серьезных ошибок.

В связи с этим необходимо рассмотреть еще один вопрос, понимание которого (сознательное или интуитивное) обязательно для переводчика связного текста. Это вопрос о некоторых функциональных качествах текста, которые имеют национальную специфику в текстах на двух контактирующих языках.

Функциональные качества (категории) текста — одно из внешних проявлений системности текста, наряду с единой тематической организацией текста и взаимосвязями лексико-семантических единиц текста. Высшим качеством текста является его коммуникативность, благодаря которой текст обеспечивает сопряженную речемыслительную деятельность адресанта и адресата в условиях определенной речевой ситуации. Частными качествами текста являются такие качества, как связность и целостность, информативность — неинформативность, слитность — дискретность, ретроспекция — проспекция, ритм, художественность — нехудожественность, образность — необразность, обобщенность — конкретность и т. п., а также такие системно-языковые качества, как предикативность — номинативность, модальность, посессивность, каузативность, темпоральность, признаковость, определенность — неопределенность и т. п.

Практика перевода показывает, что большинство качеств текста оригинала уже воспроизводится в том случае, если переводчик корректно интерпретирует и адекватно кодирует элементы системы текста, поскольку многие составляющие текстовой семантики относятся к понятиям межъязыковых универсалий. Однако некоторые частные качества арабского текста имеют настолько ярко выраженный национальный характер, что требуют к себе особого внимания со стороны переводчика. Такой национальной специфичностью обладают, по меньшей мере, такие качества, как связность и цельность, темпоральность, признаковость и образность.

Адекватный перевод текста не может быть осуществлен без адекватности системных качеств исходного текста. Поэтому национально маркированные системные качества арабского текста будут рассмотрены в последующих лекциях.

ЛЕКЦИЯ 11

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА (2): СВЯЗНОСТЬ И ЦЕЛЬНОСТЬ ТЕКСТА

Средства оформления связности и цельности в арабском тексте: способы кореферентности, особенности союзного соединения, «мозаичный синтаксис». Понятие грамматики широкого контекста.

Связность и цельность — главные свойства текста, которые отличают текст от простого набора высказываний. Они достигаются единым назначением текста, тематической и функционально-стилистической однородностью, взаимосвязью компонентов текста, системно-коммуникативной обусловленностью его номинативных единиц. По этим характеристикам арабский текст не отличается от русского текста. Национальная специфичность проявляется в языковых средствах, с помощью которых в арабском тексте обеспечивается тематическая однородность и взаимосвязь компонентов текста.

Тематическая однородность текста. В любом языке тематическая связность двух языковых синтаксических структур достигается упоминанием в каждой из них одного и того же внеязыкового объекта или ситуации, т. е. имеют один и тот же референт. Такое явление называется **кореферентностью**. Отношения кореферентности могут устанавливаться между различными языковыми и речевыми единицами номинативного характера (*Письмо Татьяны предо мною, его я свято берегу; Она вышила воротник мужской сорочки. Работа была срочная*). Кореферентность может устанавливаться и с подразумеваемым референтом, например: *Был ограблен банк. Грабителям удалось скрыться*.

В тексте отношения кореферентности устанавливаются таким образом, чтобы обеспечить связность высказываний в рам-

ках одного абзаца и связность абзацев в рамках всего текста. Национальная специфичность этого универсального свойства текста обнаруживается в предпочтениях, которые оказываются тем или иным способом выражения кореферентности в конкретном языке.

Приемы установления кореферентности в арабском тексте, которые требуют особого внимания со стороны переводчика ввиду их национального отличия (речевого или языкового), включают: 1) предпочтительное простое повторение слова, 2) употребление определенного артикля и 3) использование морфолого-синтаксических признаков.

1. Предпочтительное простое повторение слова. В арабском тексте кореферентность очень часто устанавливается благодаря простому повторению того номинанта, который был избран для обозначения объекта действительности при первом появлении этого обозначения в тексте. Для русского адресата подобная форма кореферентности воспринимается как стилистическая необработанность текста, так как он привык, что в русском тексте предпочтение отдается приему изменения первичного номинанта (Пушкин, автор «Евгения Онегина», Александр Сергеевич и т. п.). Чтобы сохранить при переводе русскую стилистическую норму, переводчику приходится прибегать к различным переводческим трансформациям, простейшими из которых является замена или объединение высказываний. Например, повторяющийся кореферентный глагол *قال* *говорить, сказать* в рамках текста может получить в качестве русского соответствия глаголы *сказал, произнес, повторил, добавил, прошептал* и т. п.

2. Использование определенного артикля. Использование категории определенности для выражения кореферентности существует как в арабском, так и в русском языках. Однако то, что русский язык принадлежит к безартиклевым языкам, а арабский — к артиклевым, приводит к тому, что начинающий переводчик не сразу привыкает определять функцию артиклей в араб-

ском тексте и не сразу приобретает автоматизм адекватной перекодировки категории определенности — неопределенности при переводе текста. Это проявляется и в том случае, когда определенный артикль используется в арабском тексте как средство кореферентности.

Для арабского текста привычным правилом установления кореферентности является употребление неопределенного артикля при первом упоминании референта и определенного артикля при повторном появлении этого номинанта в тексте. Например: *صدر بيان ... و قال ... البيان* В русском тексте эту функцию может выполнять указательное местоимение (*Было опубликовано коммюнике ... В этом коммюнике говорится*), соответствующее личное местоимение (*Было опубликовано коммюнике... В нем говорится ...*) или порядок слов (*Было опубликовано коммюнике... Коммюнике касается ...*).

3. Использование морфолого-синтаксических признаков. В лекции 9 уже упоминались понятия грамматического (*السياق اللفظي*) и смыслового контекста (*السياق المعنوي*), которые встречаются в трудах средневековых арабских лингвистов. В трудах современных арабских лингвистов термином *السياق* обозначается понятие *контекст* в широком смысле этого слова. Что же касается точности организации высказывания, то используются термины *القرائن اللفظية* (букв.: *словесные признаки*) — уточнение смысла через грамматические формы слов, составляющих высказывание, и *القرائن المعنوية* (букв.: *смысловые признаки*) — уточнение смысла высказывания через отсылку к сущностным характеристикам внеязыковых денотатов, обозначенных словами, составляющими высказывание. Так, в предложении *خرق الثوب المسمار* *Эту одежду порвал гвоздь* нарушенный порядок глагольного предложения (P — O — S вместо P — S — O), отсутствие в неогласованном тексте эксплицитного выражения падежных флексий, определенное состоя-

¹ تمام حسان - القرائن النحوية... - اللسان العربي، الرباط، ١٩٦٤، ص. ٤١.

ние обоих имен не позволяют правильно определить синтаксические функции словоформ *الثوب* и *المسما* на формальном уровне *القرائن اللفظية* (грамматического контекста). Они могут быть определены только через анализ реальной ситуации, в которой только гвоздь, а не одежда может осуществить действие — *сделать дыру, отверстие*. Как утверждает известный египетский лингвист Таммам Хассан, арабская грамматика требует обязательного присутствия в правильном высказывании признаков обоих видов, причем смысловые признаки, как бы они ни были значимы, не могут играть самостоятельную роль.

Другими словами, арабская грамматика закрепляет приоритет грамматики. Строя фразу, арабский адресант не допускает, например, чтобы и субъект и объект были выражены именами одного грамматического рода, если один из них имеет при себе определительное придаточное предложение, следующее не непосредственно за определяемым словом. Этот принцип, сохраняющийся и для других членов предложения при построении текста, требует от переводчика постоянного внимания к морфологическим признакам, так как в некоторых случаях только они сохраняют кореферентность текста.

Взаимосвязь компонентов текста. Связь между отдельными высказываниями текста может отличаться: а) по степени ее эксплицитности или имплицитности и б) по степени семантической четкости типа связи. В обоих случаях мы находим существенные различия между арабским и русским текстами.

1. В арабском тексте присутствие эксплицитно выраженной союзной связи отмечено исключительным постоянством. Союзная связь употребляется не только между предложениями внутри абзаца, но и между абзацами. Так, в информационном и публицистическом тексте каждый абзац, начиная со второго, обычно имеет препозиционный союз. «Перенасыщенность» арабского текста союзами отмечают многие исследователи. Например, по данным Б. А. Шитова, насыщенность союзами письменных монологиче-

ских текстов арабского языка в несколько раз выше, чем насыщенность союзами аналогичных русских текстов¹. Неслучайно, некоторые арабские лингвисты называют свой язык «языком союзного соединения».

Формальное сохранение избыточной союзной связи при переводе арабского текста нарушает современную синтаксическую норму русского языка, придавая русскому тексту стилистику перевода «Тысячи и одной ночи» (*И наступило утро, и прекратила Шехерезада дозволенные речи*).

2. Но, с другой стороны, использование союзов в арабском тексте, как уже отмечалось в предыдущей лекции, зачастую только фиксирует наличие связи, но не конкретизирует ее семантику с той степенью конкретизации, которая является достаточной или привычной для русского адресата. Тем самым создается то, что можно назвать «мозаичным синтаксисом», когда отдельные части текста просто сопологаются, но для понимания логики их соположения от переводчика требуются дополнительные аналитические усилия. Проиллюстрируем это на следующих примерах:

1)

سؤال: الى أي حد غيرته المائة يوم التي أصبح فيها رئيساً؟
جواب: بكل الأمان أستطيع أن أؤكد أن شخصيته لم تتغير وهو قائد قوات جوية عما هو نائب رئيس عما أصبح رئيساً.

(букв.: Вопрос: До какой границы переменили его сто дней, которые стал он в них президентом?)

Ответ: Со всей честностью могу /я/ сказать, чтобы утверждаю /я/, что личность его не изменилась, и он командующий силами воздушными от того, что он заместитель президента, от того, что стал /он/ президентом.)

Вопрос: Насколько он переменился за 100 дней своего президентства?

¹ Шитов Б. А. Указ. соч. С.11.

Ответ: Если говорить абсолютно честно, то могу Вас уверить, что он нисколько не переменился. Каким он был, будучи командующим BBC или вице-президентом, таким же он и остался, став президентом.

2)

ويقضي الأمر علي أطرش بالحضور يوميا الي مركز البولس لإثبات وجوده وظهر على الأمر توقيع قائد المنطقة الشمالية الجنرال أوري أور ويمنع الأمر هذا الطالب من مواصلة دراسته في الجامعة خاصة وإن الامتحانات على الأبواب.

(букв.: И присуждает приказ на Атраша с присутствием ежедневно к центру полиции для утверждения наличия его... и появилась на этом приказе подпись командира округа северного генерала Ури Ура, и запрещает этот приказ этому студенту из продолжения обучения его в университете, особенно и поистине, экзамены на дверях.)

Этим приказом, под которым стоит подпись генерала Ури Ура, командующего северным округом, студенту Атрашу предписывается ежедневно являться для отметки в полицейское управление, а также запрещается посещать занятия в университете. Последнее имеет особое значение, учитывая, что в университете вот-вот начнутся экзамены.

3)

وأثناء الأفراح التي اشتعلت هذه الأيام في كل مكان من دمشق شدني الحنين إلى دمشق العتيقة أنا... دمشق الهادئة عادة والراقدة بصمت وتوابع.

(букв.: И во время радостей, которые горели этими днями в каждом месте Дамаска, потянула меня печаль к Дамаску древнему я... Дамаску моему, спокойному обычно и лежащему с молчалием и скромностью)

Из-за шумного ликования, бурлящего в эти дни по всему городу, меня обуяла печаль по старому спокойному Дамаску моих дней, мирно лежащему в своих тихих улицах.

Приведенные примеры взяты из различных типов текста, что отражает межстилистическую природу мозаичного синтаксиса в современном АЛЯ. При этом, следует отметить, что если в этих

примерах присутствуют хотя бы намекающие словоформы, которые позволяют русскому переводчику домыслить намек и перекодировать его в эксплицитно оформленное разъяснение семантического типа связи между частями текста, то в ряде случаев арабский адресант обходится даже без таких намеков.

Подобная недостаточная семантическая конкретность связующих языковых знаков в арабском тексте свидетельствует о присутствии в нем элементов так называемой «грамматики широкого контекста». Грамматика широкого контекста отмечается в исторической лингвистике для многих языков как уровень, при котором выражение мысли еще не было обеспечено четкой языковой формой, но подчинялось живости впечатления и свойствам разговорной речи. Очевидно, что необходимые условия для социализации подобных синтаксических форм и их неизменного сохранения в современном АЛЯ создаются благодаря привычности для араба оперировать в своей речемыслительной деятельности крупными смысловыми блоками с постоянным участием творческого воображения, т. е. связано с теми особенностями вербального мышления, которые мы отмечали, говоря о своеобразии арабских механизмов номинации и референции в АЛЯ. Именно благодаря этой привычности арабский адресат «соглашается» держать в уме широкий контекст, который позволяет ему интерпретировать интенциональный смысл текста, несмотря на его казалось бы недостаточную семантическую точность. Что касается русского переводчика, то для него подобная взаимосвязь компонентов текста создает трудности восприятия, а при перекодировании требует специальных умений и навыков, чтобы принять контекстуально правильные решения, которые обеспечили бы связность и цельность текста перевода по параметрам полноты и точности, привычным для русского адресата.

ЛЕКЦИЯ 12

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА (3): ТЕМПОРАЛЬНОЕ КАЧЕСТВО АРАБСКОГО ТЕКСТА

Реальное и авторское время. Факторы, формирующие темпоральное качество текста. Роль арабского глагола в формировании темпорального качества текста. Таксис. «Плоскостной» синтаксис арабского текста.

Одним из основных обязательно присутствующих качеств текста является **темпоральное качество**. Темпоральным качеством текста называется *полнота и точность выражения временных (темпоральных) признаков ситуации*.

Время в тексте неоднородно. С одной стороны, в тексте отражается время, когда происходило описываемое в тексте событие (**реальное время**), а с другой стороны — время, в котором находился автор текста, повествуя об этом событии (**авторское время**).

Реальное время может быть обозначено *прямо* или *опосредованно*. Примером прямого обозначения реального времени является сообщение типа: *افتتحت قناة السويس في سنة ١٨٦٩* Суэцкий канал был открыт в 1869 году. Примером опосредованного выражения реального времени является сообщение о событии через упоминание другого события, которое произошло в то же самое реальное время: *افتتحت قناة السويس سنة عزف فيها ويردي أوبراه أيلدا لأول مرة* Суэцкий канал был открыт в год первого исполнения оперы Верди «Аида». Для переводчика необходимо установить для себя точное реальное время, независимо от его прямого или опосредованного обозначения в тексте.

Авторское время может быть *реальным* и/или *виртуальным*. Реальным авторским временем является время, в котором реально

находился автор, рассказывая о событии. Например, в высказывании *وصلت أمس القاهرة* Я приехал в Каир вчера адресант находится в актуальном для него настоящем времени. Однако, рассказывая о событиях, адресант может свободно изменять свое *виртуальное* время на оси развития событий. Так, в высказывании *وصلت أمس القاهرة* Я приехал в Каир вчера и *انتظارهم وصولي لا إلا غدا* тут узнаю, что они меня ждут только завтра адресант во второй части высказывания виртуально перемещает себя в предшествующий день и ведет повествование так, как если бы он реально находился в этом времени.

В формировании темпорального качества текста наглядно проявляются связи, существующие в коммуникативной речевой деятельности между а) миром действительности, б) уровнем развития отражательных и когнитивных способностей языкового коллектива с учетом его уровня знаний об окружающей действительности, в) особенностями вербального мышления, г) языковой системой и д) литературной традицией. Естественно, что темпоральное качество разноязычных текстов оказывается тем более национально отличающимся, чем больше лингвосоциокультурных отличий обнаруживается между сравниваемыми языками. Рассмотрим основные различия темпорального качества арабского текста по сравнению с темпоральным качеством русского текста.

1. Начнем с рассмотрения представлений о времени (мир действительности) в связи с уровнем развития отражательных и когнитивных способностей языкового коллектива (образ мира). Науке известно, что представление человечества о времени изменялось в процессе развития знаний об окружающем мире. Представление о времени менялось в направлении от *циклическости* к *векторности*. На ранних этапах своего развития человек не отделял себя от окружающей природы, поэтому повторяющиеся циклы смены дня и ночи и смены времен года, где ничего нельзя взять за начало, но лишь можно осознать признаки предшествования и завершенности, явились первыми темпоральными

представлениями человека. Но чем больше человек в своей практической производственной деятельности отъединялся от природы, чем больше развивались его отражательные и когнитивные способности, тем все больше крепились его представления о направлении и необратимости времени (жизнь — смерть), создавался научно-городской отсчет времени с его векторным характером.

В современном мире у разноязычных этносов понятия о времени (образ мира) могут значительно отличаться друг от друга. Но еще в большей степени, чем физические характеристики времени, у них различаются лингвистические представления о времени (языковой образ мира). Языковой образ времени связан со средствами выражения темпоральных значений, арсеналом средств, которыми располагает язык, понятие о времени — со степенью полноты и точности выражения темпоральных значений в тексте, с количественным и качественным использованием имеющихся языковых средств.

2. Средства выражения темпоральных значений в арабском тексте. С формальной стороны арсенал языковых средств, используемых для выражения темпоральных значений в АЛЯ, не отличается от арсенала темпоральных языковых средств русского языка. В обоих языках для передачи временных значений используются глагол, наречие, имя с предлогом и таксис (временные отношения между действиями в рамках описываемой ситуации). Однако между разноязычными одноименными средствами существуют значительные различия. Прежде всего это касается глагола и таксиса.

2.1. Темпоральное значение арабского глагола. В арабском глаголе отражаются темпоральные представления, характерные для древнего и средневекового общества — цикличность. В основе цикличности лежат два признака — предшествование (зима предшествует весне, весна — лету, лето — осени, осень — зиме) и целостность (зима, весна, лето, осень и новый такой же цикл). Кроме того, в финитных формах арабского глагола сохраняется достаточно сильное значение модальности, а как известно, аспектуальные функции исторически

предшествовали выражению темпоральности. Например, форма имперфекта глагола *فعل* *делать*, наряду со значением *делает, сделает*, регулярно выступает в тексте как средство модальной аспектуальности — *может сделать, должен сделать, сделал бы*. Это также свидетельствует о том, что в арабском глаголе сохраняются значения, характерные для ранних этапов вербального мышления.

Развитие понятия о времени в арабском обществе не вызвали изменения категориального значения глагола, которое сложилось много веков назад. Если в системе русского языка меняющиеся в ходе развития представления о времени (запрос надсистемы) привели к изменениям глагольных форм¹, то в системе АЛЯ тот же запрос надсистемы привел к другому результату. Система АЛЯ отреагировала на запрос надсистемы расширением употребления языковых средств, которые передают темпоральное значение не на грамматическом, а на лексическом уровне, обеспечивая большую точность обозначения времени. Другими словами, если в русском языке темпоральное значение глагола является *грамматической категорией*, то в АЛЯ это значение глагола находится в *переходном состоянии от понятийной к грамматической категории*. Тем самым темпоральная роль арабского глагола в тексте слабее темпоральной роли в тексте русского глагола.

2.2. Темпоральная роль арабского глагола в тексте. Арабский глагол как выразитель временных значений сохраняет центральное место только в микрополе прошедшего времени. В микрополе настоящего времени центральное место принадлежит именному предложению с причастием, сложным прилагательным, именем или масдаром с предлогом и др. в функции предиката. Например:

1)

هو غاضب عليك.

(букв.: Он сердящийся на тебя) Он на тебя (все еще) сердится.

¹ За период, прошедший с появления первых списков Корана, русскоязычный этнос по сути дела сменил один язык (древнерусский) на другой, в котором в XIV–XVI вв. категория времени еще раз претерпела существенные изменения — утрату вориста и плюсквамперфекта.

2) أكدت مصادر مطلعة أمس أن رئيس الوزراء الأردني بصدد تقديم استقالته.

(букв.: Подтвердили источники осведомленные вчера, что премьер-министр иорданский в близости подачи своей отставки)

Как подтвердили вчера некоторые осведомленные источники, премьер-министр Иордании готовится подать в отставку.

3) إنه سليم المظهر.

(букв.: Он нормальный/здоровый видом) Он хорошо выглядит.

4) إنه كثير الأسفار في المهمات الحكومية.

(букв.: Он частый поездками в задачах правительственных)

Он часто разъезжает по государственным делам.

В микрополе будущего времени доля глагола больше, чем в микрополе настоящего времени, однако и в этом случае глагол выступает не автономно. Он используется или в супплетивной конструкции «имперфект + частицы سوف, س, سي», либо в форме имперфекта с отрицательной частицей будущего времени لن, либо в форме имперфекта при обязательном участии в высказывании именного темпорального конкретизатора.

«Слабость» арабского глагола проявляется и в высказываниях эквивалентных действию, поступку (перформативах), например:

5) - لعمرِكا!

(букв.: Поистине, жизнь твоя!) Клянусь!

На уровне текста отмеченные особенности арабского глагола выражаются в его меньшей частотности по сравнению с частотностью русского глагола в тексте перевода. Так, проведенное обследование параллельных текстов (20 арабских оригинальных текстов каждый объемом 1200 печатных знаков и 20 русских текстов-переводов) обнаружило, что число арабских глаголов составляло всего 80% от числа русских глаголов. Особенно ярко ослабленность арабского глагола и повышенная номинативность проявляется в описательных текстах, менее ярко — в повествовательных.

2.3. Таксис характеризует временные отношения между сообщаемыми фактами по параметрам одновременности — неодновременности, соотношения главного и сопутствующего действия, прерывания и пр. Таксис может быть выражен различными (морфологическими, синтаксическими, морфолого-синтаксическими, лексическими) средствами, которые образуют функционально-семантическое поле, пересекающееся с полями темпоральности и аспектуальности.

Как в русском, так и в арабском языках таксис представляет собой функционально-семантическое поле с полицентрической структурой независимого и зависимого таксиса.

В русском языке в сфере зависимого таксиса центром являются деепричастия совершенного и несовершенного вида, в сфере независимого таксиса — сочетания видо-временных форм глагола в сложных предложениях и лексические элементы типа затем, сначала и т. п.

В арабском языке в сфере зависимого таксиса центром являются винительный падеж масдара или причастия, масдар с предлогом, предложение состояния, придаточное предложение с частицей إذ, арабское «заменительное предложение», центром независимого таксиса — соединение предложений союзами ف или و, лексические элементы типа ثم, بعد ذلك и т. п., сложноподчиненные предложения с придаточным времени.

Проиллюстрируем употребительность арабских средств таксиса на примере выражения одновременности и неодновременности событий в рамках одной ситуации.

Одновременность событий, выраженную в русской фразе Проводя переговоры, президент обратил внимание сирийской стороны на... соединением деепричастия несовершенного вида и глагола прошедшего времени, может быть переведена на арабский с использованием различных таксисных средств, например:

— двумя самостоятельными предложениями с сочинительной связью:

أجرى الرئيس المباحثات ولفَتَ نظر الطرف السوري إلى ...

— сложноподчиненным предложением с союзом إذ:

إذ يجري الرئيس المباحثات لفت نظر الطرف السوري إلى ...

— сочетанием масдара с предлогом и глагола-сказуемого в рамках простого предложения:

في خلال إجراء المباحثات لفت الرئيس نظر الطرف السوري إلى...

— сложноподчиненным предложением с придаточным времени:

عندما أجرى الرئيس المباحثات لفت نظر الطرف السوري إلى ...

— масдаром или причастием, стоящими в винительном падеже, и глаголом-сказуемым в рамках простого предложения:

لفت الرئيس نظر الطرف السوري إلى ... إجرأه المباحثات.

Особым средством передачи одновременности является употребление арабского заменительного «предложения примыкания», когда между словами, обозначающими факты, находящиеся в одном реальном времени, отсутствует выражение морфологических и синтаксических отношений, например:

6)

إنتزع إسرائيل بيغين من مصر السادات كل ما تريده.

(букв.: *Вырвал /для себя/ Израиль Бегин от Египта Садат все то, что хочет /он/ его.*)

При Бегине Израиль урвал у Египта во время президентства Садата все, что хотел.

Неодновременность событий в арабском тексте наиболее четко выражается с использованием лексических элементов типа بعد, ثم и т.п., конструкцией «перфект + частица قد», а также сложноподчиненными предложениями с придаточными времени. Однако неодновременность может выражаться и теми же средствами таксиса, которые используются для выражения одновременности. Например, русская фраза *Указав на ..., он сказал*, где использовано соединение деепричастия совершенного вида и глагола прошедшего времени, может быть переведена:

— двумя самостоятельными предложениями с сочинительной связью:

أشار إلى ذلك فقال ...

— сочетанием масдара с предлогом и глагола-сказуемого в рамках простого предложения:

بعد إشارته إلى ذلك قال ...

Функциональной темпоральной многозначностью обладает и арабское предложение состояния, например, в предложениях دخل إليه يبكي (букв.: *Я встал, а люди сидящие*) и قمت والناس قعود (букв.: *он пришел к нему плачет /он/*) передается одновременность событий, но формами прилагательного (1-й пример) и имперфекта передано понятие времени настоящего результативного, т. е. событие (2-й пример), которое началось в прошлом, но продолжается и во время первого события — *Я встал, а люди сидели (...оставались сидеть или ... хотя люди продолжали сидеть и т. д.); Он пришел к нему в слезах.* В предложении سافر وقد طلعت (букв.: *Он выступил в путь и уже взошло солнце*) второе событие предшествовало первому — *Он выступил в путь после восхода солнца или Когда взошло солнце, он выступил в путь.*

Характерным приемом арабского таксиса является употребление глагола كان или أصبح в начале большого периода, иногда целого абзаца, внутри которого события описываются как происходящие в реальном настоящем времени, адресант таким образом как бы делает адресата очевидцем событий. Проиллюстрируем это на следующем примере:

7)

وأصبحت كل أيامها معه... والبيت كأنه بيتها ... وأمها كأنها أمها أو حماتها وتمر ساعات طويلة وكأنه بعيد ... يعيش في دنيا ألحان يبحث عنها فوق إطار العود ... أو يعيش مع القلم والورق يكتب صفحات ... ولا تدري ماذا يكتب ولكن عينيها تتعلقان بأصابعه وهي ملتفة حول القلم وتحس كأنها تقرأ كل ما في خياله ... وتفجأ به يوما وقد نصب أمامه لوحة... وجمع حوله ألوانا... وأمسك بريشة وبدأ يرسم...

(букв.: *И стала /она/ все свои дни с ним ... и этот дом как будто ее дом ... и его мать как будто она ее мать и ее свекровь ... И проходят долгие часы, и как будто он далекий ... живет в мире мелодий, которые ищет их поверх корпуса лютни ... или живет с пером и бумагой пишет страницы ... и не знает /она/, что пишет /он/, но глаза ее связываются с пальцами его, а они обхватившие*

перо, и чувствует /она/, как будто читает /она/ все, что в фантазии его, и застает /она/ его однажды врасплох, а уже поставил /он/ перед собой картину ... и собрал вокруг себя краски... и схватил кисть и начал рисует /он/.)

Она стала все свои дни проводить с ним... Его дом стал как бы ее домом, ее мать — ее матерью и настоящей свекровью. Долгими часами, когда он, погружившись в себя, жил в мире мелодий, подбирая их на струнах лютни, или мхорадожно что-то писал, исписывая страницу за страницей, она неотступно следила за движением его пальцев, и ей казалось, что так она проникает в его мысли. А однажды он вдруг поставил перед собой подрамник, отобрал краски и, схвативши кисть, принялся рисовать.

Такая же многофункциональность свойственна и заменительному предложению, примыканию, например:

8)

ورط العراق الأمة مرتين في صراع في الزمن الخطأ وفي المكان الخطأ

(букв.: Ввергал Ирак эту нацию дважды в конфликт во время ошибка и место ошибка)

Ирак дважды ввергал арабов в вооруженный конфликт в неудачно выбранное время и в неудачно выбранном месте.

В целом функциональные особенности арабских и русских языковых средств, передающих темпоральные значения, можно представить в виде следующей таблицы.

№	Параметры сопоставления	АЛЯ	РЯ
1	Роль глагола	второстепенная или существенная	основная
2	Роль слов или сочетаний слов с темпоральным значением, именных конкретизаторов	основная	дополнительная
3	Роль наречий	дополнительная или существенная	дополнительная
4	Роль таксиса	существенная	существенная

3. Анализируя все сказанное выше, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, оформление темпорального качества в арабском тексте национально маркировано, что в первую очередь связано со слабостью темпоральных значений арабского глагола и особыми средствами таксиса.

Во-вторых, благодаря видо-временной категориальной точности русского глагола и отглагольных форм выражение темпоральности в русском тексте находится в сфере обязательного, тогда как в арабском тексте из-за архаики и семантической размытости темпоральных значений глагола и многих средств таксиса выражение темпоральности находится в сфере коммуникативно обусловленного. Полнота временных признаков, выделяемых в арабском тексте, регулярно оказывается недостаточной для переводчика, который, выбирая соответствующий русский глагол или деепричастие, не может не употребить точной видо-временной формы в существующей оппозиции этих форм.

В-третьих, архаика многих арабских языковых средств, передающих темпоральные значения, создает в тексте отсутствие той синтаксической перспективы, которая выработалась в русском дискурсе в результате длительного развития языковых форм в сторону большей дифференциации и точности. Такое отсутствие перспективы, «плоскостной синтаксис», который особенно характерен для текстов повествовательного характера, порождает у русского адресата такое же странное впечатление, какое порождает живопись примитивистов (например, картины Пироманишвили), у человека, чей художественный вкус воспитан исключительно на образцах академической школы изобразительного искусства. В качестве иллюстрации приведем лишь один пример:

9)

تعرض زعيم الحزب السوري القومي في عكار لمحاولة اعتداء وتفصيل الحادث انه في ليل ١٦ - ١٨ الجاري أقدم ثلاثة مسلحين على إطلاق النار على منزل السيد محمود الحسن القائم في تكريت فرقة الحرس على المهاجمين وأسفر الحادث عن مقتل أحد المهاجمين وإعتقال آخر فرقة ثالث وباشرت قوى الأمن التحقيق بالحادث.

(букв.: Подвергся руководитель партии сирийской национальной в Акаре попытке нападения, и подробности этого несчастного случая, поистине, это в ночь 17-18 текущую отважились трое вооруженных на открытие огня на дом Махмуда аль-Хасана, находящийся в Тикрите, и ответила охрана на нападавших, и закончился /этого/ несчастный случай убийством одного нападавшего и арестом другого, и убежал третий, и начали силы безопасности расследование /этого/ несчастного случая.)

Совершено нападение на руководителя отделения Сирийской национальной партии в Акаре господина Махмуда аль-Хасана. Обстоятельства инцидента таковы. В ночь с 17-го на 18 число нынешнего месяца трое вооруженных людей открыли огонь по дому господина Махмуда в Тикрите. Ответным огнем вступивших в перестрелку охранников один из нападавших был убит и один ранен. Третьему удалось скрыться. В настоящее время полицией начато расследование.

Отсутствие синтаксической перспективы в арабском тексте создается за счет шестикратно повторенной перфектной формы глаголов, а также из-за пятикратно повторенного соединительного союза *و*. В русском переводе, напротив, отмечено разнообразие форм предикатов: краткое причастие; глагол в прошедшем времени; аналитическая форма выражения прошедшего времени, состоящая из перфектной формы глагола *быть* и кратких причастий; глагольные словосочетания, состоящие из глагола прошедшего времени и инфинитива в одном случае и глагола прошедшего времени и краткого причастия — в другом. Перспективу создает также деление текста на интонационно оформленные самостоятельные предложения и вариативность порядка слов.

4. Нетрудно заметить, что переводчику, работающему с арабским текстом, приходится приложить значительные усилия для правильного понимания содержащихся в нем темпоральных значений, для чего он должен не только отлично знать грамматику АЛЯ, но и с пристальным вниманием следить за смысловым контекстом. Не меньшие, если не большие усилия ему потребуется приложить и при создании текста перевода, темпоральное качество которого не должно нарушать нормы полноты и точности передачи этого качества, принятой в русском тексте.

ЛЕКЦИЯ 13

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА (4): ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЕ КАЧЕСТВО АРАБСКОГО ТЕКСТА

Эмоционально-оценочное качество текста есть та семантическая данность, которая дополняет предметно-понятийное содержание и позволяет адресату осознать отношение адресанта к содержанию текста. Оценочная деятельность есть одна из четырех форм работы сознания, наряду с формой получения знания о природе явлений действительности, формой актуального воздействия на действительность и формой регулирования деятельностью.

В оценочной деятельности индивидуума отражаются, с одной стороны, общая, социально востребуемая языковым коллективом логика привычных оценок и с другой — его собственные, индивидуально предпочтительные оценки. Степень соотношения общего и индивидуального варьируется, однако правилом является значительное превышение общего над индивидуальным, поскольку, оценивая, человек опирается на ресурсы языка, который обеспечивает его материалом для формирования оценок в виде специальных средств языка, имеющих оценочное значение, и на типовые оценки, характерные для данной лингвокультурной общности людей и закреплённые в дискурсе, который был усвоен индивидуумом в его прежнем опыте. Можно предположить, что именно оценочная область сознания человека в наибольшей степени нивелируется социально; в своих оценках индивидуум довольно жестко детерминирован характером национального сознания, мышления и нравственных ценностей, которые сформировали его менталитет в процессе совместной коммуникативной деятельности с другими членами данного языкового коллектива. Поэтому исследование национальных особенностей оценок, проведенное мето-

дом контент-анализа, имеет большое значение для выявления особенностей иностранного менталитета. И, как свидетельствует переводческая практика, именно чужеродность оценочной деятельности сознания нарушает межязыковую коммуникацию чаще, чем чужеродность других форм сознания.

Если идти в направлении от языкового выражения оценки и семантики языковых форм к мышлению («языку мозга»), то в эмоционально-оценочном качестве текста (далее — ЭОКТ) можно выделить: *формы* оценки, *виды* оценки и *логику* оценки.

Формы оценки представляют собой те оценочные формы, которыми располагает язык и которые изучаются в сфере традиционной лингвистики. В номенклатуру оценочных форм для различных языков входят суффиксы субъективной оценки, осознаваемая внутренняя форма слова, звукоподражания, экспрессивно окрашенные слова, фразеологизмы, эмоционально-окрашенные синтаксические структуры и т. д. При значительной схожести этих форм в сопоставляемых парах языков переводческое сопоставление текстов обнаруживает значительное расхождение в частотности употребления отдельных форм. Ниже в виде таблицы приводятся данные по сопоставительной частотности нескольких форм оценки, которые встречаются в арабском и русском текстах. Частотность определена по шкале семи приблизительных величин: 1) часто; 2) редко; 3) очень часто; 4) очень редко; 5) исключительно часто; 6) исключительно редко; 7) не употребляется.

№	Форма оценки	АЛЯ	РЯ	Примеры
1	Суффиксы субъективной оценки	6	5	كتاب كتيبة; домик منزل صغير جدا (букв.: очень маленький дом)
2	Редупликация в словообразовании	3	7	ضرب избить; شؤير очень злой, злоющий; زليдень

3	Редупликация корня в рамках словосочетания	1	2	الرجل بعيد عنا كل البعد У нас нет ничего общего с этим человеком (букв.: Этот человек далек от нас всей далекостью); وجهه إليه وجهه الشاتم والسباب (букв.: Направлять на него ругательства и брань)
4	Повтор оценочного слова	1	2	ورود كثيرة كثيرة — охапка роз (букв.: розы многие многие); Эх, раз и еще раз, еще много-много раз! — فلنكرر مرارا تكرار! (букв.: Давайте повторим много раз много раз!)
5	Копулятивное сочетание синонимов	5	2	أفلام الرعب و الخوف триллеры, фильмы ужасов (букв.: фильмы ужаса и страха)
6	Фразеологизмы	3	3	صدري طاهرا У меня и в мыслях такого не было! (букв.: Моя грудь чиста!)
7	Осознаваемая внутренняя форма слова	5	4	تكالب бешено гоняться за чем-л., рыскать в поисках чего-л. (отыменный глагол от كلب собака и итеративное значение словообразовательной модели); نجاح колоссальный успех (букв.: успешный успех)
8	Экспрессивно окрашенные слова	1	1	عنيف (передает понятие интенсификации без коннотации по шкале хорошо — плохо):

				معركة ضحك عنيف охот; معركة ожесточенная схватка бредовый проект مشروع غير معقول (букв.: неразумный проект)
9	Эмоционально окрашенные слова	4	5	أشاد به отметить кого-л. с хорошей стороны; безалаберный — عديم المبالاة (букв.: невнимательный, равнодушный, несерьезный)

Как видно из таблицы, абсолютное большинство форм оценки — восемь из девяти — в арабском и русском языках совпадают. Причем даже при отсутствии в русском языке формы фонетической редупликации, этой древнейшей формы выражения экспрессии, встречается похожая форма, но уже не на уровне языка, а на уровне речи: *Смир-р-рно!*, *Как до-о-олго!*

Но из той же таблицы видно, что в абсолютном большинстве — семь из девяти — частотность этих языковых форм не совпадает. Исключение составили только пункты 6) и 8). Однако и в пункте 8) нет полного совпадения по качеству оценки, так как в русском тексте оценка по экспрессии часто сопровождается эмоциональной оценкой, тогда как в большинстве случаев эмоциональная оценка в арабском тексте определяется при переводе на русский язык по контексту.

Наиболее частотными языковыми формами оценки для арабского текста являются формы из пунктов 5) и 7). При этом необходимо отметить, что эти формы имеют существенное различие в выражении оценки по параметру эксплицитности — имплицитности. Так, в пункте 5) экспрессия выражается эксплицитно (две словоформы), а эмоциональная оценка — имплицитно (значение словоформы). Что касается пункта 7), то оценка имплицитно содержится в инварианте корня, этом мыслительным конструкте,

который объединяет производные слова данного корня и связан в абсолютном большинстве случаев с номинацией исходного материального денотата. Чтобы понять передаваемую оценку, следует также знать значение словообразовательной модели, а в ряде случаев и иметь представление о тех языковых и неязыковых аллюзиях, которое может вызывать это слово в сознании арабофона.

Большинству форм оценки в арабском языке — 2), 3), 4) и 5) — свойствен единый строевой принцип — принцип повтора. С той лишь разницей, что повторяется либо морфема, либо слово, либо понятие. Благодаря этому принципу оценка имеет четкую знаковую экспликацию своего присутствия.

Наиболее частотными языковыми формами оценки в русском языке являются формы из пунктов 9), 8) и 1).

Наиболее контрастными языковыми формами оценки в арабском и русском языках являются формы из пунктов 2), 9), 5), 7) и 1). Контрастность может быть связана как со структурой формы, так и со степенью зависимости характера оценки от контекста употребления формы. Например, русские слова с уменьшительным суффиксом могут выполнять в тексте различные функции: уменьшительности (домик, тетрадошка), усилительности со значением «слишком» (добренький Буратино), экстраординарности (Ну и дождичек!), положительной оценки (умненькие глазки), отрицательной оценки (прилизанные волосики) и пр.

Сопоставительное знание форм оценки должно входить в языковую компетенцию переводчика. Понимание основного принципа знаковой выраженности оценки (повтора) и знание особенности номинации (прозрачность этимологии) обеспечивают относительную легкость восприятия этой стороны ЭОКТ в арабском тексте. Гораздо сложнее усвоить национальные особенности видов оценки.

Виды оценки различаются по основанию прямого и опосредованного выражения оценки.

К прямым оценкам относятся оценки типа *Мне это нравится!* или *Я очень огорчен.*

К опосредованным оценкам относятся оценки-сравнения (*Она поет как соловей*) или скрытые оценки, т. е. оценки, выраженные в такой форме, для точного истолкования смысла которой необходим широкий социокультурный контекст, учет референтной ситуации и ситуации конкретного акта речевого общения. Например, выражение *Вы бы отдохнули!* может быть истолковано в разных условиях и как прямое пожелание (волеизъявление), и как отрицательная оценка внешнего вида адресата с выражением сочувствия, и как саркастическая оценка каких-либо надоевших действий адресата и пр.

Нынешнее состояние научного знания дает основание говорить с достаточной долей уверенности о том, что арабофоны предпочитают прямые оценки (*يُؤجِبْنِي ذَلِكَ* Мне это нравится!) и оценки-сравнения (*وهجم عليه كالوحش* Он в бешенстве набросился на него (букв.: И набросился он на него как зверь)).

Арабские прямые оценки обычно переводятся также русскими прямыми оценками. Однако, следует обратить внимание на то, что прямые оценки, которые встречаются в арабских текстах, оформляются в соответствии с системой арабского синтаксиса и, следовательно, должны переводиться с необходимыми грамматическими трансформациями. Частой грамматической трансформацией является свертывание «избыточной» двучленной предикативной конструкции с одушевленным лицом в роли подлежащего. В переводе возможны два варианта: 1) замена личного подлежащего неопределенно-личным или 2) использование неполного безличного предложения. Например, арабское предложение *ولا يستطيع أحد أن ينكر ذلك!* (букв.: И не может один, чтобы отрицать это) может быть переведено или как *Этого нельзя отрицать!* (1), или как *Конечно!* (2).

В арабских оценках-сравнениях обращают на себя внимание два момента: 1) с чем или с кем арабский адресант чаще всего проводит сравнение и 2) почему арабофон, давая оценку, предпочитает именно сравнение.

Что касается первого вопроса, то ответ на него достаточно очевиден. Материалом для сравнения чаще всего являются матери-

альные объекты и идеальные концепты, связанные со средой обитания (*верблюды, муравьи, жерновы, оазис* и т. п.), и имевшие особое значение для жизнеобеспечения арабского бедуинского общества (*веревка, огонь*). Широко употребляются также сравнения с органами человеческого тела (*глаз, рука, нога, печень, голова, ступня* и т. п.), а также с явлениями метаязыкового характера (*язык, почерк, диакритические точки*).

Ответить на второй вопрос гораздо сложнее, поскольку он связан с определением сущностных различий в характере национального мышления. Русское мышление носит более рациональный характер, арабское сохраняет черты метафорического, которое предпочитает выделение общего признака объекта без достаточной четкости идентификации выделяемого признака. Эту особенность мы уже отмечали, когда речь шла о системах номинации и референции в арабском языке и тексте. В арабском слове, сохраняющем прозрачность этимологии, оценочная сема восходит к сущностной многомерности физического денотата, поэтому признак одновременно обладает и однозначностью (связан с одним конкретным денотатом) и расплывчатостью (денотат может характеризоваться по многим различным своим качествам). Такой характер мышления, закрепленный в языковых знаках, не может не влиять на деятельность оценочной области сознания арабофонов и на речевое конструирование ЭОКТ.

Кроме того, как уже упоминалось в предыдущих лекциях, арабы и русские могут выделять неодинаковые оценочные признаки у одного и того же денотата. Примерами служат сравнения с коровой (у арабов оценочный признак *выносливость*, у нас — *неуклюжесть*), с собакой (*злость, нечистоплотность* — у арабов, *преданность* — у нас), с полной луной (*красота женского лица* — у арабов, у нас такое сравнение скорее вызывает противоположное чувство) и т. д.

Эти особенности создают для переводчика трудности как на этапе понимания арабского текста, так и — особенно — на этапе создания текста перевода.

Если точный перевод арабской оценки-сравнения оказывается невозможным, то переводчик может использовать известные приемы трансформаций. Так, он может заменить оценку-сравнение собственно оценочным словом или оборотом, более эксплицитно выражающим реальную ситуацию. Например, إذا بالأستاذ عبد الرحمن يرمي بكتاب كان يقرأه و صاح بي كبركان (نجيب محفوظ) (букв.: И вдруг профессор Абд ар-Рахман бросил книгу, которую он читал, и крикнул мне как вулкан) И тут неожиданно профессор Абдаррахман отшвырнул книгу и рывкнул прямо мне в лицо. Другой пример: وهجم عليه كالوحش ففر الرجل من الإدارة (نجيب محفوظ) (букв.: И набросился он на него как зверь, и побегал этот человек из управления как муравей) Он бросился на коллегу, но тот опрометью выскочил из комнаты.

Широко применяется и прием «компенсации потерь», если образность является непременным атрибутом данного функционального стиля текста, например, при переводе произведений художественной литературы.

Перевод арабских оценок-сравнений достаточно сложен даже для опытного переводчика.

Логика оценки — компонент ЭОКТ, который связан с поведенческим характером адресанта и, следовательно, относится к области психолингвистики и лингвострановедения. В логике оценки в переводоведческом отношении важны две стороны: 1) эмоциональная реакция на внешний фактор и 2) знаковая выраженность оценки.

У разноязычных коммуникантов в логике оценочной деятельности возможны случаи *полного совпадения* (один и тот же анекдот вызывает смех), *частичного совпадения* (неудержимый хохот у одного и легкую улыбку у другого) и *полного несовпадения* (неудержимый хохот у одного и скрытое возмущение у другого).

Как эмоциональная реакция на внешний фактор, так и стремление выразить оценку, обнаружить свои эмоции могут носить национальный характер (английская сдержанность, латиноамериканская необузданность знакового выражения чувств и т. п.), но могут быть характерной чертой отдельного индивидуума.

Для переводчика важность понимания логики оценки арабского адресанта трудно переоценить. Это особенно касается прямых переводческих контактов. Как пишет В. Э. Шагаль, «арабы и их западные партнеры иногда совершенно по-разному подходят к одному и тому же заявлению или декларации. Парадоксально, но это факт, что один и тот же документ они нередко оценивают таким образом, что может показаться, будто речь идет о совершенно разных явлениях и событиях»¹.

Знание национальных особенностей арабской логики оценки есть обязательная составная часть переводческой компетенции и на приобретение этого знания должны быть направлены постоянные усилия переводчика.

Воспроизводство в тексте перевода оценочного качества арабского текста должно происходить с учетом перечисленных различий форм, видов и логики оценки.

¹ Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. М., 2001. С. 100.

ЛЕКЦИЯ 14

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА (5): СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Понятие стиля. Стилистическая парадигма арабского языка. Переводческое сопоставление функциональных стилей в арабском и русском дискурсах.

Связность и цельность как главные свойства текста, которые отличают его от простого набора высказываний, достигаются единым назначением текста, тематической и функционально-стилистической однородностью, взаимосвязью компонентов текста и системно-коммуникативной обусловленностью его номинативных единиц. Высшим проявлением связности и цельности текста является его стилистическая связность и цельность.

Словом **стиль** (от латинского *stilus, stilys* — *остроконечная палочка для письма, манера письма*) в языкознании обозначаются пять понятий.

Во-первых, стилем называется разновидность языка, закрепленная в данном обществе традицией за одной из наиболее общих **сфер социальной жизни** и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам — лексика, грамматика, фонетика. В современных наиболее развитых языках существуют три стиля в этом значении: а) нейтральный, б) более «высокий», книжный и в) более «низкий», разговорный. В научной литературе это же понятие обозначается словосочетаниями речевой регистр, тональность речи.

Во-вторых, этим словом обозначается понятие **функциональной разновидности литературного языка**, в которой язык выступает в той или иной значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенно-

стями общения в данной сфере. В литературе это понятие обозначается обычно как функциональный стиль. Во многих современных литературных языках выделяются обиходно-литературный, газетно-политический, производственно-технический, официально-деловой и научный стили.

В-третьих, словом стиль обозначается **общепринятая манера**, обычный способ исполнения (выбор и композиция языковых средств) какого-либо конкретного типа речевых актов: ораторская речь, передовая статья в газете, дружеское письмо и т. д.

В-четвертых, выделяется **индивидуальный стиль** произведения определенного автора. Например: *Стиль Андрея Платонова узнается с первой фразы любого его произведения*.

Наконец, в-пятых, словом стиль может быть обозначена **языковая парадигма эпохи**, состояние развития языка в данную эпоху. Например: *Он написал свой роман в стиле русского языка первой половины XIX века*.

Стиль отражает переплетение в речевой коммуникации отношений: а) языка и мышления (взаимовлияние на полноту и точность формирования образа мира), б) языка и общества (отражение в речевом произведении социального престижа пользователя); в) интеллектуального и чувственного начал (эстетическая функция языка); г) постоянства и изменчивости языковой системы; д) общего, частного и отличного в стилях двух контактирующих социолингвокультурах и др. Поэтому понятна важность теоретических осмыслений данного аспекта речевой деятельности с учетом многоаспектности стилистической проблематики и трудностей методики ее исследования.

В первой лекции настоящего курса отмечалась слабая разработанность стилистических проблем как в плане их внутрисистемного изучения (стили в арабском языке), так и особенно в плане межсистемного изучения (стилистический аспект в сопоставлении арабского и русского языков), а также указывались работы, в которых эти проблемы получали то или иное освещение. Следует также от-

метить вышедший в 1989 году в издательстве Военного института (сейчас — Военный университет) сборник тезисов и сообщений по теме «Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков». В сборник вошли 11 публикаций, посвященных вопросам стилистики арабского языка.

В данной лекции мы остановимся на следующих вопросах: 1) влияние языковой ситуации, существующей в современном арабском мире, на стилистическую стратификацию арабского языка; 2) переводческое сопоставление функциональных стилей в арабском и русском дискурсе; 3) способ исполнения (выбор и композиция языковых средств) некоторых конкретных типов речевых актов в арабском дискурсе; 4) основные переводческие трудности переводчика при решении стилистических проблем.

1. Влияние языковой ситуации, существующей в современном арабском мире, на стилистическую стратификацию арабского языка. Современный арабский язык представляет собой функционирующую систему, состоящую из четырех подсистем — классический арабский язык (язык Корана), современный АЛЯ, обиходно-разговорный язык со своими подсистемами и территориальные диалекты. Соотношение этих подсистем в арабском обществе можно представить в виде следующей таблицы:

№	Подсистема арабского языка	Форма речи	Сфера употребления	Социальная группа пользователей
1	Классический арабский язык (язык Корана)	Письменная	Специальные радио- и телепередачи, обычно религиозного содержания	Высокообразованные люди, теологи
2	Современный АЛЯ	Письменная Устная	Общественно-политическая и административная жизнь,	Образованные люди

			массовая информация Публичное общение	
3	Обиходно-разговорный язык: а) «средний» арабский язык; б) наддиалектная промежуточная языковая форма	Устная Письменная	Обиходно-разговорное и обиходно-деловое общение. Переписка, записи лекций, диалогическая речь в произведениях художественной литературы и пр.	а) Образованные люди в городской среде б) Необразованные люди в городской среде
4	Территориальные и социальные диалекты	Устная Письменная	Обиходно-разговорное общение. В определенных целях, например, как средство речевой характеристики литературных персонажей	Неграмотные люди и деревенские жители

Для переводчика такая ситуация оборачивается обязательным преодолением целого ряда трудностей лингвосоциокультурного характера.

Во-первых, он должен знать перечисленные подсистемы, особенности их функционирования в арабском обществе и уметь ориентироваться в выборе тех или иных идиом в конкретных ситуациях переводческого общения. Прежде всего эти трудности возникают в устных видах перевода. В арабском обществе письменная и устная формы речи обслуживаются разными подсисте-

мами языка, тогда как в русском обществе эти формы речи сближены.

Во-вторых, переводчик должен помнить, что если в русском языке различие в стилях как тональностях, регистрах речи осуществляется в рамках одной языковой системы, то в арабском эти различия более многомерны. Прежде всего определенная тональность речи осуществляется за счет смены подсистем языка или вкраплением отдельных идиом. Вот как, например, выражается сниженная разговорная тональность в газетной статье о роли отца в воспитании детей:

1)

حياته عبارة عن الوظيفة والتلفزيون وكفى... أما طلبات البيت واحتياجات الأولاد فهي من اختصاص الزوجة «وهو مش عاوز وجم دماغ».

Вся его жизнь состоит из работы и телевизора ... Что касается домашних дел и возни с детьми, то это дело жены, а он не намерен забивать себе этим голову.

Однако тональность речи может изменяться и в рамках одной и той же подсистемы. Последнее касается в основном текстов на АЛЯ, где возвышенный стиль создается употреблением редких или архаических слов (например, *أمرق* *длинный*, *حريف* *сподвижник*) и синтаксических моделей (например, использование саджа или заменительных предложений).

В-третьих, переводчик должен привыкнуть к тому, что разговорный стиль арабского языка (регистр речи) в большей степени отделен от нейтрального и книжного стилей, чем одноименный стиль русского языка. Однако в произведениях арабской художественной литературы речь персонажей обычно оформляется на АЛЯ, благодаря чему она оказывается неестественно книжной. Выход из этого положения разные авторы находят различные. Так, Махмуд Теймур писал свои пьесы на диалекте, а публиковал их на АЛЯ. Фарих Антуан в своей пьесе «Новый Египет» заставил персонажей, принадлежащих к высшему классу, говорить на АЛЯ, а нищих — на диалекте. Тауфик аль-Хаким пьесу «Сделка» написал целиком на «среднем арабском языке».

В-четвертых, следует помнить, что обиходно-деловая разнородность арабского разговорного стиля с присущим ей «диалектным фоном» оказывается сниженной по сравнению с разговорным стилем русского языка в обиходно-деловых ситуациях общения.

И, наконец, переводчик должен помнить об особой роли АЛЯ и как межрегионального языка общения арабов, и как единственной подсистемы в системе арабского языка, которая в состоянии облуживать любую сферу вербального общения. Как писал Тага Хуейн

أن اللغة العربية الفصحى ما زالت قادرة كل القدرة على ان تتحدث الى قلوب المصريين وعقولهم في غير جهد ولا نصب ولا احتياج الى المدرس والإستعداد للاستماع... وليس هذا بالشئ القليل في هذه الأيام التي كثر فيها الجاهدون لهذه اللغة والضائقون بها والمعرضون عنها، لا لشي إلا لأنهم أكسل من ان يتعلموها ويبدلوها في ذلك ما ينبغي من الجهد والنشاط (أحمد حمروش، المسرح المصري، ص. ٢٢١ - ٢٢٢).

2. Переводческое сопоставление функциональных стилей в арабском и русском дискурсах. Функциональные стили складываются в различных языках по-разному, в результате чего устоявшаяся стилистическая дифференциация в одном языке может столкнуться с иной или менее четкой стилистической дифференциацией в другом. Именно такая ситуация характерна для нынешнего состояния русской и арабской парадигм функциональных стилей.

Практика перевода выявляет прежде всего относительную размытость функциональных типов арабских текстов по сравнению с существующими функциональными стилями в русском языке. Наряду с общими для обеих парадигм функционально-стилистическими параметрами (область общения, доминантная цель общения, характер коммуникантов, ситуация общения и т. п.), бросается в глаза отсутствие или ослабленность арабской стилистической маркированности языковых средств всех уровней (модусов). В результате этого переводчик обычно не может приступить к переводу арабского текста без предварительного уточнения по контексту статьи, какой функциональный стиль русского языка окажется

пригодным в данном конкретном случае. Известную помощь ему может оказать знание арабской газетной рубрикации, личности автора статьи и другие дотекстовые знания. Исключение составляют лишь тексты эпистолярного стиля, религиозного стиля, стиля газетных объявлений и некоторых других¹.

Кроме «размытости» функциональных стилей арабского текста, обращает на себя внимание и наличие в текстах АЛЯ некоторых стилей, не существующих в русском языке (например, стиль текстов, которые передаются по радио и которые в арабской литературе называется *أسلوب الإذاعة*).

3. Способ исполнения (выбор и композиция языковых средств) некоторых конкретных типов речевых актов в арабском дискурсе. Обычно в каждом языке складывается общепринятая манера исполнения каких-либо конкретных типов речевых актов: ораторского выступления, передовой статьи в газете, судебной речи, уголовной хроники и пр. Во многом эти способы носят универсальный характер, однако и в этом стилистическом аспекте существуют национально маркированные черты. Их установление для арабского текста требует специальных полевых исследований. Работа в этом направлении в ЧТПАЯ еще только начинается. В качестве примера можно привести исследование, проведенное на сплошной выборке двух номеров египетских газет *الأهالي* и *الأهرام*. Целью исследования была попытка использовать речевые модусы семантического и синтаксического характера для выявления стилистической стратификации АЛЯ с последующим описанием одного из выделенных на основе данной методики функционального стиля. Эксперимент позволил получить следующие данные по стилю газетных объявлений.

¹ См., например: *Осипов В. Д.* О выделении эпистолярного стиля в арабском языке // Функционально-стилистическая стратификация и стилиевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989. С. 46–48.

² *Фишельберг Н. Д.* Стилистические аспекты частного переводоведения (методика — эксперимент — результат) // Сборник статей. № 29–30. М., 1990.

Общие коммуникативные характеристики

1	Область общения	социально-экономическая жизнь отдельных членов и групп социума
2	Доминантная цель общения	информирование о социально-экономических потребностях отдельных членов и групп социума
3	Прагматическая задача	установление социального и/или делового контакта
4	Характер коммуникантов	индивидуум и социальная группа
5	Тональность общения	официальная
6	Ситуация общения	отсутствие прямого визуального контакта между коммуникантами
7	Предметно-тематическое содержание	спрос и предложение рабочих мест, товаров или услуг; изменение гражданского состояния и пр.
8	Формы речи	повествование, объяснение

Маркированные модусы стиля арабского газетного объявления

№	Языковой параметр	Модус	Примеры
1	Морфология	а) Употребление имперфектной формы глагола 2-го л. ед. ч. в значении будущего времени с оттенком субъективной модальности <i>должен/может</i> . б) Ненормативное оформление определенного состояния в конструкции «غير + слово, обозначающее качество».	تطلب كراسة الشروط العامة والمواصفات الفنية من قطاع المكتب الهندسي. Вы можете затребовать (требуется) буклет с общими условиями и технической спецификацией в секторе строительного отдела.

			غير صالح непригодный.
2	Синтаксис	<p>а) Широкое употребление бессоюзной связи предложений</p> <p>ب) Распространенное употребление оборота «аттракция»</p> <p>в) Несоблюдение правила о рассогласовании состояния определенности / неопределенности именного субъекта и предиката</p> <p>г) Высокая частотность именных предложений</p>	<p>شركة (...) تطلب رئيس حسابات بكالوريوس تجارة خبرة لا تقل عن ١٠ سنوات المقابلة: (...) يوم الأربعاء ٧ م بمقر الشركة.</p> <p>Компании (...) требуется главный бухгалтер с высшим специальным образованием и стажем работы не менее 10 лет. Обращаться по адресу (...) в среду в 19 часов.</p> <p>يشترط أن يكون المتقدم لجميع الوظائف من أهالي البلاد المعلن عنها ومن المقيمين بها إقامة فعلية.</p> <p>Все претенденты на должности должны быть уроженцами указанных регионов и постоянно проживать в одном из них.</p> <p>مطلوب رجال وأناث.</p>

			<p>Принимаются мужчины и женщины.</p> <p>المطلوب رجال فقط.</p> <p>Требуются только мужчины.</p>
3	Лексика	<p>а) Специальная лексика</p> <p>б) Широкое употребление клише и стереотипов</p> <p>в) Маркирующая данный стиль лексика</p>	<p>للفقيد الرحمة وللأسرة خالص العزاء.</p> <p>Сострадание умершему и самые искреннее соболезнование семье умершего.</p> <p>الإلمام بالقراءة والكتابة</p> <p>Принимаются лица, умеющие читать и писать.</p> <p>81% всех модусов со значением «может / должен» составляет лексема مطلوب</p>
4	Орфография и графика	<p>а) Использование сокращений</p> <p>б) Использование иностранных шрифтов для названий иностранных фирм, фильмов и пр.</p> <p>в) Четкая рубрикация с повторяющимися заставками, рамками, набором разнообразных шрифтов, выделяющих не только</p>	<p>شارع вместо ش</p> <p>улица</p> <p>مساء вместо م</p> <p>вечер</p>

	заголовок, но и отдельные части текста	
--	--	--

По другим типам арабских текстов современное переводоведение располагает лишь отдельными наблюдениями. Чаще всего они касаются либо клишированных выражений, характерных для того или иного типа текста, либо наблюдений, связанных с общей структурой построения текста. Например, для арабской деловой переписки характерными являются клише типа *وتحية واجللا وبعد* в начале письма или витиеватые выражения уважения и пожелания благополучия в конце *وإننا إذ نقدم إليكم خالص شكرنا لا نسعي إلا أن نرجو لكم مخلصين مستقبلا وحياة مليئة بالتوفيق والسعادة ودمتم*. Начальные клише обычно не переводятся на русский язык, а концовка письма оформляется в соответствии со стилистической нормой, действующей для подобного вида русских текстов. Так, например, выглядит перевод арабского приглашения на выставку детской книги в Каире.

السيد الزميل المحترم!

تحية طيبة وبعد:

يسعدنا أن نقدم إليكم بدعوة رسمية للإشتراك في معرض القاهرة الدولي الرابع لكتب الأطفال الذي يقام خلال الفترة من ٢٤ نوفمبر إلى ٦ ديسمبر ١٩٨٦، بأرض المعارض الدولية بمدينة نصر.

وإننا لوائقون من اهتمامكم بهذا المعرض الذي يعد أحد المعارض الدولية المتخصصة والوحيد الذي يقام في الشرق الأوسط.

ونحن إذ نثق في اهتمامكم بهذا المعرض، يسعدنا أن نرفق طية نشرة المعلومات اللازمة عنه، بالإضافة إلى استمارة الحجز الذي يجب ملؤها بمعرفتكم وإعادتها إلينا.

وإننا لتأمل في إدراج اسمكم ضمن المشتركين في معرضنا الدولي الرابع لكتب الأطفال.

مع خالص تحياتنا

مدير الهيئة التنظيمية للمعرض

Уважаемый коллега!

Рады направить Вам официальное приглашение принять участие в IV Международной выставке детской книги в Каире, которая состоится с 24 ноября по 6 декабря 1987 года на территории международного выставочного комплекса города Наср.

Мы убеждены, что Вас заинтересует эта выставка, считающаяся одной из наиболее репрезентативных международных выставок и единственной, проводимой на Ближнем Востоке.

Будучи уверенными в Вашем интересе к этой выставке, прилагаем ниже проект, содержащий необходимую о ней информацию, а также бланк заявки на участие в ней, который Вам нужно заполнить и вернуть нам.

Мы надеемся видеть Вас среди участников нашей IV Международной выставки детской книги.

С уважением

Директор оргкомитета выставки¹.

3. Основные трудности переводчика при решении стилистических проблем. Выше уже говорилось о трудностях, которые приходится преодолевать переводчику из-за несовпадения стилистических норм, существующих в контактирующих текстах. Это связано с национальными различиями в стилистической стратификации арабского и русского языков, с различиями парадигм функциональных стилей в арабском и русском дискурсе и с различиями в способах исполнения (выбор и композиция языковых средств) конкретных типов речевых актов. Однако есть еще одна трудность, с которой сталкивается переводчик, оформляя текст перевода. Речь идет о его умении добиться стилистического единообразия создаваемого текста, т. е. о собственном стилистическом вкусе переводчика, о его способности согласовать найденные им отдельные решения в рамках единой стилистической целостности. Это умение целиком зависит от степени знания родного языка, от того, что принято называть «чувством языка», которое вырабатывается с годами у человека, который много читал с детства и продолжает читать всю свою жизнь, отдавая предпочтение лучшим образцам отечественной литературы. Профессиональный переводчик всегда хороший читатель.

¹ Юнусов К. О. Краткий русско-арабский словарь экономических терминов. СПб., 1996. С. 59–60.

ЛЕКЦИЯ 15

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА (6): ПЕРЕВОД НАРРАТИВНЫХ И АФФЕКТИВНЫХ ТЕКСТОВ

Нарративные и аффективные тексты. Декодирование смысла. Поиск пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры. Особенности информации, передающейся в нарративных и аффективных текстах. Языковые особенности арабских нарративных и аффективных текстов.

В предыдущей лекции отмечалось, что в каждом языке складывается своя общепринятая манера исполнения каких-либо конкретных типов речевых актов: ораторского выступления, передовой статьи в газете, судебной речи, уголовной хроники и пр. В настоящей лекции мы комплексно рассмотрим действия и операции переводчика при работе с типами текстов, различающимися по коммуникативному заданию адресанта, т. е. по той цели, которую адресант ставит перед собой, вступая в речевое общение с адресатом.

Как известно, высказывание может содержать простое изложение событий. Такие высказывания принято называть **нарративными**. Нарративные высказывания подразделяются на *повествовательные* и *описательные*. В повествовательных высказываниях наблюдаемые или осмысляемые адресантом события излагаются в динамике, в описательных — в статике. Главной целью нарративных высказываний является информирование адресата о неких событиях или фактах, которые известны адресанту. Наряду с нарративными, существуют высказывания, целью которых является либо а) сформировать у адресата некое новое для него понятие или изменить понятие, сложившееся у адресата ранее (генеративный регистр речи по Г. А. Золотовой), либо б) побудить адресата к действию, внести изменение в фрагмент действительности (волеитивный регистр речи), либо в) выразить оценоч-

ную реакцию на ситуацию (реактивный регистр речи). Такие высказывания рассчитаны на то, чтобы вызвать у адресанта определенную реакцию, нужную адресанту, воздействовать не только на рациональную, но и на чувственную область сознания, и такие высказывания мы будем квалифицировать как **аффективные**.

В текстах перечисленные разновидности высказываний могут переплетаться, создавая сложную смысловую палитру и позволяя адресанту решать ту неречевую задачу, которую он ставил перед собой до порождения текста. Особенно этим отличаются тексты художественной литературы. Однако для большинства текстов доминирующим оказывается какой-либо один тип высказывания, что позволяет квалифицировать текст по этому доминирующему типу высказывания как повествовательный текст, описательный текст, аффективный текст. К текстам повествовательного типа относятся тексты, в которых рассказывается о событиях общественно-политической жизни общества, тексты криминальной хроники и т. п. Примерами описательного текста могут послужить тексты рекламных буклетов, монологическая речь экскурсовода на выставке картин и т. п. К аффективным текстам относятся редакционные статьи, международные комментарии и комментарии на внутренние темы, ораторские выступления, эссе, фельетоны и т. п.

Переводческие действия и операции при работе с текстами указанных типов имеют существенные отличия по параметрам: а) декодирование смысла и поиск пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры; б) учет особенностей информации, передающейся в нарративных и аффективных текстах; в) учет языковых особенностей арабских нарративных и аффективных текстов.

Рассмотрим эти положения на примере анализа переводческих действий и операций, которые должны производиться при работе с двумя конкретными типами текстов — текстом уголовной хроники и текстом публицистической статьи — при зрительно-письменном переводе.

Алгоритм переводческих действий при зрительно-письменном переводе включает:

а) *предпереводческие действия* (установление типа текста, определение коммуникативной цели автора текста, выбор речевого регистра для будущего перекодирования информации средствами русского языка);

б) *переводческие действия 1 фазы*, которые делятся на понимание содержания текста (определение актуализированных значений языковых и речевых знаков, усвоение синтаксических связей между частями текста и пр. для создания образа референтной ситуации) и реконструкция интенционального смысла (интегрирование образа референтной ситуации с учетом выявленной фоновой информации, которая может скрываться за теми или иными языковыми знаками, определение главных рематических центров актуального членения в рамках всего текста и пр. для создания инвариантного образа текста, «отмысленного» от языкового выражения);

в) *переводческие действия 2 фазы*, целью которых является создание текста адекватного перевода с допускаемой степенью эквивалентности и которые включают этап создания чернового перевода, этап контрольного сопоставления текста перевода, с текстом оригинала и этап окончательной стилистической отделки законченного текста перевода.

В ниже приведенных примерах анализируются только предпереводческие действия и переводческие действия 1-ой фазы. Переводческие действия 2-ой фазы представлены в результирующей форме — в виде законченных текстов перевода.

А. Текст уголовной хроники.

مجهولون اختطفوا طائرة كويتية و ١٥١ راكبا الى طهران

الخاطفون قتلوا راكبين بإطلاق النار

طهران - الكويت - اختطفت طائرة كويتية من طراز إيرباص كانت في رحلة بين دبي وكراتشي وعلى متنها ١٥١ راكبا وهبط بها خاطفوها الذين يتردد أن عددهم بين ٤ و ٦ في مطار مهرباد الإيراني. وبقيت هوية الخاطفين مجهولة لكنه عرف أنهم قتلوا أحد الركاب وأصابوا راكبا ثانيا بجروح تردد في وقت لاحق أنه توفي. وبين الركات ومعظمهم من الجنسية الباكستانية ٤ دبلوماسيين كويتيين.

وكانت الطائرة الكويتية من طراز إيرباص قد هبطت في إيران بعد دوامة أثناء ليل أول أمس استمرت بضع ساعات بعد إقلاعها من دبي في رحلة إلى باكستان وبعد أن أبلغ قائدتها باللاسلكي سلطات مطار مهرباد أن وقود الطائرة على وشك الانتهاء.

وقال المتحدث باسم السفارة الكويتية في طهران إن وزارة الخارجية أبلغته أن الطائرة هبطت في مطار مهرباد في الساعة ٢٠ ٣٠ بتوقيت غرينتش وأنه من المعتقد أن خاطفيها خمسة أشخاص. وذكرت وكالة الأنباء الإيرانية أن الطائرة دخلت المجال الجوي الإيراني وأن طائرة إيرانية مقاتلة انطلقت لاعتراضها.

ونسبت الوكالة إلى المتحدث باسم وزارة الخارجية الإيرانية قوله إن الطيار اتصال لاسلكيا قائلا إن الخاطفين هددوا بنفس الطائرة ما لم يسمح لها بالهبوط في طهران وتم إبلاغه أن جميع المطارات الإيرانية مغلقة أمام الطائرة فعاد إلى الاتصال بعد ساعتين ليقول إن وقود الطائرة أوشك على النفاذ.

وقد عقدت الحكومة الكويتية اجتماعا استثنائيا لمتابعة تطورات عملية الاختطاف وأبقت اجتماعاتها مفتوحة واستدعت القائم بالأعمال الإيراني في الكويت حيث أبلغه راشد الراشد وكيل وزارة الخارجية ضرورة العمل من أجل الإفراج عن الركاب.

ووجه الشيخ سعد العبد الله الصباح برقية إلى رئيس الوزراء الإيراني طالبا تدخله بصورة مستعجلة لضمان الإفراج عن الركاب والطائرة.

في طهران لم يعلن عن مطالب الخاطفين وكل ما ذكرته السلطات الإيرانية أن الخاطفين يطالبون بترجم وأعلن مصدر كويتي أن الخاطفين طالبوا بالإفراج عن المتهمين بتفجيرات كانون الأول الماضي في الكويت.

وفيما يتعلق بمصرع أحد الركاب الذي ذكر أنه بريطاني الجنسية قال شهود عيان إن الخاطفين اقتدوا هذا الركاب حتى سلم الطائرة رافعا ذراعيه بينما سدّد أحدهم فوهة مسدسه نحو رقبة الركاب من الخلف ثم أطلق النار عليه وألقاه على الأرض أسفل الطائرة واستمر في إطلاق الرصاص عليه.

من جهة أخرى قال مصدر موثوق به في مطار العاصمة الإيرانية إن راكبا ثانيا من ركاب الطائرة قد مات متأثرا بالجراح التي أصيب بها أثناء إطلاق النار داخل الطائرة.

«النداء»

УГНАН КУВЕЙТСКИЙ САМОЛЕТ СО 160 ПАССАЖИРАМИ НА БОРТУ

Один пассажир расстрелян террористами

Тегеран — Кувейт. Угнан кувейтский самолет типа *азробус*, который совершал рейс из Дубаи в Карачи со 160-ю пассажирами на борту. В настоящее время по требованию террористов самолет находится в аэропорту иранского города Маграбад. Угонщиков четверо или шестеро. Личности террористов не установлены. Известно только, что ими убит один из пассажиров и что еще один, возможно, скончался от полученных ранений. Среди пассажиров угнанного самолета, большинство которых составляют пакистанцы, находятся 4 кувейтских дипломата.

Как стало известно, этот самолет, находившийся в воздухе несколько часов после того, как позавчера вечером он вылетел из Дубаи в свой очередной рейс в Пакистан, совершил посадку в аэропорту Маграбада. Посадка была разрешена после полученного от командира корабля сообщения о том, что у него заканчивается горючее.

По данным прессцентра кувейтского посольства в Тегеране, посольство получило из иранского министерства иностранных дел сведения о том, что угнанный самолет приземлился в Маграбаде в 2 часа 30 минут по Гринвичу и что на его борту находятся 5 террористов. Как передало иранское информационное агентство, когда самолет вошел в воздушное пространство Ирана, на его перехват был послан иранский истребитель. Со ссылкой на министерство иностранных дел агентство сообщает, что тогда командир корабля вышел на связь и сказал, что угонщики обещают взорвать самолет, если ему не будет разрешена посадка в тегеранском аэропорту. Однако капитану ответили, что его самолет не примет ни один аэропорт в Иране. Через два часа после этого пилот снова вышел на связь и сообщил, что топливо у него на исходе. После чего и было получено разрешение на посадку в Маграбаде.

В связи с этими событиями в Кувейте было создано экстренное заседание кабинета министров, которое продолжается до сих пор. На заседание был приглашен исполняющий обязанности представителя по делам Ирана в Кувейте. Министр иностранных дел Рашид ар-Рашид передал ему мнение кабинета о необходимости предпринять шаги для освобождения пассажиров угнанного самолета. Также была послана телеграмма от Саада Абдуллы ас-Сабаха премьер-министру Ирана, в которой он просит иранского коллегу немедленно вмешаться, чтобы гарантировать освобождение заложников и самолета.

В Тегеране пока ничего не сообщается о требованиях террористов, кроме упоминания властей о том, что угонщики потребовали переводчика. Однако, как стало известно одному кувейтскому источнику, террористы требуют освободить лиц, задержанных в Кувейте по обвинению в совершении декабрьских взрывов.

Что касается судьбы погибшего заложника, то сообщается, что он был англичанином и что, как рассказывают очевидцы, бандиты подвели его к трапу самолета с поднятыми руками и приставив пистолет к затылку. После чего раздался выстрел. Тело было сброшено на землю, и по нему было произведено еще несколько выстрелов.

В то же время один из достоверных источников в аэропорту Тегерана сообщил, что еще один пассажир скончался от ран, полученных во время перестрелки в самолете.

«Ан-Нида»

1. Декодирование смысла. Поиск пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры. Декодирование смысла информационных текстов заключается, главным образом, в анализе собственно содержательной структуры текста. Поэтому правильность восприятия обеспечивается уже тем, насколько корректно переводчик понял актуализированные значения языковых единиц и их соединений.

В *предпереводческой* фазе своей деятельности переводчик должен установить: а) тип текста, б) коммуникативное задание, в) речевые регистры, которые он будет использовать во 2-ой фазе своей деятельности. От качества этой предпереводческой работы будет во многом зависеть успех принимаемых переводческих решений во 2-ой фазе деятельности — при создании текста перевода. Для текста, приведенного выше, ответы на эти вопросы можно сформулировать следующим образом.

1) Установление типа текста. Текст целиком состоит из нарративных высказываний, большинство которых являются повествовательными, меньшая часть — описательными. Следовательно, он относится к нарративному типу текстов.

2) Установление коммуникативного задания. Целью автора статьи является передача конкретной информации о событиях.

3) Установление речевых регистров. Общая тональность текста нейтральная.

В 1-ой фазе *переводческой деятельности* переводчик устанавливает: а) актуализированные значения отдельных знаков и их соединений, б) фоновые значения. Для данного текста ответы на эти вопросы будут следующими.

1) Установление актуализированных значений отдельных знаков и их соединений. В тексте нет знаков, чьи актуализированные значения выходили бы за границу частотных соответствий, зафиксированных в двуязычном словаре.

2) Установление фоновых значений. Фоновые значения, связанные со знанием географических пунктов, упоминающихся в тексте, не имеют национальной маркированности, а поэтому их не потребуются эксплицировать при переводе. Не следует эксплицировать и фоновое значение о взрывах, которые происходили в декабре, поскольку эта информация не имеет большой коммуникативной значимости. Русскому получателю достаточно информации о том, что угонщики требуют освобождения каких-то террористов.

2. Особенности информации, передающейся в текстах информационного характера.

Как правило, в подобных текстах *содержится конкретная информация и почти или полностью отсутствует фоновая информация, рассчитанная на интерпретацию*. С этой стороны арабский текст не отличается от русского информационного текста.

Однако в арабском информационном тексте как правило *содержится много информационных повторов* (повторяющаяся информация по Миньяру-Белоручеву), а также *могут встречаться информационные дополнения* (дополнительная информация), экспликация которых в русском тексте будет восприниматься как нарушение данного функционального стиля. Избыточную повторяющуюся информацию следует просто опускать, избыточную дополнительную информацию — не актуализировать в знаках, а сохранять в виде фоновой.

Особую трудность при восприятии арабских повествовательных текстов может создавать также *последовательность, в которой события располагаются на временной оси*. Рассказывая о событиях, адресант использует одну из наиболее распространенных моделей размещения событий на временной оси текста: 1) порядок сообщений отражает реальную динамику развития событий — изложение начинается с самого отдаленного во времени момента и заканчивается реальным настоящим временем или временем поступления сообщения; 2) изложение событий начинается с реального настоящего времени или времени поступления сообщения, а затем автор возвращает читателя ко времени начала событий; 3) излагаемые события происходят одновременно, но сообщения о них сгруппированы в тексте по определенным признакам, например, со ссылкой на разные источники информации о них. В первом случае модели арабского и русского текстов очень близки, и при переводе не возникает дополнительных трудностей. Во втором случае различие между арабским и русским текстом заключается в способах передачи временных значений. В арабском информационном тексте понятие предпрошедшего времени может передаваться либо грамматическими средства-

ми — глагольными формами (كان... قد يفعل قد فعل), либо лексическими средствами в сочетании с перфектной формой глагола. В русском тексте предпрошедшее время может передаваться только лексическими средствами, например: *Как известно,...*, *Раньше уже сообщалось, что...* и пр. Что касается третьей модели, то следует помнить, что часто используемый в этом случае арабский оборот *من الناحية الأخرى* может передавать как понятие противопоставления (*с другой стороны*), так и понятие сопоставления (*в то же время*). Так, в выше приведенном тексте этим оборотом обозначается понятие сопоставления.

Особенности арабского выражения временных значений и ослабленность темпорального качества арабского текста, о чем шла речь в лекции 12, требует от переводчика постоянного внимания к этой стороне информации.

Например, в данном тексте изложение истории с вынужденной посадкой угнанного самолета, которое дается со ссылкой на иранское информационное агентство, дается с однообразным использованием перфектной формы глагола, т. е. не содержит темпоральной перспективы («плоскостной синтаксис»). Если автоматически заменить перфектные формы арабского глагола формами прошедшего времени русского глагола, то в тексте перевода события, которые происходили до времени посадки самолета, могут восприниматься как происходившие после посадки. Чтобы цепь событий была изложена непротиворечиво с точки зрения нормативных требований темпорального качества русского информационного текста, переводчик использовал различные средства выражения времени (глагольные формы, наречия, таксис), а также ввел дополнительную информацию (*После чего и было получено разрешение на посадку в Маграбаде*).

Наконец, трудности, с которыми сталкивается переводчик информационных текстов, возникают из-за *отличий структурной организации* арабского и русского текстов. Структурная организация отражает не только (и не столько) национальные особенности языковых систем, но и национальные особенности логического мышления

и стилистических традиций. Отличия структурных организаций разноязычных текстов обнаруживаются на всех уровнях построения текста, начиная от структур отдельных предложений и сверхфразовых единств и завершая делением текста на абзацы. Все эти структуры являются элементами системы текста, поэтому оценить их коммуникативную значимость можно только исходя из понимания той роли, которая отведена им в системе целого. Это касается обеих фаз переводческой деятельности — фазы понимания оригинала и фазы создания текста перевода. Правильная стратегия переводческих действий на этапе понимания арабского текста состоит в том, чтобы исключить влияние особенностей структурирования арабского текста на формирование смысла. На этапе создания текста перевода правильная стратегия переводческих действий состоит в том, чтобы при структурировании русского текста исходить из целостного восприятия всего текста как системы, а не из восприятия отдельных составляющих его элементов. Именно такой стратегией руководствовался переводчик, когда в приведенном выше примере использовал множественные изменения структур как отдельных высказываний и сверхфразовых единств, так и абзацного структурирования.

3. Языковые особенности нарративных текстов. Как отмечалось выше, лексика арабских нарративных текстов не выходит за рамки использования слов в их прямых значениях, которые фиксируются в двуязычных словарях. Трудности при переводе могут возникать только при употреблении в арабском тексте многозначных арабских терминов или из-за упоминания незнакомых переводчику национальных реалий. Кроме этого, следует отметить, что в арабском нарративном тексте меньше встречается клишированных выражений, чем в русском тексте этого типа.

Б. Текст публицистической статьи.

تحية الى جميع اللذين خلدوا هذا اليوم بالدم والشهادة

نيقوسيا - هاتфия، خاص ب«الاتحاد» - وجه رئيس اللجنة التنفيذية لمنظمة التحرير الفلسطينية، رسالة الى أبناء الشعب العربي الفلسطيني في

جميع أماكن تواجدهم بمناسبة الذكرى الثامنة ليوم الأرض الخالد. رحيت الرسالة «جميع الذين خلدوا يوم الأرض بالدم والشهادة و التحدي والإصرار على الحياة ورفعوه شعلة وراية تخفق عاليا في سماء الأرض العربية». وجاء في الرسالة: «يا أبناء شعبنا العظيم في كل بقعة يشع فيها النور الفلسطيني، ان إصراركم على التصدي للأخطاء المترتبة بكم ومواجهتها بكافة أشكال النضال السياسي والجماهيري هو وحده الكفيل بإفشالها. ولا خيار الا الصمود فهذه هي لغة أرضنا والينبوع الذي يتفجر فينا أملا وعزيمة وإرادة على المضي قدما في دروب النضال والثورة. هذا هو خيارنا الثوري وهذا هو قسمنا وعهدنا.

«الاتحاد»

СЛАВА ВСЕМ ТЕМ, КТО УВЕКОВЕЧИЛ ЭТОТ ДЕНЬ ЦЕНОЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ

Никосия — по телефону от собственного корреспондента «Аль-Иттихад». — В восьмую годовщину незабываемого Дня земли глава исполнительного комитета Организации освобождения Палестины обратился с воззванием ко всем сынам палестинского народа, где бы они ни жили. В нем он восславил всех тех, кто увековечил память об этом дне своей кровью и жертвенностью во имя высокой цели, чья стойкость в борьбе за то, чтобы жить на своей земле, превратила память о дне уничтожения палестинских лагерей Сабра и Шатила в знамя, которое гордо развивается в небе арабской Родины.

В воззвании говорится: «Сыны нашего великого народа, все, в чьих душах не меркнет свет Палестины, только ваша стойкая решимость непреклонно бороться со всеми подстерегающими опасностями как политическими методами, так и средствами всенародной борьбы, обеспечит нам победу. Другого выбора, кроме стойкости, нет.

Это язык нашей земли, источник, которой рождает в нас надежду, решимость и волю продолжать идти по тернистому пути борьбы и революции. Таков наш революционный выбор, такова наша клятва и таков данный нами обет.

1. Декодирование смысла. Поиск пути к смыслу текста как целого через воплощающие его структуры. Особенность декодирования смысла аффективных текстов заключается в том, что переводчик, кроме анализа собственно содержательной структуры текста, должен понять не только те цели, которые автор перед собой ставил, порождая текст (коммуникативное задание), но и понять авторское отношение к сообщаемому. При этом правильность восприятия обеспечивается не только тем, что переводчик понял актуализированные значения языковых единиц и их соединений, но и тем, насколько он обладает необходимым объемом дотекстовых знаний, чтобы осознать коммуникативный фон, который автору текста известен, но который он по тем или иным причинам оставил в пресуппозиции, не выразив эту информацию более эксплицитно. Пути к смыслу аффективных текстов затрудняются и тем, что оценочная информация может скрываться в ассоциативности знаков и их способности к приращению смыслов. В этом случае подтекст может быть замечен только при условии, что переводчик-адресат опознает имеющиеся в тексте сигналы как отсылающие к неявным оценкам автора.

Рассмотрим в качестве примера переводческие действия, которые оказались необходимыми при декодировании смысла (1-я фаза перевода) выше приведенного арабского текста. Рассмотрим эти действия в той последовательности, которая обеспечит с возможно большей полнотой декодирование смысла текста, если предполагается зрительный ввод и отсутствие жестких временных границ для анализа.

1) Установление типа текста. Большая часть высказываний текста относится к высказываниям аффективного характера (торжественное обращение к народу с призывом продолжать борьбу), меньшая — к повествовательным (сообщение о появлении данного обращения в печати). Следовательно, текст можно квалифицировать как аффективный.

2) Установление коммуникативного задания. Главная цель — в связи с празднованием Дня земли убедить палестинцев в необходимости стойко продолжать борьбу (директивная функция речи).

3) Установление речевых регистров. В аффективной части текста тональность высокая, в повествовательной — официальная.

4) Установление актуализированных значений отдельных зна-ков и их соединений:

رسالة — تحية — приветственное обращение;

في كل بقعة يشع فيها النور الفلسطيني (букв.: в каждом уголке, куда доходит свет Палестины, т. е. всюду, где живут палестинцы) все палестинцы, в ком живет чувство Родины, или все палестинцы, где бы они ни жили;

الأخطاء المترتبة (букв.: подстерегающие ошибки) ошибки, которые могут быть совершены в будущем;

اللغة — الينبوع — оба слова употреблены в переносном значении;

دروب — пути новые и неизведанные ранее;

عهد — обет, обещание.

5) Установление фоновых значений:

— في جميع أماكن تواجدهم — имеется в виду, что палестинцы живут не только на территории Палестины, но и за ее пределами, рассеявшись после начала палестино-израильского противостояния по многим странам (и не только по арабским);

— الدم والشهادة والتحدي والإصرار على الحياة — за соединением этих слов, во-первых, стоит воспоминание о кровавых событиях в лагерях палестинских беженцев Сабре и Шатилие, в память о жертвах которых и был впервые объявлен День земли (кровь и мучения во имя высоких целей). Масдар التحدي обозначает сложное понятие, которое содержит признаки денотативного (противостояние чему-л.), сигнификативного (один против огромной силы, часто стихийного характера) и грамматического (действие-состояние) подвидов значения. В данном узком контексте за этим словом стоит понятие упорная и изнурительная борьба с сильным противником;

— словосочетание الإصرار على الحياة может восприниматься в обобщенном значении, т. е. как упорное стремление жить на Земле, но скорее всего в рамках широкого контекста это выражение в дан-

ном тексте следует понимать в конкретном значении, т. е. как упорное стремление жить на своей земле, на земле Палестины.

6) Определение общих рекомендаций к языку текста перевода. Поскольку оригинальный текст удовлетворяет многим требованиям فن البلاغة, т. е. выдержан в лучших нормативных традициях АЛЯ, в тексте перевода следует использовать все те богатые ресурсы русского языка, которые свойственны текстам данного функционального стиля ЯП.

2. Особенности информации, передающейся в текстах этого характера. Как правило, в подобных текстах присутствует значительная фоновая информация, рассчитанная на интерпретацию. Прежде всего, это та информация, которая предполагает наличие у адресата определенных дотекстовых знаний. В этой информации выделяются два подвида:

а) информация, связанная с реальными событиями, известными адресату, который принадлежит к лингвокультурной общности ИЯ, но которые, по мнению переводчика, могут быть неизвестны адресату, на которого рассчитан перевод. В этом случае недостающая информация может быть введена в текст перевода (например, события 1967 года, июньские события 1967 года, начало второй арабо-израильской войны и т. п.). В некоторых случаях эта информация может даваться в сноске, обычно этим приемом переводчик пользуется при работе с официальными текстами, требующими точной передачи информации, а также — реже — при переводе художественных текстов;

б) информация, которая для достижения определенного эффекта передается автором в виде некоторой загадки, требующей от интерпретатора глубокого понимания. У переводчика глубина понимания должна быть больше, чем у обычного рецептора. Приемы перевода этого вида информации разнообразны и требуют от переводчика творческих языковых качеств, которых должно быть не меньше, чем у автора исходного текста (если не больше).

Во-вторых, в аффективных текстах всегда присутствует информация оценочного характера, об особенностях которой шла речь в лекции 13.

3. Языковые особенности аффективных текстов в АЛЯ. Переводчик текстов этого типа должен быть готов к извлечению не только (и не столько) прямых значений арабских слов, но и к восприятию информации, которая таится в теле знака (инвариант корня, значение словообразовательной модели), а также в аллюзиях, связанных с известными арабскому адресату ситуациями.

Кроме того, переводчик должен иметь представление о всех особенностях выражения оценки в АЛЯ и арабской фразеологии, а также о стилистических приемах, характерных для построения подобных текстов (рамочная конструкция, элементы саджа и пр.).

Особую трудность для переводчика при работе с языковыми особенностями аффективных текстов представляет вопрос изменения регистров речи. Так, в арабском тексте часто используется высокий стиль, сохранение которого при переводе придаст русскому тексту ненужную помпезность. Например, в следующем отрывке

عرفت فؤاد سراج الدين منذ ما يقرب من خمسة وعشرين عاما! عرفت هذا العملاق مع بداية عودة الأحزاب السياسية أثناء عملي في جريدة الأحرار.
слово *عملاق* не следует переводить словарным соответствием *гигант*, уместнее будет снизить пафосную оценку и употребить выражение *этот большой человек*. Напротив, сниженный регистр в тексте, написанном на АЛЯ, не выражается на уровне лексики. Исключение составляет вкрапление диалектных речений. Например, в следующем отрывке из фельетона

حياته عبارة عن الوظيفة والتلفزيون وكفى... أما طلبات البيت واحتياجات الأولاد فهي من اختصاص الزوجة «وهو مش عاوز وجم دماغ».
выражение среднего регистра речи *احتياجات الأولاد* (букв.: *нужды детей*) уместно перевести как *возня с детьми*, а выделенную в кавычках диалектную фразу как *он не собирается забивать себе этим голову*.

ЛЕКЦИЯ 16

СЛОВАРИ: ПОМОЩЬ ПЕРЕВОДЧИКУ

Значение справочной литературы для переводчика. Типы словарей. Особенности подачи материала в словарях.

Справочная литература делится на ту, которая содержит энциклопедические знания (энциклопедии, ежегодники, отраслевые справочники), и ту, которая содержит языковые знания (словари). Переводчик обращается к помощи справочной литературы постоянно, хотя частота этого обращения зависит от уровня переводческой компетенции и от вида перевода. Чем выше уровень переводческой компетенции, тем реже возникает необходимость получить помощь от справочной литературы. Уровень переводческой компетенции влияет и на выбор справочной литературы: начинающий переводчик чаще работает с двуязычными словарями, опытный переводчик чаще обращается к специальным и толковым словарям. Что касается видов перевода, то при прямых переводческих контактах обращение переводчика к справочной литературе происходит, что называется, «пост фактум»: закончив перевод, настоящий переводчик обязательно старается пополнить недостаток своих знаний, который он почувствовал во время перевода, чтобы в следующий раз этой проблемой у него было меньше.

Для успешной работы со справочной литературой переводчику необходимо *знать* номенклатуру этой литературы, *иметь доступ* к ней и *уметь* ею *пользоваться*. В первую очередь это касается словарей.

Как известно, словари делятся на толковые одноязычные и переводные дву- и многоязычные. В особую группу выделяются специальные словари.

1. Толковые словари содержат толкование, объяснение значений слов, включенных в словник и расположенных в опреде-

ленном порядке. Основная функция толковых словарей — раскрыть значение слова через толкование значения, дефиницию. Мера точности зависит от: а) степени сложности значения; б) от искусства составителя; в) от лексикографической традиции.

Отечественная лексикография (наука о составлении словарей) предлагает переводчику толковые словари В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова, 35-томный академический словарь русского языка, в которых отражаются основные принципы русской лексикографической традиции¹.

Арабская лексикография имеет ряд существенных отличий от отечественной.

Во-первых, современные арабские толковые словари появились на базе многовековой лексикографической арабской традиции, основы которой закладывались в VIII — XIII вв.² В этот период появилось огромное число работ, разнообразных по типу, объему, строению, главной авторской идее. Были выпущены простые реестры слов, связанных с качествами человека и свойствами окружающего его животного и растительного мира; перечни редких, малоупотребительных слов; глоссарии диалектной лексики; глоссарии заимствованной лексики; словари необычных слов (غريب), слов в Коране и хадисах; лексико-грамматические сочинения на какую-либо одну или несколько словообразовательных моделей; общезыковые толковые словари с разнообразными подходами к упорядочению лексического материала.

В основе мотивации возникновения арабской лексикографической традиции лежат два момента: религиозный (стремление распространить изучение Корана и хадисов на арабском языке) и поэтический (сделать доступным для читателя понимание доисламской поэзии — شعر).

Главными принципами аранжировки корневых гнезд являлись:

1) дифференциация корней в зависимости от количества корневых согласных (от двух до пяти);

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 462–464.

² См.: Рыбалкин В. С. Арабская лексикографическая традиция. Киев, 1990.

2) свобода в выборе употребляемого алфавита: фонетический (с вариациями), общепринятый — أبث, традиционный семитский — أبجد;

3) свобода выбора порядка алфавита (прямой, обратный, смешанный);

4) комбинаторные перестановки в пределах исходного набора корневых согласных (метатезные изменения корня) и др.

Арабские средневековые историки и библиографы относили арабскую лексикографию к «арабским наукам» (علوم العرب) в отличие от «античных наук» (العلوم القديمة - علوم الأوائل), подчеркивая автохтонное происхождение арабской лексикографической традиции. Однако, многие современные западные и арабские исследователи отмечают влияние лексикографии санскрита и александрийской эллинистической школы. Хотя в последней не было стремления охватить весь словарный состав языка (например, глоссарии лексикона произведений Гомера), лексикография была полноправной ветвью античной науки, особенно во времена Аристофана Византийского (257–180 гг. до н. э.).

С другой стороны, многие идеи и практические разработки арабской лексикографии в дальнейшем были взяты на вооружение другими народами: евреями, персами, турками.

Древние арабские словари содержали надежный и апробированный материал, хотя пользоваться этими глоссариями было очень сложно из-за отсутствия прозрачного формального построения.

Наиболее ранний опыт регистрации всего словарного запаса языка считается знаменитый труд басрийского филолога ал-Халила ибн Ахмада ал-Фарахиди (ум. в 791 г. в возрасте 74 лет) «Китаб ал-Айн» «كتاب العين». От него ведет начало арабская лексикография толковых словарей, его влиянием в той или иной мере отмечены все последующие словари. В предисловии к словарю излагаются принципы его построения, которые позже неоднократно уточнялись. Так, Абу Бакр Мухаммад ибн аль-Хасан ибн Дурайда (837–934) в своем

словаре «ал-Джамгара фи (илм) ал-луга» отказался от фонетического алфавита в пользу общепринятого. Следующий шаг в этом направлении сделал Абу Наср Исмаил ибн Хаммад ал-Джавхари (ум. не позднее 1010 г.), составивший словарь «Тадж ал-луга ва сихах ал-арабийи», известный под более кратким названием — «ас-Сихах». Этот словарь — эпоха в арабской лексикографии, его дополняли, комментировали, переиздавали, переводили на другие языки (на турецкий и персидский). Алфавит в этом словаре был общепринятый, в нем не было классификации корней по количеству корневых согласных, но корни были расположены по последней корневой. В известном смысле это был словарь рифм.

Впервые полный алфавитный принцип использовал в общезыковом толковом словаре «Аса:с ал-бала:га» его составитель аз-Замахшари (1075 — 1144). Он также разграничил прямые (حقيقة) и метафорические (مجاز) значения.

В настоящее время наиболее распространенными толковыми арабскими словарями являются следующие:

المنجد في اللغة و الادب و العلوم - المعجم الوسيط لمجمع اللغة العربية
- الرائد، معجم لغوي - محيط المحيط - المعجم الوسيط لمجمع اللغة العربية.*

Основной трудностью, с которой сталкивается переводчик, впервые обращающийся к арабскому толковому словарю, является характер объяснения значения слова.

Дело в том, что наряду с толкованиями, сходными по полноте и точности с толкованиями, которые даются в русских словарях, а иногда и превосходящими их по этим параметрам.

(التفاح - ج تفافيح (ن): شجرة من فصيلة الورديات ينتج ثمارا لحمية قاسية تمكن من حفظها طويلا. تؤكل طريئة و يصنع منها رب لذيذ (ثمر شجر التفاح).

— Ср.: **яблоня** — фруктовое дерево из сем. розовых с шаровидными съедобными плодами, в арабском толковом словаре значительное число толкований таковыми не являются. Известный арабист Дмитрий Владимирович Фролов выделил четыре типа араб-

ских толкований, которые нарушают привычную нам логику, так как содержат ошибку «круг в определении» (по Аристотелю):

— толкование *этимологическое* (اللفظ *бросание, говорят: «Съел финик и выбросил косточку»*);

— толкование *негативное* (كبير *против «малый»*);

— толкование *экземплификативное* (الاسم *«человек», «лошадь», «стена»*);

— толкование *словесное* (الإعراب — это выражение значения с помощью членораздельных звуков).

Сохранение подобных толкований лишний раз подтверждает правильность выводов об особенностях арабской номинации (см. лекцию 4) и об особенностях мышления арабов, в менталитете которых доминируют психосемантические установки на высокую степень семантической интеграции и на чувственное восприятие окружающего мира. Благодаря этим особенностям в толковании многих слов оказывается достаточным указать арабским пользователям на родовое понятие (влияние ДВСИ) и / или на тот конкретный материальный денотат, который лежал в основе номинации данным словом (влияние СДЧВ).

Другой особенностью подачи материала в арабском толковом словаре является порядок подачи значений многозначных слов.

Во-первых, чаще в начале статьи дается толкование, связанное с материальным денотатом, даже если это значение слова очень редко реализуется в современных текстах. Например, для слова تصدير толковый словарь المنجد الأبجدي первым значением дает *шля для верблюда* (الحزام في صدر البعير) и лишь вторым — *экспорт* (هو ان تورد إلى الخارج منتوجات الأرض والصناعة).

Во-вторых, при подаче материала в большинстве арабских толковых словарей отсутствуют привычные для русского переводчика цифры, разделяющие значения слова. Их заменяют специальные значки, с которыми следует ознакомиться до начала работы со словарем.

¹ Фролов Д. В. Способы оформления понятий в традиционной арабской грамматике // Проблемы арабской литературы. М., 1987. С.179.

Следующей особенностью арабских толковых словарей является широкое использование в них условных обозначений — буквенных сокращений, различных скобок и уже упоминавшихся специальных значков. Объяснение условных обозначений дается в предисловии к словарю, и переводчику, чтобы не потерять часть информации, содержащейся в словарной статье, необходимо предварительно усвоить значения этих символов.

Наконец, следует отметить, что хотя составители арабских словарей используют корневую систему расположения материала (корни расположены по алфавиту, а слова, образованные от данного корня, образуют подстатьи, которые также располагаются по алфавиту), существует алжирский вариант известного словаря المنجد, в котором по алфавиту расположены не корни, а слова — المنجد الأبجدي, а также изданный в Тунисе القاموس الجديد للطلاب.

Пользование словарем алфавитного типа, во-первых, затруднено, поскольку арабисты изначально привыкают к словарям, в которых слова расположены по корневому принципу. Во-вторых, объективно эти словари не дают представления о живой связи, существующей в арабском вокабуляре между однокорневыми словами, и тем самым лишают пользователя возможности приобрести знание о семантическом инварианте корня и о существующей в сознании арабифона сетке понятий инвариантов корней.

Несмотря на отмеченные трудности, переводчик, научившись правильно пользоваться арабскими толковыми словарями, откроет для себя путь к пониманию того, как развивалось значение арабского слова, найдет ценную синтаксическую (употребление с определенными предлогами, сочетаемость с субъектами или объектами действия, различными по одушевленности или числу) и прагматическую информацию, сможет сформировать в своем сознании живой образ арабского слова. Другими словами, внимательно проанализировав данные толкового словаря, переводчик может получить то, чего не сможет получить в переводных словарях, где эта информация пока не получила своего выражения.

В качестве иллюстрации ниже приводятся статьи арабского глагола أنعم из арабско-русского словаря Х. К. Баранова и из المنجد الأبجدي, сопоставить и проанализировать различия между которыми Вам предлагается самостоятельно.

Арабско-русский словарь	المنجد الأبجدي
1) награждать (чем-л. ب.); даровать; жаловать (кого-л. ب.); 2) вникать (во что-л. في); внимательно, усердно делать (что-л. ب.); 3) делать приятным; оказывать благодеяние;	جعلناه ناعما هو — في الأمر: بالغ فيه وأجاد هو — النظر في المسألة: حقق النظر فيها و بالغ هو — فلان: رفقه : ما يقال: أنعم الله صباحك أي جعله ذا لين ورغد. وكثر حذف الهمزة والنون بكثرة الاستعمال فيقال: عيم صباحا أو عيم مساء هو — الله النعمة عليه و — ه بالنعمة : أوصلها إليه هو — الله بك عينا : أقر بك عين من تحبه أو أقر عينك بمن تحبه هو — الرجل : أفضل وزاد

¹ См. выходные данные словарей в списке литературы в конце книги.

	و — له : قال له نعم و — القوم : أتاهم حافيا و — صديقه : شيعه حافيا
--	--

2. **Двуязычные словари.** Задача двуязычных словарей¹ состоит в том, чтобы дать возможно большее число соответствий слову ИЯ в ЯП, отложившихся в традиции языковых контактов. Для уточнения семантической информации даются специальные пометы функционально-стилистического характера, а в ряде словарей с этой же целью используются иллюстрации. Кроме семантической информации, двуязычные словари дают минимум грамматической информации (род, число, словоизменятельные формы и т. д.).

Двуязычные словари различаются по объему словника (большие, средние, карманные) и по объему грамматической информации (обычные, учебные).

Переводчику, особенно тому, кто занят контактными видами перевода, необходимо усвоить как можно больше эквивалентов и вариантных соответствий, предлагаемых двуязычным словарем. Однако, следует помнить, что имеющиеся арабско-русские и русско-арабские словари не предназначены для обеспечения переводческой деятельности. Они могут служить лишь стартовой площадкой для поиска нужного решения в условиях постоянно меняющихся контекстов употребления слова.

Арабско-русские словари. Для переводчиков-арабистов самым востребованным словарем остается Арабско-русский словарь Х. К. Баранова, который относится к словарям общего типа и включает 42 тысячи слов. Дополнительную помощь переводчику могут дать Учебный арабско-русский словарь Г. Ш. Шарбатова, который при меньшем объеме словника содержит больше фразеологического материала, а также составленный по алфавитному принципу Арабско-

¹ См. выходные данные словарей в списке литературы в конце книги.

русский словарь В. М. Белкина, отличающийся многими уточнениями в разработке словарной статьи.

Русско-арабские словари. Единственным большим русско-арабским словарем до сих пор остается Русско-арабский словарь В. М. Борисова, вызывающий много нареканий (особенно со стороны начинающих переводчиков) из-за отсутствия в нем достаточной информации о функциональных особенностях арабских соответствий как единиц обозначения, а также из-за встречающихся буквальных переводов русских фразеологизмов. Переводчик может пользоваться Учебным русско-арабским словарем Г. Ш. Шарбатова, который содержит 16 тысяч наиболее употребительных слов современного русского языка и около 21 тысячи свободных и устойчивых словосочетаний, а также идиоматических выражений, пословиц и поговорок.

Из *иностранных двуязычных словарей* переводчику полезно иметь в личной библиотеке Англо-арабский и Арабско-английский словари братьев Ильяс. Эти словари отличаются достаточно большим словником, который пополнялся от издания к изданию, хорошо продуманная подача материала, обилие функционально-стилистических помет и использование множественных семантических символов и иллюстраций.

3. **Специальные словари** включают словари, словник которых отражает лишь определенные тематические или функциональные пласты лексики. Специальные словари делятся на одноязычные и переводные.

Из существующих *специальных одноязычных арабских словарей* отметим два словаря: *رفائيل نخلة اليسوعي — منجد في المترادفات وا* и «Краткий словарь слов, отмеченных ассоциативной связью по сходству или противоположности значения», приведенный в книге Н. Д. Финкельберг «Общественно-политический перевод. Семантические особенности арабской речи».

Словарь Йасу отличается смешанным характер справочной части, в которой наряду с синонимами приводятся тематические варианты. В словаре много лексикографических недоработок, касающихся слов-

ника, системы перекрестных ссылок, унификации принятых символов и т. д. Тем не менее этот словарь во многом помогает переводчику уточнить арабскую национальную картину мира, поскольку в словаре отражаются существующее привычное для араба деление понятий и бытовые особенности жизни арабского общества. Словарь составлен по корневому принципу (хотя корни графически не выделяются) и содержит большое число специальных значков для передачи грамматической и семантической информации.

Словник второго упомянутого выше словаря содержит 1500 слов, образованных от 750 корней, и составлен на материале языка современной арабской прессы и современных произведений арабской художественной литературы. В справочной части словаря приводятся синонимы, антонимы, а также слова, связанные с заглавным словом родо-видовыми отношениями или сходством по тезаурусу. Тип отношений между заглавным и справочным словом отмечен соответствующим условным значком. Каждая пара заглавного и справочного слова неоднократно встречалась в текстах в виде копулятивного словосочетания, которое представляет собой традиционное изобразительное средство, излюбленную риторическую фигуру эмоционально-экспрессивной арабской речи и выполняет ряд специфических функций. Каждая пара слов иллюстрируется примерами. Этот словарь в отличие от всех других ориентирован в первую очередь на его использование переводчиками.

Переводные специальные словари, которыми может воспользоваться арабский переводчик, представлены множественными дву- и многоязычными тематическими словарями, неполный список которых приведен в списке литературы в конце книги, а также единственным на сегодняшний день русско-арабским фразеологическим словарем, составленным А. М. Фавзи и В. Г. Шкляровым.

В последнее время в лексикографии все чаще встречаются мнения, что при создании словаря следует ориентироваться на конкретную группу пользователей. Группа может иметь языковую, профессиональную или социальную характеристику. Такие словари уже появились. Так, упоминавшиеся выше словари Г. Ш. Шарба-

това составлялись в расчете на арабов, изучающих русский язык; тематические словари ориентированы на пользователей, которые работают с текстами определенной специальности; арабский толковый словарь *القاموس الجديد للطلاب* рассчитан на студентов, изучающих в Тунисе арабский язык, и т. п.

Во второй половине прошлого века заговорили о необходимости создания *специального переводческого словаря*, но эта идея пока так и не была реализована. Первые конкретные шаги в этом направлении недавно предприняты для русско-английской комбинации языков усилиями П. Палажченко, выпустившего два словаря, названных им «несистематическими», а также «Жизнь имен, или Необыкновенные приключения антропонимов, географических названий и др. имен собственных в английском и русском языках». Все три книги содержат сведения лексикологического, лексикографического и культурно-лингвистического характера, которые имеют функциональную ориентацию на то, чтобы обеспечивать непосредственно переводческую деятельность. Для русско-арабской комбинации языков пока нет ничего подобного. Однако автором данных лекций предложена следующая информационная схема справочной части словарной статьи будущего арабско-русского переводческого словаря для русских арабистов-переводчиков. По мысли автора, справочная часть должна включать: 1) грамматическую информацию, традиционно фиксируемую во всех типах арабских толковых словарей; 2) толкование инвариантного значения арабского слова, его семантического потенциала (например, для масдара *تعرض* с предлогом *ل* таким толкованием может быть *состояние открытости для внешнего воздействия*); 3) информацию о синтаксических позициях и категориальной валентности слова в речи (например, для глагола *تعرض لـ* — *предикат как при одушевленном, так и при неодушевленном субъекте; предложно управляемый объект — имя неодушевленное, чаще масдар*); 4) информацию о лексической валентности (например, для того же глагола могут быть приведены следующие примеры *تعرض البلد* — *للقصف* и т. д.); 5) информацию об ассоциативной связи слова в релятивных файлах (например, при слове *عدل* даются синонимы *حق* и *انصاف* и антоним

ظلم); 6) информацию о диалектных синонимах с возможным указанием арсала использования диалектизма; 7) информацию о наиболее частотных русских соответствиях (например, для глагола ...ل تعرض *подвергаться чему-л.; отдаваться, предаваться чему-л.; быть подверженным чему-л.; также русские глаголы, понятийное значение которых соответствует понятийному значению арабского предложного объекта при глаголе تعرض للمرض - заболеть; تعرض للنبا *сообщать, передавать сообщение*); 8) возможную страноведческую информацию (например, при слове تنظيم — терминологическое обозначение Арабского социалистического союза, единственной политической организации, легально существовавшей в Египте при Гамале Абдель Насере и распущенной Садатом в 1977 году).*

Составление переводческого словаря такого типа для арабистов — дело будущего. Сегодня реально можно говорить лишь о возможном составлении селективных переводческих словарей, объем которых определяется накопленным знанием и более узким назначением словаря (например, переводческий арабско-русский и русско-арабский словарь для двустороннего перевода).

В заключение следует сказать, что профессиональный переводчик стремится собрать у себя как можно более полную личную библиотеку справочной литературы энциклопедического характера и словарей различного типа, как одноязычных (начиная со словарей русских синонимов и антонимов, русского фразеологического словаря и т. п.), так и дву- и многоязычных, как толковых, так и переводных и специальных словарей. Собранная в справочной литературе информация, расположенная таким образом, чтобы обеспечить пользователю легкость поиска нужной ему информации, позволит переводчику восполнить пробелы в его знаниях. Собранный в словарях опыт лингвистов и переводчиков поможет переводчику постоянно совершенствоваться в знании лексики родного и иностранного языков, без чего нет необходимой базы для профессиональной переводческой деятельности.

ЛЕКЦИЯ 17

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Экстралингвистические особенности явления «чужеродности» в межкультурном общении. Особенности учета социокультурного аспекта при устных видах перевода: характерные черты устной речи; арабский менталитет; требования к устному переводчику.

«Чужеродность» в процессе межкультурной коммуникации проявляется на уровнях, различных по своей природе, как лингвистических (языковая система и речевая реализация системы), так и экстралингвистических (мышление, национальные особенности, связанные с материальной культурой, социальными институтами, нравственными оценками и т. д.). Выполнение профессиональной задачи переводчиком предполагает, что он должен быть не только билингом, но и бикультурным.

Осознание культурной чужеродности и умение преодолевать ее негативное влияние на ход двуязычной коммуникации — обязательное условие для того, чтобы переводчик способствовал решению тех неречевых задач, которые составляют суть общения разноязычных (разнокультурных) коммуникантов.

В предыдущих лекциях проблемы лингвосоциокультурной чужеродности затрагивались постоянно. Однако они рассматривались главным образом под углом зрения трудностей для понимания переводчиком арабского текста при зрительно-письменном переводе. В настоящей лекции мы сосредоточим внимание прежде всего на личностной характеристике арабского коммуниканта и на трудностях, с которыми сталкивается переводчик при устных видах перевода. Когда переводчик осуществляет устный перевод, он является свидетелем возникновения арабского текста и включается в эмоциональную атмосферу происходящего общения разнокультурных коммуникантов. Чтобы выполнить свою профессиональную задачу перево-

дчику необходимо знать те особенности менталитета разноязычных коммуникантов, которые проявляются не только в их речевых поступках, но и в их поведенческих пристрастиях.

Напомним, что переводчик черпает информацию не только из текста, но получает ее и по нетекстовым каналам. В теории перевода информацию, идущую по нетекстовым каналам, принято называть **фоновой информацией**. Наиболее эксплицитными каналами для передачи фоновой информации являются: **речевая ситуация** (ситуация переводческого акта общения разноязычных монолингвов), когда при их прямом контакте фоновая информация может передаваться с помощью *кинетических* (взгляды, мимика, жесты) и *визуальных* (карты, рисунки и т. п.) средств; и **реальная, или предметная, ситуация** (реальная ситуация, описанная или упомянутая в тексте). При речевом общении коммуникантов информация распределяется по различным — текстовому и нетекстовому — каналам, при этом одним из определяющих факторов является умение адресанта в рамках конкретной речевой ситуации распределить информацию по текстовым и нетекстовым каналам с учетом принимающей способности адресата, его умения соотнести семантику текста со всей суммой фоновой информации. При прямом контакте коммуникантов возрастает роль фоновой информации, которая передается через канал речевой ситуации.

Переводчику, чтобы осознать смысл сказанного, т. е. получить доступ к деятельностно-психическим сущностям, оказывается недостаточно осознать *сверхсуммарную сущность* значений единиц, составляющих текст. Смысл есть имплицитированный конструкт, который создается под действием разнотелостных факторов. Эти факторы включают в себя, помимо содержания и функционально-стилистической характеристики текста, психосемантическую близость коммуникантов, степень сложности предмета речи, важность акта речевого поступка для одного из коммуникантов, условия осуществления акта коммуникации, языковую коммуникативную компетенцию коммуникантов и т. д. Смысл создается не в отмеренных словах, а в создающемся между ними напряженном

пространстве, осознаваемом коммуникантами. Смысл не слышится и не читается, а переживается. Он создается из осознания **содержания** текста в конкретной ситуации речевого общения.

Рассмотрим три аспекта осознания переводчиком фоновой ситуации в устных видах перевода: 1) особенности устной речи; 2) проявление особенностей арабского менталитета в условиях прямого межкультурного общения; 3) особые требования, предъявляемые к переводчику при устных видах перевода.

1. При устном общении резко возрастает число *тематических* и *целевых* высказываний (см. лекцию 9). Диалоги часто строятся почти целиком из подобных высказываний, благодаря чему собеседники получают возможность обмениваться мыслями за более короткий промежуток времени, только обозначая стандартную ситуацию (тематическое высказывание) или озвучивая только рематическую часть реплики (целевое высказывание). Поскольку эта особенность устной речи характерна и для арабов и для русских, переводчик должен заботиться лишь о том, чтобы, осуществляя перевод, не нарушить привычных для каждого из коммуникантов норм такого общения. Например, арабский адресант, выражая соболезнование (*البقية في حياتك يا ...*!), ждет от адресата вербальной реакции (*حياتك الباقية يا ...*!), тогда как русский человек в подобной ситуации часто отвечает ритуальным молчанием и пожатием руки. Переводчик должен позаботиться, чтобы молчание русского адресата не было истолковано арабским коммуникантом неправильно и не вызвало у него нежелательной реакции, в лучшем случае недоумения. Переводчику следует располагать большим набором арабских и русских тематических высказываний, с помощью которых выражаются просьбы, согласие, отказ, утверждение, предположение, сомнение, неодобрение, удивление, сожаление, пожелание и т. п. Причем он должен владеть этими высказываниями в разных речевых регистрах¹, в соответствии с особенностями функционально-стилистической стратификации

¹ См.: Финкельберг Н. Д. Общественно-политический перевод. Семантические особенности арабской речи. С. 10–18.

каждого языка. Также он должен знать наиболее распространенные формы вопросительных конструкций¹, часто встречающихся в интервью и в диспутах, и так называемые «пустые речения» типа *Откровенно говоря*, ... — *أصارك بان...*; *Если хотите знать*, ... — *إن جاز التعبير* ... и т. п.²

При переводе целевых высказываний переводчик также может использовать эллиптированные формы выражения смысла, если он чувствует, что оба коммуниканта адекватно воспринимают недостающую часть высказывания по нетекстовым каналам информации *речевой ситуации* и общение между ними не нарушается. Однако ему следует помнить, что если арабский коммуникант использует арабский литературный язык, то перевод русского целевого высказывания арабской эллиптированной формой будет снижать речевой регистр и правильнее использовать для перевода русского эллиптированного выражения полное арабское предложение.

Перевод арабского целевого высказывания может осложниться из-за фоновой информации, которая передается арабским адресантом по каналу *реальной ситуации* и в таком виде останется не понятой русским адресатом. Фоновую информацию чаще всего несут так называемые **прецедентные феномены**. Прецедентными феноменами являются ситуации (например, *Ходынка*), тексты (тексты литературных произведений, песен, рекламы и т. п.), имена (например, *Ломоносов*) или высказывания (например, *кто виноват и что делать?*, а также пословицы). Национальные ПФ — «феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу»³. Например, если русский коммуни-

кант задает вопрос о последствиях рискованного шага, который был сделан неким египетским политиком, и получает лаконичный ответ *والنيل وشاح النيل*, то переводчик обязан озвучить фоновую информацию и сообщить русскому адресанту, что политик награжден высшей государственной наградой Египта орденом *Меч Египта*.

В устном общении коммуниканты часто прибегают к использованию пословиц и поговорок. Переводчику следует держать в оперативной памяти соответствия для наиболее часто употребляющихся в речи русских речений этого типа. Например: *Волков бояться — в лес не ходить*. — *لا عيش لمن يضاجع الخوف، من خاف ابن عرس لا يربي*. — *من شب على شيء شات عليه +*; *Горбатого могила исправит*. — *يَمُوت الزمار وصباغه يلعب، قطع الوريد ولا قطع العوايد*. *Каши маслом не испортишь*. — *زيادة الخير خيران*; *Первый блин комом*. — *أول الغزو أخرق*. — *من تأنى نال*; *Тише едешь — дальше будешь*. — *أول الرفص تحنجلة*. *Утро вечера мудренее*. — *الصباح (أدرك) ما تمنى*. *العجلة من الشيطان*. Он также должен понимать значение арабских пословиц и поговорок, которые часто встречаются в арабской речи, но не имеют образных соответствий в русском языке либо имеющееся соответствие не полностью передает все оттенки значения арабского фразеологизма. Например: *عند الامتحان يكرم المرء* (при экзамене человек получает уважение); *يهران من أراد كله فاض عليه جله*; *أو* и т. п. В этом случае переводчик может дать описательный перевод или перевести приблизительно, сохранив только смысл.

Некоторые устные переводчики предпочитают именно такой перевод, вместо того чтобы использовать соответствие, опасаясь, что коммуникант использует полученный образ в своем следующем высказывании, что создаст трудности для перевода. Например, если араб, говоря о тесноте помещения, использовал привычный для него образ набитого кроликами садка (مثل حظائر الأرانب), а переводчик перевел как *сельди в бочке*, то что ему прикажете делать, если русский адресант в ответ пошутит: *Да и сельдка-то не рижского посола?!* Если необходимо сохранить красочность речи, то

¹ См.: Финкельберг Н. Д. Общественно-политический перевод. Семантические особенности арабской речи. С. 22–23.

² Там же. С. 66–67.

³ Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002. С. 50. «Прецедентные феномены — это феномены, 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» (См. там же. С. 58).

безопаснее предварить перевод образного арабского выражения фразой *Как гласит арабская пословица...*, после чего в случае необходимости объяснить ее смысл.

Наконец, следует напомнить, что в устной речи арабский адресант может использовать не только арабский литературный язык, но гораздо чаще говорит на обиходно-разговорном языке, а в неофициальной обстановке может перейти и на территориальный или социальный диалект. Зная особенности стилистической стратификации арабского языка, переводчику не следует снижать регистр русской речи и переходить к использованию просторечных или фамильярных форм.

2. Устный переводчик арабско-русской комбинации языков обеспечивает общение людей, не только говорящих на разных языках, но и принадлежащих к разным мирам, отличным по исторической, физической и социальной среде обитания, по системе нравственно-этических ценностей, по господствующей идеологии, по нормам поведения живущих там людей. Без знания этих особенностей даже очень высокая языковая компетенция не гарантирует переводчика от ошибок при налаживании контактов между представителями двух таких разных культур.

Вот только несколько опасностей, которые подстерегают переводчика, если он не будет знать особенностей менталитета и поведения (в том числе и манеры речи) арабского коммуниканта:

— не зная, что в характере мышления арабофонов чувственное начало развито гораздо сильнее рационального, переводчик рискует не понять ход мысли арабского собеседника и тем самым лишит себя возможности прогнозировать его речевые поступки, что негативно отразится на процессе перевода; доказательства русского собеседника, построенные на логической основе, звучат для араба не так убедительно, как доказательства, где логику заменяют чувства;

— не зная склонности арабов к многословию и к множественным повторениям одной и той же мысли, переводчик также может

неправильно спрогнозировать ход мысли арабского адресанта, который вместо ожидаемых переводчиком нового поворота мысли или новой мысли будет давать множественный перифраз сказанного ранее;

— не зная склонности арабского адресанта употреблять длинные цепочки тематических высказываний в повторяющихся ситуациях общения (приветствие, прощание, пожелания, благодарности и т. п.), переводчик может создать неловкую паузу в разговоре, если он не располагает большим запасом русских речений подобного рода и не обладает творческой способностью адаптировать арабские высказывания, сглаживая лингвосоциокультурные различия;

— не зная особенностей арабского языка жестов, переводчик может потерять или исказить коммуникативно ценную фоновую информацию; как известно, арабы довольно часто прибегают к коммуникативно значимым жестам, «языку рук», например, только ладонью арабский коммуникант может передать ряд невербальных сигналов: ладонь, повернутая вниз, и движение ею так, будто что-то отбрасывается означает *уходи*; но если сделать движение ладонью, повернутой вниз, как бы собираясь сжать ее в кулак, то это означает *дай этот предмет мне*; если же двигать такой ладонью вверх-вниз, то это означает *не нервничай, хватит, спокойно*; если ладонь, повернутую вниз, резко повернуть вверх и повторить это движение несколько раз, то это трактуется как вопрос *что?, почему?*¹;

— не зная, что повышенный тон у араба не несет того негативного оттенка, который придает повышенный тон речи русского человека, переводчик может неверно истолковать эмоциональное состояние арабского адресанта, решив, что он сердится, тогда как он просто увлечен какой-то идеей;

— не зная, что в арабском обществе женщине отводится второстепенная роль, переводчица может быть неприятно удивлена снисходительным и недоверчивым отношением к ней со стороны арабского коммуниканта; в случае, если он знает русский язык и

¹ Шагал В. Э. Указ. соч. С. 116–117.

попытается вмешиваться в перевод, переводчице следует дипломатично уклоняться от споров с ним относительно правильности ее переводческих решений; такой же совет можно дать в аналогичной ситуации и переводчику-мужчине;

— не зная роли религии в повседневной жизни арабов и сугубой убежденности арабов в силе слова, переводчик может не понять информации о печальном или неприятном событии, которая будет излагаться арабом не прямо, а иносказательно, чтобы не навлечь беды;

— не учитывая возможности несовпадения восприятия одного и того же прецедентного феномена арабами и русскими, переводчик может неправильно истолковать фоновую ситуацию, которую имел в виду один из коммуникантов. Например, если Дон Кихот для русских — доблестный, бескорыстный, подчас наивный борец за справедливость, то для арабов Дон Кихот — человек не слишком большого ума, занимающийся ненужными делами.

Это далеко не полный перечень тех трудностей, с которыми сталкивается устный переводчик, которому приходится держать в поле внимания множественные расхождения в культурах двух разноязычных коммуникантов, не допуская, чтобы эти расхождения нарушили взаимопонимание в акте двуязычной коммуникации. Поэтому ему следует заботиться о приобретении лингвострановедческих знаний не в меньшей степени, чем о своей языковой коммуникативной компетенции. Для пополнения этих знаний очень поможет книга известного отечественного арабиста Владимира Эдуардовича Шагала «Арабский мир: пути познания», в которой собран богатейший материал об особенностях ценностных ориентиров арабов и основных принципах их мировоззрения, о семейном укладе жизни в арабских странах, о нравах арабского общества и этикете, о речевом поведении арабов, о роли ислама в жизни арабского общества и т. д.

Эту книгу следует настойчиво рекомендовать всем начинающим переводчикам.

3. Общение, протекающее в условиях «здесь» и «сейчас», добавляет в систему перевода элементы, которые отсутствуют в сис-

теме переводческого процесса, осуществляемого в условиях, когда переводчик работает только с текстами и лишь опосредованно реконструирует личности разноязычных коммуникантов в своем сознании. Такими элементами являются *физическое присутствие участников коммуникации, национальные особенности их речевого поведения, кинетический канал информации, который используется коммуникантами, и временной фактор принятия переводческих решений*. При прямом общении разнокультурных коммуникантов, переводчик не только является свидетелем возникновения арабского и русского текстов, но и сам включается в эмоциональную атмосферу происходящего общения людей, принадлежащих к разным культурам. Эти системные изменения процесса перевода изменяют естественное состояние работы сознания переводчика. Подобно тому, как хамелеон мгновенно изменяет свою окраску, так и в сознании переводчика происходят попеременные переходы от сознания одного монолингва к сознанию другого монолингва. При этом в его собственном сознании остаются неизменными участки, отвечающие за работу перекодирования получаемой информации. Научиться погружать свое сознание в такое особое состояние можно только путем приобретения специальных знаний, умений и навыков. Кроме того, работа устного переводчика предполагает наличие у него таких черт характера, как коммуникабельность, находчивость, смелость в принятии неординарных решений и т. п.

Переводчик в условиях прямого контакта разнокультурных коммуникантов обеспечивает тождество *интенциональных и референциальных реакций* на получаемые коммуникантами тексты. Реакции могут быть *интеллектуальными* (человек что-то воспринял разумом), *эмоциональными* (человек обрадовался или огорчился) и *смешанными* (человек воспринял разумом, и воспринятое вызвало у него, например, негодование). Переводчик, получив текст от адресанта и погрузив свое сознание в его сознание, понимает, на какую реакцию адресата рассчитывает отправитель

(т. е. осознает интенциональную реакцию). Затем, перестроив свое сознание на сознание инокультурного адресата и подключая центры лингвосоциокультурного перекодирования, создает текст перевода, который должен вызвать у адресата реакцию, тождественную той, на которую рассчитывал инокультурный коммуникант (т. е. референциальную реакцию). При этом переводчик, включившись в эмоциональную атмосферу общения, ощущает не только внешние реакции, проявляющиеся в языковых и неязыковых знаках, но и внутренние, так как последние могут предшествовать первым и, следовательно, обеспечат ему прогнозирование будущего высказывания и облегчат понимание этого высказывания.

Устный вид перевода — сложный психолингвистический процесс, который предъявляет к переводчику жесткие требования для работы в условиях, исключающих не только возможность обращения за помощью к справочной литературе, но и возможность длительного обдумывания решений. Осознать культурную чужеродность и уметь преодолеть ее негативное влияние на ход двуязычной коммуникации устному переводчику приходится, полагаясь только на собственные силы, и в строго заданном темпоральном режиме.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ЛЕКЦИЯМ

Лекция 1

1. Почему переводческая деятельность определяется как системный объект?
2. Что такое ОД и ОТ?
3. Какие две группы элементов входят в систему ОД и в систему ОТ?
4. Что отличает общую теорию перевода от частных теорий перевода?
5. Какими могут быть частные теории перевода?
6. Что отличает частную лингвистическую теорию перевода от других частных теорий перевода?
7. Какие группы проблем рассматриваются в ЧЛТП?
8. Какие группы проблем включаются в лингвистическую проблематику ЧТП арабского языка?
9. Чем отличается переводоведческое исследование лингвистических проблем от сравнительно-сопоставительного языкознания?

Лекция 2

1. Какие элементы входят в систему сознания монолингва? билингва? переводчика?
2. Какие вопросы входят в лингвосоциокультурную проблематику ЧТПАЯ?
3. Какие вопросы входят в психосемантическую проблематику ЧТПАЯ?
4. Почему лингвосоциокультурная проблематика имеет большое значение для развития ЧТПАЯ?
5. Почему психосемантическая проблематика привлекает особое внимание исследователей ЧЛТП восточных языков?
6. Что такое система психосемантических установок?

7. На каких этапах речемыслительной деятельности проявляется влияние СПСУ?
8. Что такое семантические доминанты?
9. Какие семантические доминанты выделяются в СПСУ арабского языка?
10. Какие из направлений исследования, перечисленных в лекциях 1 и 2, Вас заинтересовали? заинтересовали больше всего?

Лекция 3

1. В чем отличие смысла текста от содержания текста? Приведите примеры полного совпадения содержания и смысла короткого текста; неполного совпадения; полного несовпадения.
2. Чем отличается деятельность переводчика-адресата от деятельности обычного адресата?
3. Чем отличается деятельность переводчика-адресанта от деятельности обычного адресата?
4. Из каких операций состоит процесс именования?
5. Охарактеризуйте понятие сигнификата?
6. Почему сигнификат всегда имеет национальный характер?
7. Какие стороны номинации важны для переводчика?
8. Переводит ли переводчик отдельные слова? Если да, то в каких случаях?

Лекция 4

1. Как изменялся характер процесса номинации в АЛЯ на разных этапах развития языка?
2. Почему изменялся характер процесса номинации в АЛЯ на разных этапах развития языка?
3. Какие последствия (материальные и содержательные) имело явление аллотезы для вокабуляра АЛЯ?
4. Какие последствия (материальные и содержательные) имело явление метатезы для вокабуляра АЛЯ?

5. Что общего и что отличного у الاشتقاق الكبير и الاشتقاق الصغير, с одной стороны, и الاشتقاق الصغير — с другой?
6. Какая тенденция номинации в АЛЯ на современном этапе развития языка имеет прогрессивный характер?
7. Чем отличается характер отношений между прямыми и переносными значениями в семантике арабских слов от характера подобных отношений в семантике русских слов?
8. Что составляет главную отличительную черту арабской номинации от русской?
9. Чем отличается структура арабской системы понятий?

Лекция 5

1. Какие разделы арабского вокабуляра имеют особую национальную маркированность и требуют особого внимания переводчика?
2. Как нужно составлять переводческий словарь арабских синонимов и близких по значению слов?
3. Чем отличаются *реалии-денотаты* от *реалий-понятий* и *реалий-знаков*?
4. Какими путями идут процессы освоения новых реалий-денотатов, формирования реалий-понятий и их кодирования в знаке на современном этапе развития АЛЯ?
5. В чем заключается главное отличие арабских предлогов от русских?
6. В чем заключается главное отличие арабских неособственно предлогов от русских?
7. Что нужно знать переводчику об арабских глаголах состояния?
8. Чем можно объяснить значительность пласта глаголов состояния в арабском вокабуляре?
9. Что представляют собой арабские словосочетания, ориентированные в лексикон?
10. Чем можно объяснить значительность пласта словосочетаний, ориентированных в лексикон, в арабском вокабуляре?

Лекция 6

1. Каким образом образуется связь между национальным мирообразом и национальной системой вокабуляра?
2. Что такое *тезаурус*?
3. Чем отличается *тезаурус языкового коллектива* от *тезауруса личности*?
4. Что понимается под термином *файл* в современном языкознании?
5. В чем различие между *номинантом* и *ассоциатом*?
6. Какие практические выводы из файловой теории должен сделать переводчик, чтобы правильно формировать свою переводческую компетенцию?
7. В каких типах файлов национальные особенности арабской номинации выражаются особенно ярко?
8. Что такое *смешанный тезаурус*?
9. Как влияет расширение вокабуляра на количественную и качественную сторону сетки когнитивных понятий?

Лекция 7

1. Чем отличается *референция (обозначение)* от номинации?
2. Какие факторы влияют на адресанта в процессе референции?
3. Перечислите особенности арабской референции.
4. Чем различаются два подвида арабского типа обозначения, для которого характерна высокая степень семантической интеграции, когда арабский адресант использует слова с широким объемом понятия?
5. Какие трудности встречает переводчик, сталкиваясь с этим типом арабской референции?
6. Какие трудности встречает переводчик, если арабский адресант выбирает номинант из словообразовательных файлов?
7. Какие трудности встречает переводчик, если арабский адресант выбирает номинант из файлов корней?

8. Какие трудности встречает переводчик, если арабский адресант выбирает номинант из файлов семантически нагруженных фонем?
9. Какие трудности встречает переводчик, если арабский адресант выбирает номинант из когнитивных файлов, выделяя в обозначаемом объекте признаки, связанные с чувственными представлениями?

Лекция 8

1. Что понимается под терминами *реальная ситуация*, *референтная ситуация*, *предметная ситуация* и *речевая ситуация*.
2. Чем отличается *полнота* референтной ситуации от полноты кодирования референтной ситуации в тексте, т. е. от полноты предметной ситуации?
3. Чем отличается *латентность* референтной ситуации от латентности кодирования референтной ситуации в тексте, т. е. от латентности предметной ситуации?
4. Чем отличается *точность* референтной ситуации от точности кодирования референтной ситуации в тексте, т. е. от точности предметной ситуации?
5. Что такое *информационный предел* допустимого варианта референтной ситуации? предметной ситуации?
6. Что такое *эстетический предел* допустимого варианта референтной ситуации? предметной ситуации?
7. Перечислите национально маркированные типы опредмечивания референтной ситуации в арабском тексте, в которых обнаруживается влияние психосемантической установки на высокую степень интеграции семантических представлений.
8. В каких арабских языковых формах (синтаксических и лексических) чаще всего опредмечиваются типы референтной ситуации, в которых обнаруживается влияние психосемантиче-

ской установки на высокую степень интеграции семантических представлений?

Лекция 9

1. Что в теории перевода называется *фоновой информацией*?
2. По каким каналам передается фоновая информация в акте речевой коммуникации?
3. Раскройте содержание терминов *тематические высказывания, целевые высказывания и информативные высказывания*.
4. Перечислите национальные особенности состава (синтаксического и семантического) арабских клишированных выражений и словосочетаний.
5. Перечислите национальные особенности употребления арабских клишированных выражений и словосочетаний в тексте.
6. Какие приемы перевода арабских клише вы знаете?
7. Что такое *норма и узус*?
8. Чем вызвана избыточность синтаксических и морфологических признаков в арабском описании ситуации?

Лекция 10

1. Перечислите материальные и содержательные элементы системы *текст*.
2. Что понимается в теории перевода под термином *содержание текста*?
3. Что значит *понять содержание текста*?
4. Чем содержание отличается от смысла?
5. Что значит *понять смысл*?
6. Что такое *функциональные качества (категории) текста*?

Лекция 11

1. Чем достигается *связность и цельность* текста?
2. Перечислите приемы *коррелятивности*, с помощью кото-

рых достигается тематическая однородность арабского текста?

3. Чем отличается взаимосвязь компонентов арабского текста от взаимосвязи компонентов русского текста по степени эксплицитности?
4. Чем отличается взаимосвязь компонентов арабского текста от взаимосвязи компонентов русского текста по степени семантической четкости типа связи высказываний?
5. Что такое *мозаичный синтаксис*?

Лекция 12

1. Охарактеризуйте понятия *реального и авторского времени*.
2. Перечислите средства выражения темпоральных значений в арабском тексте.
3. Чем отличается темпоральное значение арабского глагола от темпорального значения русского глагола?
4. Какое арабское языковое средство выражения темпоральных значений играет главную роль в микрополе прошедшего времени?
5. Какое арабское языковое средство выражения темпоральных значений играет главную роль в микрополе настоящего времени?
6. Какое арабское языковое средство выражения темпоральных значений играет главную роль в микрополе будущего времени?
7. С помощью каких языковых средств выражается в арабском тексте *одновременность* событий?
8. С помощью каких языковых средств выражается в арабском тексте *неодновременность* событий?
9. Что такое *плоскостной синтаксис*?

Лекция 13

1. Что собой представляет *эмоционально-оценочное качество текста*?

2. Перечислите наиболее распространенные языковые *формы оценки* в арабском тексте.
3. Укажите наиболее частотные формы оценки в арабском тексте.
4. Какой единый строевой принцип свойствен большинству форм оценки в арабском языке?
5. По какому основанию различаются *виды оценки*?
6. Какие трудности встречает переводчик при передаче эмоционально-оценочного качества арабского текста, если не совпадают формы оценки?
7. Какие трудности встречает переводчик при передаче эмоционально-оценочного качества арабского текста, если не совпадают виды оценки?
8. Какие трудности встречает переводчик при передаче эмоционально-оценочного качества арабского текста, если не совпадает логика оценки?

Лекция 14

1. Для обозначения каких понятий употребляется слово *стиль* в языкознании?
2. В каких сферах социальной жизни арабского общества употребляется подсистема классического арабского языка? современного АЛЯ? обиходно-разговорного арабского языка? диалектов?
3. Кто составляет социальную группу пользователей подсистемой классического арабского языка? современного АЛЯ? обиходно-разговорного языка? диалектов?
4. В чем различие оформления речевых регистров в арабском и в русском языках?
5. По каким параметрам определяется функциональный стиль языка?
6. В чем состоит различие функциональных стилей в арабском и русском языках?

Лекция 15

1. Что называется *нарративными* текстами?
2. Какие типы нарративных текстов Вы знаете?
3. Что называется *аффективными* текстами?
4. Чем отличается информация, передаваемая в нарративных текстах, от информации, передаваемой в аффективных текстах?
5. Что отличает язык арабских нарративных текстов?
6. Что отличает язык арабских аффективных текстов?
7. Что устанавливает переводчик в предпереводческой фазе своей работы с текстом?
8. Что устанавливает переводчик в 1-ой фазе своей работы с текстом?
9. Чем отличается работа переводчика во 2-ой фазе его работы с нарративными текстами от работы переводчика во 2-ой фазе его работы с аффективными текстами?

Лекция 16

1. Какие типы словарей Вы знаете?
2. Какие Вы знаете русские толковые словари?
3. Какие Вы знаете арабские толковые словари?
4. Чем отличаются толкования, приводимые в арабских толковых словарях, от толкований, приводимых в русских толковых словарях?
5. Какими словарями пользуется переводчик, работая с арабскими текстами?
6. Какими словарями пользуется переводчик, переводя русские тексты на арабский язык?
7. Какие специальные словари может использовать арабский переводчик?

Лекция 17

1. В чем проявляется межкультурная «чужеродность»?
2. Чем отличаются тексты, с которыми работает письменный

переводчик, от текстов, с которыми работает устный переводчик?

3. По каким каналам передается при прямом общении разнокультурных коммуникантов фоновая информация?
4. Что такое *прецедентные феномены*?
5. Какие виды выделяются в прецедентных феноменах?
6. Какие русские прецедентные феномены Вы знаете?
7. Какие арабские прецедентные феномены Вы знаете?
8. Какие особенности арабского менталитета могут создать трудности для устного переводчика?
9. Какими качествами должен обладать устный переводчик?

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Абзацно-фразовый перевод — перевод, осуществляемый на уровне отдельных предложений или абзацев, переводимых последовательно один за другим.

Авторизованный перевод — перевод, получивший одобрение автора оригинального текста.

Авторский (авто-) перевод — перевод, выполненный автором оригинального текста.

Адаптивное транскодирование — вид языкового посредничества, при котором содержание оригинала передается в объеме и характере, заранее сформулированными заказчиком перевода.

Адаптированный перевод — вид адаптивного транскодирования, при котором в процессе перевода осуществляется упрощение структуры и содержания оригинала с целью сделать текст перевода доступным для лиц, не обладающих нужными познаниями для полноценного понимания сообщения.

Адекватный перевод — перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса языка перевода, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода.

Адресант — автор текста оригинала.

Адресат — лицо, которому предназначен текст оригинала, или лицо, которое получило текст оригинала.

Антонимический перевод — лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формой в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную, сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ЯП с противоположным значением.

Ассоциаты — не востребуемые элементы файла, один из элементов которого актуализирован в данном акте речевой коммуникации как **номинант**.

Аутентичный перевод — перевод официального документа, имеющий одинаковую юридическую силу с оригиналом; согласно международному праву текст договора может быть выработан и принят на одном языке, но его аутентичность установлена на двух и более языках.

Безэквивалентная лексика — лексические единицы ИЯ, не имеющие соответствий в ЯП.

Билингв — лицо, владеющее двумя языками.

Буквализм — ошибка переводчика, заключающаяся в передаче формальных или семантических компонентов слова, словосочетания или фразы в ущерб смыслу или норме и узусу ЯП.

Буквальный перевод — перевод, воспроизводящий формальные и/или семантические компоненты исходного текста, в результате чего нарушаются нормы и узус ЯП, либо оказывается искаженным или переданным действительное содержание оригинала.

Вариантное соответствие — один из возможных вариантов соответствия единице исходного текста в переводе.

Вербальная память — память, при которой происходит запоминание преимущественно слов, а не образов.

Вероятностное прогнозирование — умственные действия или операции при приеме информации, заключающиеся в предугадывании слов или словосочетаний до их произнесения адресантом.

Вольный (свободный) перевод — перевод, воспроизводящий основную информацию оригинала с возможными отклонениями — добавлениями, пропусками и др.; осуществляется на уровне текста, поэтому для него оказываются нерелевантными категории эквивалентности языковых единиц.

Высказывание — оформленная в речи законченная мысль, окончательный смысл которой зависит от конкретной или воображаемой ситуации.

Генерализация — лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение (видовое понятие), единицей ЯП с более широким значением (родовое понятие).

Грамматическая замена — прием перевода, при котором грамматическая форма в оригинале преобразуется в иную грамматическую форму ЯП.

Двусторонний перевод — последовательный устный перевод беседы двух разноязычных монолингвов; осуществляется с одного языка на другой и обратно.

Диахронический перевод — перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке одной из предшествующих эпох.

Денотат — предмет или явление, обозначаемое языковым знаком.

Добавления — см. Прием лексических добавлений.

Долговременная память — способность запоминать воспринятую информацию на долгий срок.

Дополнительная информация — информация, предназначенная для неподготовленного адресата.

Дословный перевод — способ перевода, при котором синтаксическая структура текста перевода воспроизводит синтаксическую структуру текста оригинала при механической замене слов ЯП аналогичными словами ИЯ.

Единица несоответствия — элемент содержания оригинала, не переданный или искаженный при переводе, или элемент содержания текста перевода, неправомерно добавленный при переводе.

Единица ориентированности при переводе — минимальный отрезок текста оригинала, смысловое восприятие которого позволяет переводчику приступить к поиску или выбору очередного переводческого решения.

Единица перевода — минимальная единица текста оригинала, которая переводится как единое целое, в том смысле, что ей можно отыскать соответствие в переводе, но нельзя обнаружить в переводе единиц ЯП, воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются.

Единица переводческого процесса — см. Единица ориентированности в переводе.

Единица эквивалентности — минимальная единица содержания оригинала, сохраняемая в переводе.

Жанрово-стилистическая классификация переводов — подразделение переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала на художественный и информативный перевод и функциональные подвиды перевода.

Жанрово-стилистическая норма — требования, которым должен отвечать перевод в зависимости от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю.

Завершенный перевод — перевод, соответствие которого оригиналу подтверждается юридически.

Закономерные соответствия — номинативные единицы в тексте перевода, адекватные номинативным единицам текста оригинала.

Замена — семантическая трансформация высказывания, при которой один и тот же элемент действительности обозначается на основе его различных взаимосвязанных или невязанных свойств (аспектов). При этом взаимосвязанные аспекты могут соотноситься друг с другом как причина и следствие, часть и целое, деятель и действие.

Зрительно-письменный перевод — см. **Письменный перевод**.

Инвариант — сенсорный фактор, который складывается в сознании переводчика на уровне корреляции значения и смысла текста оригинала и как таковой определяет деятельность переводчика на этапе создания текста перевода.

Информативный перевод — перевод оригиналов, не принадлежащих к художественной литературе, (общественно-политических, научно-технических, официально-деловых и пр.), т. е. текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на адресата.

Исторический перевод — см. **Диахронический перевод**.

Источник (информации) — создатель (автор) текста оригинала, отправитель сообщения.

Исходный текст — текст, предназначенный для перевода.

Исходный язык (ИЯ) — язык оригинала, язык, с которого делается перевод.

Калькирование — способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей — морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) — их лексическими соответствиями в ЯП.

Канонический перевод — см. **Официальный перевод**.

Ключевая информация — новые сведения, которые не могут быть подсказаны ни контекстом, ни ситуацией коммуникативного акта.

Ключевые слова — слова, несущие ключевую информацию.

Коммуникативная равноценность — способность текста выступать в качестве полноправной замены (в функциональном, содержательном и структурном отношении) другого текста. Коммуникативно равноценные тексты являются формами существования одного и того же сообщения и объединяются во едино (отождествляются) в процессе коммуникации.

Коммуникативный эффект — воздействие, произведенное на адресата в результате получения сообщения.

Компенсация — прием перевода, восполняющий неизбежные семантические или стилистические потери какими-либо другими языковыми средствами, причем необязательно в том же самом месте текста перевода, что и в оригинале.

Конвенциональная норма перевода — требования, которым должен отвечать перевод в связи с общепринятыми в данный период взглядами на роль и задачи переводческой деятельности.

Конкретизация — лексико-семантическая замена единицы ИЯ, имеющей более широкое значение (родовое понятие), единицей ЯП с более узким значением (видовое понятие).

Консультативный перевод — вид информативного перевода, осуществляется обычно в устной форме, включает элементы аннотирования, реферирования и выборочного перевода с листа, выполняется, как правило, в присутствии заказчика, уточняющего по ходу перевода интересующие его аспекты содержания текста оригинала.

Косвенный (вторичный, не прямой) перевод — перевод, осуществленный не непосредственно с текста оригинала, а с его перевода на какой-либо другой язык.

Лексико-семантическая замена — способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ЯП, значения которых не совпадают со значениями исходных единиц, но могут быть выведены из них с помощью логических преобразований определенного типа.

Лексический контекст — совокупность лексических единиц, в окружении которых используется данная единица текста.

Лингвистический контекст — языковое окружение, в котором употребляется данная единица языка в тексте.

Логическое развитие понятий — прием перевода, который заключается в замене одного понятия другим, связанным с первым как причина и следствие, часть и целое, орудие и деятель и пр.

Макроконтекст — см. Широкий контекст.

Межъязыковая (двуязычная) коммуникация — речевое общение между коммуникантами, пользующимися разными (двумя) языками.

Микроконтекст — см. Узкий контекст.

Модель перевода — условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые, можно осуществить процесс перевода всего оригинала или его части.

Модуляция (смысловое развитие) — см. Логическое развитие понятий.

Навык переключения — умение автоматизированно совершать операции по переходу с одного языка на другой для перевода единиц речи.

Норма перевода — совокупность требований, которым должен отвечать перевод.

Несоответствие — некоторое количество переданной или добавленной информации, вычленяемой в виде либо непереведенного речевого отрезка в исходном тексте, либо добавленного речевого отрезка в переводном тексте.

Номинация — обозначение с помощью языка какого-либо предмета, явления.

Норма переводческой речи — требования, которым должен удовлетворять язык перевода.

Норма эквивалентности перевода — требование максимально возможной смысловой близости перевода к оригиналу.

Нулевой перевод — отказ от передачи в переводе значения грамматической единицы ИЯ вследствие его избыточности.

Обозначение — см. Референция.

Образная память — способность запоминать воспринятую информацию посредством образов, представлений, переживаний.

Обратный перевод — экспериментальный или учебный перевод текста перевода на язык текста оригинала.

Общая теория перевода — научная концепция о сущности и особенностях двуязычной переводческой коммуникации, раздел

переводоведения, изучающий наиболее общие закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары контактирующих языков, способа осуществления процесса перевода и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода.

Объединение предложений при переводе — способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное.

Однотипное соответствие — грамматическое соответствие в ЯП, имеющее наименование, определение и грамматическое значение, аналогичное замещаемой единице ИЯ.

Окказиональное соответствие (контекстуальная замена) — нерегулярный, исключительный способ перевода единицы оригинала, пригодный лишь для данного контекста.

Оперативная память — произвольное, при наличии соответствующей установки, запоминание полученной информации.

Операции на формально-знаковом уровне — переводческие операции, осуществляемые без идентификации денотата на основе функционирования навыка переключения.

Описательный перевод — прием перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия. К этому приему прибегают, если в ЯП нет соответствующей номинации или она неизвестна переводчику.

Опущения — см. Прием опущения.

Оригинал — исходный текст в переводе. Текст, который переводят на ЯП.

Официальный (готовый к опубликованию) перевод — окончательный вариант перевода, представляемый переводчиком в качестве полноценного воспроизведения оригинала.

Перевод — 1) опосредованный знаковый речевой двуязычный акт коммуникации с участием посредника-переводчика. 2) Текст на одном языке (ЯП), коммуникативно равноценный тексту на другом языке (ИЯ).

Переводоведение — совокупность научных дисциплин, изучающих различные аспекты перевода.

Переводческая (межъязыковая) трансформация — преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода.

Переводческое соответствие — см. **Постоянное соответствие**.

Переводящий язык (ПЯ) — см. **Язык перевода (ЯП)**.

Перестановка — изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала. Элементами для перестановки являются слова, словосочетания части сложного предложения и самостоятельные предложения в строе текста.

Письменный перевод — вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом, письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться.

Письменный перевод на слух — письменный перевод текста, воспринятого на слух. Существует, главным образом, как учебный вид перевода (упражнения: перевод-диктовка, письменный перевод звукозаписи).

Полный (сплошной) перевод — перевод, передающий смысловое содержание оригинала без пропусков и сокращений.

Постоянное соответствие — единица ЯП, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ.

Повторная информация — информация, высказанная в данном тексте не в первый раз.

Полюценный перевод — см. **Адекватный перевод**.

Последовательный перевод — устный перевод текста после его прослушивания. Различают последовательный перевод с записью и **абзацно-фразовый перевод**, а также **односторонний перевод** (только с одного и того же языка на другой) и **двусторонний перевод**. Чаще всего последовательным переводом называют устный перевод на слух с записями как профессиональный вид речевой деятельности.

Пословный перевод — см. **Прием пословного перевода**.

Прагматика перевода (прагматический аспект перевода) — влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и обеспечить желаемое воздействие на адресата.

Прагматическая адаптация перевода — изменения, вносимые в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного адресата.

Прагматическая норма перевода — требование обеспечения прагматической ценности перевода.

Прагматическая ценность перевода — степень соответствия текста перевода тем задачам, для которых был осуществлен процесс перевода.

Прагматический потенциал текста — способность текста оказывать воздействие на адресата, вызывать у него интеллектуальную, поведенческую или эмоциональную реакцию на передаваемое сообщение.

Прагматически (функционально) адекватный перевод — перевод, правильно передающий основную (доминирующую) коммуникативную функцию оригинала.

Предметная ситуация — отрезок действительности, описываемый в высказывании.

Прецедентные феномены — это феномены, 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества.

Приближенный перевод — использование в переводе грамматической единицы ЯП, которая в данном контексте частично соответствует безэквивалентной грамматической единице ИЯ.

Прием лексических добавлений — использование в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала.

Прием опущения — отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых нерелевантны или легко восстанавливаются по контексту.

Прием перемещения лексических единиц — использование ближайшего соответствия переводимой единице ИЯ в другом месте высказывания в тексте перевода.

Прием пословного перевода — подстановка ближайших соответствий вместо лексических единиц оригинала при сохранении синтаксических связей между ними в качестве промежуточной стадии в процессе поиска оптимального варианта перевода.

- Процесс перевода (собственно перевод)** — действия и операции переводчика от восприятия текста оригинала до создания текста перевода.
- Прямой (первичный, непосредственный) перевод** — перевод, выполненный непосредственно с оригинала.
- Психолингвистическая классификация переводов** — подразделение переводов на виды и подвиды по способу (речевой форме) восприятия оригинала и создания текста перевода.
- Рабочий перевод** — предварительный перевод, эквивалентность которого ограничена лишь передачей предметно-логического содержания оригинала.
- Разнотипное соответствие** — грамматическое соответствие в ЯП, не совпадающее с исходной единицей по названию и определению.
- Реалии (национальные)** — предметы, явления, традиции, обычаи, составляющие специфику данной социальной общности, этнической группы. Реалиями также называют слова и словосочетания, обозначающие их. Большинство национальных реалий относится к безэквивалентной лексике.
- Реальная ситуация** — см. Предметная ситуация.
- Референтная ситуация** — образ реальной ситуации, мысль о ней. Существует только в сознании адресанта, формируя когнитивное содержание будущего текста.
- Референция (обозначение)** — речевое использование номинативных единиц для замещения в знаковой форме представленный адресанта о реальных и идеальных объектах окружающего мира.
- Рецептор (информации)** — см. Адресат.
- Реципиент** — см. Адресат.
- Речевая ситуация** — условия осуществления конкретного акта речевой коммуникации.
- Речевой слух** — слух, подготовленный для восприятия речи на том или ином языке.
- Свободный перевод** — см. Вольный перевод.
- Семантическая информация** — информация, содержащаяся в высказывании и передаваемая через значения единиц речи.

- Семантический буквализм** — ошибка переводчика в результате передачи семантических компонентов слова или словосочетания без учета других факторов.
- Синтаксический контекст** — синтаксическая структура, в рамках которой употреблено данное слово.
- Синтаксическое уподобление (дословный перевод)** — способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ЯП с сохранением набора полных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе.
- Синхронный перевод** — устный перевод, осуществляемый одновременно со слуховым восприятием исходного текста.
- Система записи в переводе** — вспомогательное средство памяти, включающее правила отбора и записи информации, поступающей к переводчику в последовательном переводе.
- Ситуативная модель перевода** — модель перевода, представляющая процесс перевода как процесс описания средствами ЯП той же ситуации, которая описана в оригинале.
- Ситуативный (экстралингвистический) контекст** — обстановка, время и место, к которым относится высказывание, а также любые факты реальной действительности, знание которых помогает адресату правильно интерпретировать значения языковых знаков в высказывании.
- Ситуационная информация** — информация, поступающая к адресату по экстралингвистическим каналам и способствующая акту коммуникации.
- Ситуационное клише** — стереотипное выражение, обязательное для данной ситуации. Например: *Говорит Москва!*, *Добро пожаловать!*
- Ситуация** — совокупность идеальных или материальных компонентов и связей между ними, существующих в момент речевого действия или описываемых в высказывании. См. также: **Реальная ситуация**, **Речевая ситуация**, **Предметная ситуация**, **Референтная ситуация**.
- Смешанный перевод** — перевод с использованием значительной доли традиционной (или машинной) переработки текста.

- Смысл высказывания** — содержание речевого произведения в данной конкретной ситуации, результат взаимодействия семантической и ситуационной информации.
- Смысловая доминанта** — наиболее важная часть содержания оригинала, которая должна быть непременно сохранена в переводе и ради сохранения которой могут быть принесены в жертву другие элементы переводимого сообщения.
- Смысловая память** — память, основанная на выделении и запоминании смысловых вех в речевом произведении.
- Смысловой анализ** — одна из важнейших операций переводчика при восприятии исходного текста. Имеет своей целью определение смысла, выделение смысловой доминанты и формирование инварианта.
- Сокращенный перевод** — перевод, при котором осуществляется опущение отдельных частей оригинала по моральным, политическим или иным соображениям практического характера.
- Сообщение** — информация, предназначенная для передачи.
- Сопоставительный анализ перевода** — анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием текста оригинала.
- Способ описания ситуации** — часть содержания высказывания, указывающая на признаки ситуации, через которые она отражается в высказывании.
- Субъективно-зрительный код** — внутренний язык человека, в котором отдельные слова соседствуют с образами, представлениями.
- Текст** — любая последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением.
- Тематические высказывания** — высказывания, содержание которых определяется заданной ситуацией (темой) и ситуационной информацией.
- Теория несоответствия** — теория, основывающаяся на том положении, что переводной текст всегда содержит некоторое количество информации, отсутствующей в исходном тексте, и что часть информации исходного текста не представлена в переводном тексте. Сопоставительный анализ текстов в переводе на ос-

- нове несоответствий дает возможность вскрыть особенности процесса перевода, выявить трудности работы переводчика, закономерности перехода с одного языка на другой.
- Точный перевод** — перевод, в котором эквивалентно воспроизведена лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных отклонениях от жанрово-стилистической нормы и узуальных правил употребления ЯП.
- Транскрипция** — способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее звуковой формы с помощью букв ЯП.
- Транслитерация** — способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее графической формы с помощью букв ЯП.
- Транспозиция** — перевод текста одного жанра или функционального стиля в другой жанр или функциональный стиль.
- Трансформационно-семантическая модель перевода** — модель перевода, представляющая процесс перевода как ряд преобразований, с помощью которых переводчик переходит от единиц ИЯ к единицам ЯП.
- Трансформация** — основа большинства приемов перевода. Заключается в изменении формальных или семантических компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи.
- Узкий контекст (микрконтекст)** — лингвистический контекст в пределах одного словосочетания или предложения.
- Уникальная информация** — см. **Ключевая информация**.
- Уровень (тип) эквивалентности** — степень смысловой близости оригинала и перевода, определяемая частью содержания оригинала, сохраняемой при переводе.
- Устный перевод** — вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной (устной) форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения.
- Уточняющая информация** — сведения, которые подразумеваются другими словами текста.

Учебный перевод — перевод, используемый в учебном процессе для подготовки переводчиков или как один из приемов обучения иностранному языку.

Фоновая информация — информация, поступающая по нетекстовым каналам.

Целевые высказывания — высказывания, смысл которых совпадает с целью речевых действий и определяется через соотношение ситуационной и семантической информации.

Частная теория перевода — раздел переводоведения, изучающий аспекты перевода.

Членение предложения — способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в ЯП.

Широкий контекст (макроконтекст) — лингвистический контекст, выходящий за пределы предложения, в котором употреблена данная языковая единица.

Эквивалент — равнозначное и постоянное соответствие, не зависящее от контекста.

Эквивалентность перевода — общность содержания (смысловая близость) оригинала и перевода.

Эквивалентный перевод — перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности.

Экспериментальный перевод — перевод, выполненный с исследовательской целью.

Экспликация (описательный перевод) — лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т. е. дающим более или менее полное объяснение этого значения на ЯП.

Экстралингвистический контекст — см. Ситуативный контекст.

Язык перевода (ЯП) — язык, на который осуществляется перевод.

Язык-посредник — промежуточный язык между исходным и переводным текстами, например, записи в последовательном переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белкин В. М. Арабская лексикология. М., 1975.

Боднар С. Н. Арабский язык. Жанр коммерческих деловых бумаг и их языковая специфика. М., 2002.

Вартанов Ю. П. Проблемы теории и практики литературного перевода с арабского. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. СПб., 1992.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963.

Губанов Ю. П. Стилистическая стратификация арабских фразеологизмов // Научно-практическая конференция. Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989.

Губанов Ю. П. Структурно-семантическая характеристика арабской военной терминологии (на материале военной терминологии Сирии и Египта). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1974.

Данилов И. С. О военной терминологии в арабских странах // Иностранные языки. 1965, №1.

Делокин Д. А. Некоторые аспекты передачи реалий в переводе // Союз переводчиков России. Ассоциация военных переводчиков. Научный альманах № 1 (2). М., 1997.

Долинина А. А. Арабски на тему Эткинда // Взаимодействие литератур Европы и Азии и проблемы перевода. СПб., 1999.

Еловигов Д. И. Некоторые проблемы перевода с европейских языков на кхмерский и с кхмерского на европейские // Взаимодействие литератур Европы и Азии и проблемы перевода. СПб., 1999.

Игнатъев А. С. Обучение использованию фигур стилистического синтаксиса в публичных выступлениях на арабском языке. — М., 1982.

- Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2001.
- Котов А. М. Проблемы сопоставительной стилистики китайского языка // Научно-практическая конференция. Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989.
- Крапива Г. П. Синонимический ряд и классификация синонимов в литературном арабском языке // Восточные языки. М., 1971.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
- Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1983.
- Латышев Л. К. Технология перевода. М., 2000.
- Ленкин А. Б., Шитов Б. А. Грамматические и стилистические аспекты употребления предлогов при однородных членах арабского предложения // Научно-практическая конференция. Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Методы современной коммуникации: проблемы теории и современной практики. Материалы 1-й международной конференции 27–29 ноября 2002 г. М., 2002.
- Мирам Г. Э. Переводные картинки. Профессия: переводчик. Киев, 2001.
- Мишкурин Э. Н. Ислам и арабский язык (опыт лингвосоциального и лингвокультурологического анализа) // Союз переводчиков России. Ассоциация военных переводчиков. Научный альманах №1 (2). М., 1997.
- Морозова В. С. Коммуникативно значимые формулы вежливости (приветствия) в арабском языке и проблемы их перевода // Союз переводчиков России. Ассоциация военных переводчиков. Научный альманах №1 (2). М., 1997.
- Осипов В. Д. О выделении эпистолярного стиля в арабском языке // Научно-практическая конференция. Функционально-стилисти-

- ческая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989.
- Палажченко П. Все познается в сравнении, или Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М., 2000.
- Пантюхин Н. Я. О критериях идентификации научного стиля в арабском языке // Сборник статей. №29–30. М., 1993.
- Сидоров Е. В. Некоторые мифы стилистики в свете системной концепции речевой коммуникации // Научно-практическая конференция. Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989.
- Попович А. Проблемы художественного перевода. Благовещенск, 2000.
- Терещенко В. В. Лексико-грамматические особенности образования многокомпонентных военных и военно-технических терминов в арабском языке (в сопоставлении с русским языком). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 2001.
- Финкельберг Н. Д. Исследование структурных отношений в семантической системе арабских имен. Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1975.
- Финкельберг Н. Д., Майбуров Н. А. Учебник общественно-политического перевода. Арабский язык. Ч. 1–2. М., 1986.
- Фролов Д. В. Предлоги в арабской грамматической традиции // Языки зарубежного Востока. М., 1977.
- Фролов Д. В. Способы оформления понятий в традиционной арабской грамматике // Проблемы арабской литературы. М., 1987.
- Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. М., 2001.
- Шамраев Н. А. Арабские военные реалии: опыт сопоставительного анализа // Союз переводчиков России. Ассоциация военных переводчиков. Научный альманах №1 (2). М., 1997.

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973.

Шитов Б. А. Связь предложений в письменном монологическом тексте арабского литературного языка (в сопоставлении с русским). Автореф. дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1985.

Шитов Б. А. Стилистические аспекты прономинализации как способа связи предложений в арабском тексте // Научно-практическая конференция. Функционально-стилистическая стратификация и стилевые ресурсы восточных языков. Тезисы докладов и сообщений. М., 1989.

Шитов Б. А. К проблеме определения учебного военно-терминологического минимума арабского языка // Союз переводчиков России. Ассоциация военных переводчиков. Научный альманах №1 (2). М., 1997.

Шитов Б. А. Экономический перевод. Арабский язык. М., 1995.

Шитов Б. А. Учебник по военному переводу арабского языка. М.,

أمين مصطفى وعلى الجبر مرو — البلاغة الواضحة — القاهرة
تمام حسان — القرائن النحوية... — اللسان العربي، الرباط، ١٩٦٤
الجرجي عبد القاهر — كتاب دلائل المجاز في علم المعاني — القاهرة، ١٩٤٨.

عبد القادر حسين — فن البلاغة — القاهرة، ١٩٦٤.
مالك المطلبي — إستجابة العربية للتحديات المعاصرة — دراسة في
النول والنسيج — «الأقلام» — سنة ١٩٨٥، ص. ٨٠ — ١٠١.

СЛОВАРИ

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1986.

Арсланян Г., Шубов Я. Русско-латино-арабский медицинский словарь. М., 1993.

Аттая М. О. Словарь арабско-русский. М., 1913.

Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1976.

Белкин В. М. Карманный русско-арабский словарь. М., 1970.

Борисов В. М. Русско-арабский словарь. М., 1967.

Гиргас В. Словарь к Арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881.

Жузе П. К. Полный арабско-русский словарь (сост. П. К. Жузе). Ч. 1–2. Казань, 1903.

Киреев П. М., Минеджян Г. З. Краткий русско-англо-арабский медицинский словарь. М., 1971.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1984.

Рыжков В. И., Тхоржевский Л. Л., Шагаль В. Э. Русско-арабский технический словарь. М., 1988.

Словарь синонимов русского языка, Т. 1–2. Л., 1970–1971.

Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.

Шарбатов Г. Ш. Русско-арабский учебный словарь. М., 1964.

Шарбатов Г. Ш. Арабско-русский учебный словарь. М., 1981.

Шахбаз А. С. А., Зотов В. И. Арабско-русский разговорник для туристов. М., 1979.

Юнусов К. О. Краткий русско-арабский словарь экономических терминов. СПб., 1996.

إبراهيم مصطفى، أحمد حسن الزيات، حامد عبد القادر، محمد علي النجار
— المعجم الوسيط — القاهرة، ١٩٥١.

إلياس أنطون إلياس وأدوار إ. إلياس — القاموس العصري عربي —
إنجليزي — القاهرة.

إلياس أنطون إلياس وأدوار إ. إلياس — القاموس العصري — إنجليزي —
عربي — القاهرة.

أنطوان الدحداح — قاموس الجيب في لغة النحو العربي — لبنان.

الرائد، معجم لغوي، تأليف جبران مسعود، الطبعة الثانية، بيروت.

رفائيل نخلة اليسوعي — منجد في المترادفات والمتجانسات، بيروت، ١٩٥٩.

علي بن هادية، بلحسن البليش — القاموس الجديد للطلاب — تونس، ١٩٨٤.

- محيط المحيط، تأليف ب. البساطاني، ١ — ٢، بيروت، ١٨٥٦—١٨٦٠.
 المعجم الوسيط لمجمع اللغة العربية، القاهرة، ١٩٥٠ — ١٩٥١.
 المنجد في اللغة والادب والعلوم، تأليف لويس معلوف، بيروت، ١٩٥٠.
 المنجد الأبجدي، الجزائر، ١٩٨٥.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Лекция 1 Проблематика частной теории перевода арабского языка (1)	9
Лекция 2 Проблематика частной теории перевода арабского языка (2)	21
Лекция 3 Особенности арабской номинации и перевод (1)	36
Лекция 4 Особенности арабской номинации и перевод (2)	47
Лекция 5 Особенности арабской номинации и перевод (3)	60
Лекция 6 Особенности арабской номинации и перевод (4)	69
Лекция 7 Особенности арабской референции и перевод	78
Лекция 8 Особенности обозначения целостного образа ситуации в арабском тексте (1)	91
Лекция 9 Особенности обозначения целостного образа ситуации в арабском тексте (2)	104
Лекция 10 Текстологический аспект частной теории перевода арабского языка (1)	113
Лекция 11 Текстологический аспект частной теории перевода арабского языка (2): Связность и цельность текста	121
Лекция 12 Текстологический аспект частной теории перевода арабского языка (3): Темпоральное качество арабского текста	128
Лекция 13 Текстологический аспект частной теории перевода арабского языка (4): Эмоционально-оценочное качество арабского текста	139

Лекция 14	Текстологический аспект частной теории перевода арабского языка (5): Стилистические проблемы перевода	148
Лекция 15	Текстологический аспект частной теории перевода арабского языка (6): Перевод нарративных и аффективных текстов	160
Лекция 16	Словари: помощь переводчику	175
Лекция 17	Социокультурный аспект частной теории перевода арабского языка	187
	Контрольные вопросы к лекциям	197
	Краткий словарь переводческих терминов	207
	Список литературы	221

Учебное издание

Финкельберг Наталья Дмитриевна

АРАБСКИЙ ЯЗЫК. КУРС ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Редактор *Н. А. Ракова*
Верстка и оформление *Е. А. Владимирова*

«Восток – Запад»

Тел./факс: (095) 101-36-29
Для корреспонденции: 127106, Москва, а/я 12
E-mail: info@muravei.ru
Интернет: www.muravei.ru

ООО «Восток – Запад»
129085, Москва, Звездный бульвар, 21, стр. 1
Издание выпущено при техническом содействии
ООО «Издательство АСТ»

Подписано в печать 14.10.2003. Формат 60×88 1/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 14,5. Тираж 1000 экз. Заказ 9162.

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВНИИТИ»,
140010, г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86